Н. П. Автономовъ.

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА"

(Сатирико-нравоучительный журналъ 1769—1770 г.).

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МОСКВА
Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ
1913.

Н. П. Автономовъ.

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА"

(Сатирико-нравоучительный журналъ 1769—1770 г.).

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ.
1912.

До настоящаго времени «Всякая Всячина» не была еще предметомъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія. Такое отношеніе науки къ «В. В.», пожалуй, понятно. Помимо того, что литература 18 вѣка вообще не достаточно еще изучена, «В. В.», какъ одинъ изъ ряда такъ-называемыхъ сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, не могла претендовать на особое къ ней вниманіе. Къ тому же и появившаяся болѣе полстолѣтія тому назадъ работа Афанасьева о русскихъ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 гг., въ которой была охарактеризована и «В. В.», въ достаточной степени, казалось, освѣщала «В. В.». Даже то обстоятельство, что «В. В.» руководила Екатерина II, не возбуждало въ научномъ мірѣ попытокъ спеціальнаго изслѣдованія «В. В.» . Правда, журналъ этотъ продолжалъ привлекать вниманіе ученыхъ, его продолжали изучать, но изученія его въ цѣломъ не было; изучались только отдѣльные вопросы, касавшіеся его. Таково, напр., происхожденіе появившейся въ 1892 г. статьи Солнцева, разсматривающей отношеніе «В. В.» къ англійскому журналу «Spectator». Въ общемъ «В.В.» изучали все-же мало, и указанное отношеніе ученыхъ ко «В. В.» повело къ естественному, конечно, слѣдствію: въ научной литературѣ, на нашъ взглядъ, нѣтъ еще вполнѣ правильной точки зрѣнія на «В. В.». А между тѣмъ если въ настоящее время нѣтъ еще возможности окончательнаго рѣшенія вопроса о «В. В.», то необходимость внести нѣкоторыя поправки въ представленіе о «В. В.»—на очереди. Необходимость работы такого характера, помимо ея значенія для выясненія «В. В»., можетъ имѣть еще и ту положительную сторону, что она можетъ измѣнить нѣсколько взглядъ на такъ-называемые сатирическіе журналы времени 1769—1774 гг.

Данная работа и является такой попыткой. Считаемъ нужнымъ только оговориться, что данная работа не будетъ останавливаться подробно на томъ, что уже вполнѣ рѣшено при изученіи «В. В.», а дастъ только поправки къ существующимъ взглядамъ на «В. В.» и подробно остановится только на такихъ сторонахъ ея, которыя или совсѣмъ замалчивались до настоящаго времени, или недостаточно подчеркивались.

ГЛАВА I.

Познакомимся вкратцѣ, какъ постепенно шло впередъ изученіе «В. В.».

Не останавливаясь на всей литературѣ по данному вопросу, мы представимъ только главные этапы изученія «В. В.».

Научное изученіе «В. В.» начинается только съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Впервые остановился на разсмотрѣніи «В. В.» и далъ ей характеристику Буличъ въ своей работѣ о Сумароковѣ. Буличъ считаетъ «В. В.» «первымъ» [1]) и «старѣйшимъ сатирическимъ журналомъ»[2]), подчеркиваетъ его одно «ярко выдающееся направленіе» [3])—сатиру. Онъ отмѣчаетъ «легкій тонъ» [4]) журнала, «примирительный взглядъ на осмѣиваемые пороки» [5]), говоритъ объ «умѣренности» [6]) направленія журнала, его «главномъ правилѣ»—«не цѣлить на особъ, но единственно на пороки» [7]) Буличъ называетъ кружокъ издаталей «В. В.» людьми «образованными» [8]), «свѣтскими» [9]), допускаетъ посылку журналомъ корреспондентовъ даже въ Москву, считаетъ картины нравовъ, изображенныя «В. В.», не заключающими въ себѣ «ничего лишняго и преувеличеннаго» [10]) и отличающимися «особенною художественною отдѣлкою и оконченностью» [11]). Буличъ не замалчаваетъ и вопроса объ отношеніи «В. В.» къ «Spectator'у», но рѣшаетъ его крайне неопредѣленно, ограничиваясь указаніемъ, что «Spectator» считался для «В. В.» «образцомъ» [12]). Высказывается Буличъ и по вопросу о значеніи сатиры такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени и «В. В.» въ частности и признаетъ ея положительное значеніе. «Бытіе ея (сатиры)—говоритъ онъ—показывало, что общество начинаетъ сознавать себя, что въ немъ, послѣ переходной эпохи, начинается иная жизнь, полная духовныхъ и нравственныхъ стремленій»[1]).

Въ 1856 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась вышедшая въ 1859 г. отдѣльнымъ изданіемъ работа Аѳанасьева о русскихъ сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени. Въ этой работѣ Аѳанасьевымъ была охарактеризована нѣсколько и «В. В.». Но въ зависимости отъ основной задачи Аѳанасьева--нарисовать на основаніи такъ называемыхъ

---

[1]) *Буличъ*, Сумароковъ и соврем. ему критика. Спб. 1854, стр. 219. [2]) Ib., 212. [3]) Ib., 210. [4]) Ib. 215. [5]) Ib. 215. [6]) Ib. 217. [7]) Ib., 217. [8]) Ib., 215. [9]) Ib., 215. [10]) Ib., 218. [11]) Ib., 219. [12]) Ib., 217. [13]) Ib., 221.

сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени картину общества того времени—его замѣчанія относительно «В. В.» не могли быть полны; въ своей книгѣ онъ знакомилъ читателей только съ нѣкоторыми предметами сатиры «В. В.», отчасти ея содержаніемъ, въ общей же характеристикѣ онъ или повторилъ Булича, или дѣлалъ не совсѣмъ удачныя попытки сказать кое-что новое относительно «В. В.». Такъ же неправильно, какъ Буличъ, Аѳанасьевъ считаетъ «В. В.» сатирическимъ журналомъ, говоритъ о «полномъ успѣхѣ» [14]) «В. В»., которымъ она, безусловно, не пользовалась, повторяетъ Булича въ его взглядѣ на «главное» правило «В. В.», на ея тонъ, характеръ сатиры, полное соотвѣтствіе нарисованныхъ «В. В.» картинъ тогдашней дѣйствительности. Нѣсколько опредѣленнѣе Булича онъ высказывается относительно зависимости «В. В.» отъ «Spectator'а. Вліяніе послѣдняго онъ допускалъ только на форму и тонъ статей, а «содержаніе наши сатирическіе журналы брали изъ своей собственной жизни» [15]). Вводитъ также Аѳанасьевъ новую ошибку, говоря, что статьи «В. В.» озаглавливались «краткими нравственными сентенціями» [16]).

Работы Булича и Аѳанасьева надолго опредѣлили въ нашей научной литературѣ представленіе о «В. В.», и въ значительной степени взгляды ихъ господствуютъ и въ настоящее время несмотря на то, что эти работы, какъ разсматривающія «В. В.» эпизодически, не рѣшили всѣхъ вопросовъ вполнѣ правильно.

Въ 1856 же году появилась статья Пекарскаго «Любитель литературы екатерининскихъ временъ». Статья эта важна въ томъ отношеніи, что она вполнѣ опредѣленно поставила вопросъ о безусловной зависимости такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ того времени, въ томъ числѣ и «В. В.», отъ заграничной сатирико-нравоучительной литературы. Цѣнная въ этомъ отношеніи она страдаетъ полнымъ отсутствіемъ аргументаціи, что, впрочемъ, понятно, такъ какъ названная статья Пекарскаго главною своей цѣлью имѣла доказательство другого вопроса—подчеркнуть склонность къ литературѣ поручика Васильева.

Работа Аѳанасьева о сатирическихъ журналахъ вызвала въ 1859 г. статью Добролюбова «Русская сатира въ вѣкъ Екатерины». Эта статья, какъ и послѣдовавшая вскорѣ за ней (1860 г.) статья Мордовцева «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности», рѣшаютъ вопросъ о значеніи сатиры екатерининскаго времени вообще и «В. В.» въ частности. Вопросъ рѣшается отрицательно.

Въ 1863 г. Пекарскій опубликовалъ свои «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II». Эти «Матеріалы» внесли крайне важную поправку въ дѣло изученія «В. В»: они доказали участіе и сотрудничество Екатерины II въ изданіи «В. В.». Это открытіе, сдѣланное Пекарскимъ, внесло нѣкоторое оживленіе въ изученіе «В. В.»: съ одной стороны и самый журналъ начинаетъ привлекать къ себѣ большее

---

[14]) *Аѳанасьвъ.* Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 г.г. М. 1859. Стр. 7.
[15]) Ib., 5—6. [16]) Ib., 7.

вниманіе изслѣдователей, а съ другой--историки литературы и Екатерины II, при изученіи дѣятельности послѣдней, обращаются къ разсмотрѣнію «В. В.». Необходимо только отмѣтить, что первые опыты характеристики участія Екатерины II въ изданіи «В. В.» были крайне осторожны. Такъ, Щебальскій въ 1871 году въ своей работѣ «Драматическія сочиненія Екатерины II» останавливается на этомъ участіи только вскользь: онъ отмѣчаетъ полемику «В. В.» съ другими журналами и то только съ той цѣлью, чтобы отмѣтить свободу печати, которою пользовалась въ то время русская журналистика.

Но назрѣвшій вопросъ выяснить участіе Екатерины II въ изданіи «В. В.» не могъ, конечно, оставаться долго безъ попытокъ разрѣшить его, и въ 1887 г. появляется работа Шумигорскаго «Императрица-публицистъ». Эта работа заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что она впервые пытается не только охарактеризовать участіе Екатерины II во «В. В.», но и объяснить характеръ этого участія въ зависимости отъ личности Екатерины II и ея положенія. Шумигорскій отмѣчаетъ, что Екатерина II скрывала свое сотрудничество въ «В. В.», предприняла изданіе журнала въ цѣляхъ просвѣтительно-политическихъ... Но начавъ издавать журналъ, вызвавъ благодаря этому другіе журналы, вступивъ затѣмъ съ ними въ полемику по общественнымъ вопросамъ, Екатерина II очутилась въ неудобномъ положеніи императрицы-публициста, участіе которой въ изданіи «В. В.» было извѣстно обществу. Въ зависимости отъ свойствъ своего ума, характера Екатерина выносила рѣзкости этой полемики, «не обижалась» на нее, и до конца своей дѣятельности въ журналѣ оставалась вѣрной своему убѣжденію въ необходимости сначала исправить и смягчить нравы, чтобы потомъ провести нужныя реформы. Трудность однако въ положеніи главы государства вести публицистическій органъ заставила ее прекратить изданіе «В. В.».

Работа Шумигорскаго представляла собой, несомнѣнно, прогрессъ въ изученіи «В. В.». Нельзя сказать этого относительно работы Незеленова: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». Данныя этой работы по отношенію ко «В. В.» должны быть признаны мало удовлетворительными.

Незеленовъ разсматриваетъ «В. В.» наряду съ журналомъ «Ни то, ни се», какъ примѣры «темныхъ сторонъ нашего вольтерьянства» [17]). Общая характеристика Незеленовымъ «В. В.» безусловно невѣрная. Вотъ она: «В. В.» была совершенно чужда всякаго идеализма и очень легкомысленно смотрѣла на жизнь» [18]). Безусловно неправильно смотритъ Незеленовъ и на нѣкоторыя частныя воззрѣнія «В. В.». По мнѣнію Незеленова, «В. В.» снисходительно относилась ко взяточничеству, неправосудію» [19]). Приводится, конечно, примѣръ, подтверждающій это положеніе,—примѣръ, на нашъ взглядъ, совершенно не характерный вообще для «В. В.»: «она говорила,

---

[17]) *А. Незеленовъ,* Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1889, стр. 78
[18]) Ib., 79. [19]) Ib., 80.

напр., что «подьячихъ нельзя строго осуждать за нечестность, потому что много «около нихъ искушателей», дающихъ имъ взятки» [20])...

По нашему мнѣнію, подобную характеристику Незеленова нельзя признать удачной.

Совершенно новыя данныя для изученія «В. В.» устанавливаетъ статья Солнцева: «Всякая Всячина» и «Spectator». Статья убѣдительно доказываетъ близкую зависимость «В. В.» отъ «Spectator'а». Солнцевъ считается также и съ дѣятельностью Екатерины II въ этомъ журналѣ. Но, увлекшись сравнительнымъ методомъ, Солнцевъ несомнѣнно преувеличилъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ зависимость «В. В.» отъ «Spectator'а», и это понятно: онъ остановился только на сходствѣ «В. В.» со «Spectator'омъ» и слишкомъ механически, такъ сказать, оцѣнилъ это сходство. По нашему мнѣнію, полное отрицаніе самостоятельности «В. В.», признаніе ея тона, взгляда на сатиру вполнѣ обусловленными «Spectator'омъ», признаніе ея бытовыхъ картинъ нехарактерными для екатерининскаго времени, такъ какъ онѣ въ значительномъ своемъ большинствѣ являются картинками англійской жизни первой четверти XVIII вѣка,—все это нѣсколько одностороннія сужденія, почему и эта, цѣнная въ настоящее время, статья нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ.

Вопроса объ участіи Екатерины II въ изданіи «В. В.» касается въ 1895 году Пыпинъ въ своей статьѣ «Времена Екатерины II» *). Въ этой статьѣ Пыпинъ, разсматривая вообще литературную дѣятельность Екатерины II останавливается и на разсмотрѣніи журнальной ея дѣятельности, въ частности въ качествѣ редактора «В. В.». Данная работа Пыпина имѣетъ то несомнѣнное значеніе въ дѣлѣ научной разработки «В. В.», что Пыпинъ довольно подробно останавливается на смѣнѣ настроеній въ дѣятельности и характерѣ Екатерины II и измѣненіяхъ литературной и журнальной дѣятельности въ зависимости отъ этого.

Останавливается на разсмотрѣніи участія Екатерины II въ изданіи «В. В.» и Милюковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры». Сравнительно съ работами Шумигорскаго и Пыпина по данному вопросу работа Милюкова рельефнѣе подчеркиваетъ логическій ходъ развитія мысли Екатерины II въ попыткахъ послѣдней исправить нравы русскаго общества. Милюковъ устанавливаетъ три стадіи такой попытки Екатерины II: Наказъ, журнальная ея дѣятельность во «В. В.» и драматическія ея произведенія. Болѣе или менѣе подробно останавливается Милюковъ на причинахъ неудачи Екатерины II въ ея замыслахъ исправить нравы общества путемъ публицистики, отмѣчаетъ разницу между предпринятыми для этого офиціальными мѣрами, проводимыми Екатериною II во «В. В.», и мѣрами общественнаго самосознанія, проводимыми Новиковымъ въ «Трутнѣ» и нѣкоторыми другими изъ тогдашнихъ журналовъ. Это-то столкновеніе Екатерины II съ общественнымъ самозознаніемъ и убѣжденіе ея въ оши-

---

[20]) Ib., 80. *) Вѣст. Евр. 1895 г. май—іюль.

бочности предпринятой мѣры и было причиной прекращенія изданія Екатериной II своего журнала.

Новымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія «В. В.» является академическое изданіе сочиненій императрицы Екатерины II (редакція Пыпина). Этому изданію Пыпинъ предпослалъ небольшое введеніе, въ которомъ между прочимъ говоритъ и о дѣятельности Екатерины II во «В. В.», хотя въ немъ нѣтъ чего-либо новаго относительно «В. В.» сравнительно съ тѣмъ, о чемъ ему раньше приходилось уже говорить; но зато въ самый текстъ соч. Екатерины Пыпинъ внесъ до 30 статей изъ журнала «В. В.» и тѣмъ впервые, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, приписалъ Екатеринѣ II опредѣленныя статьи. Но вмѣстѣ съ этимъ Пыпинъ оставилъ все-же нѣсколько не вполнѣ опредѣленныхъ отвѣтовъ относительно «В. В.». Онъ, напр., не далъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, къ какому типу журналовъ относится «В. В.»: сатирическому, нравоучительному или же сатирико-нравоучительному; онъ, имѣя возможность сказать свое авторитетное мнѣніе о журнальной дѣятельности Екатерины II и выяснить ея участіе въ журналѣ «В. В», не сдѣлалъ этого, отчего этотъ вопросъ и до настоящаго времени остается недостаточно выясненнымъ.

Такія недомолвки относительно «В. В.» являются довольно характерными для нея: въ этомъ сказалось недостаточное изученіе «В. В.». Мы видѣли, что послѣ работъ Булича и Аѳанасьева, далеко не выяснившихъ «В. В.» и касавшихся ея только эпизодически, дальнѣйшія разысканія ученыхъ установили зависимость «В. В.» отъ «Spectator'а» и участіе Екатерины II въ изданіи этого журнала, а также пытались выяснить характеръ этого участія. Общая же характеристика «В. В.» оставалась прежней, сдѣланной еще Буличемъ и Аѳанасьевымъ, несмотря на то, что соотвѣтствующія работы ихъ не рѣшали вполнѣ правильно вопроса о «В. В.». Мало того, нѣкоторые неправильные взгляды ихъ на «В. В.» принимались послѣдующими учеными за отправные, въ зависимости отъ которыхъ шло рѣшеніе и такихъ побочныхъ, но важныхъ вопросовъ, какъ характеръ участія Екатерины II во «В. В.» и степень зависимости «В. В.» отъ «Spectator'а». Неудивительно поэтому, что вопросъ о «В. В.» нельзя считать пока рѣшеннымъ.

Недостаточно внимательное отношеніе ученыхъ ко «В. В.», а отсюда неправильная и иногда односторонняя оцѣнка ими «В. В.», естественно отразилась и на общераспространенныхъ взглядахъ на «В. В.», вошла въ общіе курсы литературы, энциклопедіи и учебники. Не останавливаясь на несовсѣмъ правильныхъ взглядахъ Полевого, Порфирьева, высказанныхъ ими въ ихъ Исторіяхъ русской литературы, имѣя въ виду касаться этихъ взглядовъ отчасти въ дальнѣйшемъ, только отмѣтивъ статью Мазаева о «В. В.» и учебникъ Сиповскаго, какъ тоже не совсѣмъ удачно рѣшившіе вопросъ о «В. В.», мы приведемъ двѣ самыя послѣднія характеристики «В. В.». Одна изъ нихъ принадлежитъ Валишевскому, другая—проф. А. К. Бороздину.

«Главною цѣлью этого журнала («В. В.») была борьба съ «Трутнемъ» Новикова. «Трутень» нападалъ на нѣкоторыя стороны русской жизни,

безспорно достойныя осужденія, и скептическій и немного мрачный складъ ума его издателя отражался на его критическихъ статьяхъ. Особенно Новиковъ преслѣдовалъ повальное взяточничество, царившее среди чиновниковъ. Екатерина отвѣчала ему на это тономъ веселой насмѣшки. Неужели нужно непремѣнно плакать и видѣть все въ черномъ свѣтѣ? Ей хотѣлось, чтобы всѣ были веселы и смотрѣли на жизнь легко. Взяточничество, безспорно, скверная и даже отвратительная вещь, но вѣдь у несчастныхъ чиновниковъ столько соблазновъ.—Неужели же осуждать ихъ безжалостно, не допуская даже для нихъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ? Вообще къ чему быть такимъ непреклоннымъ и требовать отъ человѣчества совершенства, которое ему недоступно!? «Нашъ полетъ по землѣ—говорила «В. В.»,—а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси». «Сверхъ того,—прибавлялъ журналъ,—мы не любимъ меланхолическихъ писемъ». Новикову было, конечно, нетрудно возразить на это. Но у Екатерины былъ зато противъ него такой аргументъ, съ которымъ онъ былъ уже безсиленъ бороться: въ одинъ прекрасный день она заставила его замолчать, закрывъ его журналъ: «Трутень» былъ запрещенъ въ 1770 году» [21]).

Но если Валишевскаго, какъ не историка литературы, судившаго, надо думать, о «В. В.» по даннымъ изъ вторыхъ рукъ, можно извинить за такую ошибочную характеристику «В. В.», то отъ изданія «Исторія русской литературы», выходящаго подъ редакціей солидныхъ научныхъ силъ (Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина и Д. Н. Овсянико-Куливовскаго), можно было бы ожидать болѣе вѣрнаго представленія о «В. В.». Однако въ данномъ изданіи мы этого не находимъ. Въ этой «Исторіи русской литературы» о «В. В.» упоминается въ главѣ «Эпоха Екатерины II». Слишкомъ общій очеркъ этой главы и является, конечно, причиной того, что отзывъ о «В. В.» вышелъ нѣсколько неудачнымъ. Отзывъ хотя и очень общъ, но довольно характеренъ для «В. В.»; онъ лишній разъ подтверждаетъ, что «В. В.» недостаточно понимаютъ и до настоящаго времени. Вотъ этотъ отзывъ: «Виднымъ средствомъ для пропаганды просвѣтительныхъ идей послужили для Екатерины журнальныя статьи, помѣщавшіяся во «В. В.» (изданіе статсъ-секретаря Козицкаго, подъ руководствомъ императрицы) и въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» (изданіе кн. Е. Р. Дашковой); «В. В.» послужила образцомъ появившихся у насъ вскорѣ сатирическихъ журналовъ (издававшихся Новиковымъ, Чулковымъ и др.). Тонъ журнала — «улыбательный», статьи представляютъ собой легкіе, веселые очерки и размышленія; все другое, могущее вызвать скуку, исключалось. Въ «улыбательномъ» духѣ писала и сама императрица. Ея статьи выходили подъ заглавіемъ «Были и Небылицы». Въ содержаніи своихъ статей она избѣгала затрогивать отдѣльныя личности, стараясь говорить о недостаткахъ отвлеченно. Она не хочетъ поглубже посмотрѣть на дѣло; она лишь слегка осмѣиваетъ недостатки жизни

---

[21]) *А. Валишевскій*, Романъ императрицы. Спб. 1898, стр. 468—469.

общественной» [22]). Мало того, что эта характеристика слишкомъ общая, нерѣдко невѣрная, но она еще допускаетъ такую грубую ошибку, какъ смѣшеніе дѣятельности Екатерины II во «В. В.» и «Собесѣдникѣ».

Принимая во вниманіе все, что написано до настоящаго времени въ научной литературѣ о «В. В.», можно считать слѣдующій взглядъ на нее болѣе или менѣе установившимся:

«Всякая Всячина»—одинъ изъ первыхъ, если только не первый, русскій сатирическій журналъ. Направленіе его—консервативное; можно даже говорить объ его ретроградномъ направленіи. Тонъ сатиры «В. В.»—«улыбательный». О характерѣ журнала, его направленіи лучше всего можно судить по полемикѣ, которую вела «В. В.» съ другими журналами,—полемикѣ, въ которой она сильно себя скомпрометтировала. Ея нападки на пороки современнаго ей общества были крайне осторожны, она признавала правиломъ «не цѣлить на особъ, а единственно на пороки»; личную сатиру, такимъ образомъ, отвергала. Она не боролась съ крѣпостнымъ правомъ, осмѣивала только то, что преслѣдовалось и законодательствомъ; если иногда и нападала на взяточничество, то по отношенію только къ подьячимъ, которыхъ къ тому же иногда защищала.—Это, можно сказать, признается всѣми изслѣдователями русской литературы и «В. В.».

Нѣкоторые другіе вопросы относительно «В. В.» рѣшаются различно. Относительно вопроса о томъ, насколько правильно отразила «В. В.» современную ей дѣйствительность, существуютъ различные взгляды: Аѳанасьевъ, Буличъ и нѣкоторые другіе считаютъ, что сатира «В. В.» точно отразила современную ей дѣйствительность; Пекарскій отрицаетъ это, подчеркивая зависимость такъ называемой сатирической журналистики Екатерининскаго времени отъ заграничной, а Солнцевъ думаетъ, что только ея сатира на подъячихъ, на приверженцевъ старины и на старое воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей рисуетъ русскія бытовыя картинки того времени, остальныя же ея бытовыя статьи являются изображеніемъ быта Англіи первой четверти XVIII вѣка.

По вопросу о значеніи сатиры «В. В.» мнѣнія раздѣляются: одни (Аѳанасьевъ, Буличъ, Порфирьевъ) признаютъ безусловно положительное значеніе ея, другіе (Добролюбовъ, Мордовцевъ) совершенно отрицаютъ значеніе сатиры екатерининскаго времени вообще и «В. В.» въ частности.

Наконецъ, что касается вопроса объ участіи въ журналѣ Екатерины II, то хотя это участіе несомнѣнно, хотя существуетъ уже мнѣніе о принадлежащихъ Екатеринѣ II статьяхъ, помѣщенныхъ во «В. В.», тѣмъ не менѣе это участіе Екатерины II въ данномъ журналѣ недостаточно еще выяснено.

Такое состояніе научной литературы относительно «В. В.» ставитъ, конечно, на очередь необходимость попытки внести нѣкоторыя поправки въ представленіе о «В. В.», устранить противорѣчія во взглядахъ на нее и выяснить характеръ участія Екатерины II въ изданіи этого журнала.

---

[22]) Исторія русской литературы подъ редакціей Аничкова, Бороздина, Овсянико-Куликовскаго. Т. I, стр. 403.

Въ своей работѣ мы и пытаемся сдѣлать это.

Въ ней мы послѣ ознакомленія съ организаціей журнала (II глава) считаемъ нужнымъ прежде всего раскрыть несостоятельность того взгляда, по которому «В. В.» считается первымъ русскимъ сатирическимъ журналомъ; для этого намъ придется сдѣлать небольшой историческій очеркъ развитія нашей русской журналистики до времени появленія «В. В.». Затѣмъ мы имѣемъ въ виду доказать, что «В. В.» совершенно напрасно считаютъ сатирическимъ журналомъ: это—сатирико-нравоучительный журналъ, или нравоучительно-сатирическій, но ни въ какомъ случаѣ не исключительно сатирическій. Послѣ этого (III гл.) мы дадимъ содержаніе «В. В.» болѣе или менѣе подробное въ виду того, что этого до настоящаго времени еще не сдѣлапо, а журналъ сталъ уже библіографическою рѣдкостью. Въ самомъ началѣ этого изложенія мы имѣемъ въ виду опровергнуть мнѣніе, что «В. В.» не боролась съ крѣпостнымъ правомъ. Въ дальнѣйшей части нашей работы мы, послѣ выясненія зависимости «В. В.» отъ иностранной журналистики и рѣшенія вопроса о значеніи сатиры екатерининскаго времени (IV гл.), имѣемъ въ виду доказать (V гл.), въ противовѣсъ Солнцеву, что объекты для своей сатиры «В. В.» если и брала неоднократно изъ «Spectator'a», то выборъ ихъ дѣлала въ большинствѣ случаевъ удачно. Для этого намъ придется воспользоваться записками людей 18 вѣка и посмотрѣть, были ли въ тогдашней русской дѣйствительности такія явленія, которыя давали бы матеріалъ для журнальныхъ статей «В. В.».

Въ послѣдней части нашей работы (VI гл.) намъ придется выяснить вопросъ объ участіи Екатерины II въ изданіи «В. В.» въ связи съ ея личностью и ея литературной и публицистической дѣятельностью, а также высказаться относительно направленія и тона «В. В.».

Таковы главныя цѣли и планъ нашей работы.

ГЛАВА II.

«В. В.», сатирико-нравоучительный журналъ или, правильнѣе, листокъ, выходилъ въ С.-Петербургѣ съ 1 января 1769 г. по 1 мая 1770 г. Первая публикація о выходѣ этого журнала была помѣщена въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 6 января 1769 г. Эта публикація была такого содержанія: «Желающіе имѣть издаваемыя нынѣ еженедѣльно сочиненія подъ именемъ «В. В.» могутъ оныя получать въ Акад. книжной лавкѣ каждой недѣли въ пятницу при раздачѣ Вѣдомостей, платя за каждое такое сочиненіе по $1^1/_2$ коп.» [23]).

Надо думать, что появленіе въ свое время «В. В.» было очень кстати: вслѣдъ за ней появилось еще нѣсколько журналовъ подобнаго же направленія, и въ періодъ времени отъ 1769 по 1774 г., а преимущественно въ 1769 г. въ Петербургѣ выходили, помимо «В. В.», слѣдующіе журналы: «И то и се», «Ни, то ни се», «Поденщина», «Смѣсь», «Трутень», «Адская Почта», «Полезное съ Пріятнымъ» (всѣ эти журналы выходили въ 1769 г.), «Пустомеля», «Парнасскій Щепетильникъ» (въ 1770 г.), «Трудолюбивый Муравей» (1771 г), «Живописецъ» (1772), «Вечера» (1772—1773), «Мѣшанина» (1773), «Кошелекъ» (1774).

Какъ появившіеся послѣ «В. В.», эти журналы—преимущественно, конечно, журналы 1769 г.—въ шутку называли «В. В.» «матушкой», «бабушкой», «прабабушкой», а она ихъ—«дѣтками», «внучками», что не мѣшало однако названнымъ журналамъ вести иногда ожесточенную полемику и очень нелестно отзываться другъ о другѣ.

Приступая къ изданію «В. В.», ея издатели разсчитывали, по обычаю тогдашняго времени, вести журналъ только въ теченіе года; однако по истеченіи года въ редакціи «В. В.» остался нѣкоторый неиспользованный матеріалъ, который редакція «В. В.» сочла возможнымъ выпускать въ слѣдующемъ году подъ названіемъ «Барышка Всякой Всячины», такъ что «Барышекъ В. В.» представляетъ изъ себя естественное продолженіе «В. В.», по своимъ литературнымъ достоинствамъ впрочемъ нѣсколько уступаю-

---

[23]) *А. Н. Неустроевъ*, Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб. 1874, стр. 126.

щее «В. В.», такъ какъ на его страницахъ помѣщался только остатокъ, и притомъ худшій, изъ всего того литературнаго матеріала, которымъ обладала «В. В.»; несмотря на это общая физіономія «В. В.»,—ея направленіе, духъ,—явственно даетъ знать о себѣ и на страницахъ «Барышка «В. В.». Въ дальнѣйшей нашей работѣ мы будемъ смотрѣть на «В. В.» и на «Барышекъ «В. В.» какъ на одинъ журналъ и будемъ называть его общимъ именемъ «Всякая Всячина».

«Всякая Всячина» выходила еженедѣльно, по пятницамъ. Этотъ выходъ журнала въ теченіе всего времени изданія продолжался правильно и только въ рѣдкихъ случаяхъ, по случаю праздниковъ, первой и послѣдней недѣли Великаго поста, она или выходила нѣсколько раньше срока (№№ 20, 147), или нѣсколько запаздывала (№ 41). Всѣхъ нумеровъ было выпущено журналомъ 70 (52 — собственно во «В. В.», 18 — въ «Барышкѣ В. В.»). Каждый нумеръ имѣлъ 8 страничекъ въ $^1/_8$ долю листа. Всѣхъ страничекъ во «В. В.» было 552 (первый нумеръ былъ безъ цифровыхъ обозначеній). Помимо нумераціи по страницамъ во «В. В.» шелъ особый счетъ по нумерамъ, который обозначался буквами русскаго алфавита (А, Б, В и т. д.), а такъ какъ ихъ было недостаточно, то обозначали въ дальнѣйшемъ двумя буквами (Р р, О о) и даже тремя (А а а).

Всѣхъ статей, занумерованныхъ редакціей, было 176 (изъ нихъ 150 во «В. В.» и 26—въ «Барышкѣ В. В.»).

Опредѣленныхъ рубрикъ, которыя мы встрѣчаемъ въ современныхъ журналахъ, «В. В.» не имѣла. Что касается формы статей, то обычной формой является письмо въ редакцію и отвѣтъ редакціи на это письмо.

Сотрудники «В. В.» писали прозой, хотя иногда присылали и стихотворенія.

Кружокъ писателей, сотрудниковъ «В. В.», былъ, повидимому, достаточно образованъ. Нѣкоторыя статьи и переводы свидѣтельствуютъ о знаніи древнихъ и новыхъ языковъ, есть данныя въ пользу начитанности въ Священномъ Писаніи; иногда можно встрѣтить попытки производства филологическихъ разысканій; иногда сотрудники обнаруживаютъ знакомство съ исторіей древняго міра, русской исторіей, русскими старинными рукописями.

Можетъ быть, въ числѣ сотрудниковъ «В. В.» были и военные; по крайней мѣрѣ встрѣчается отвѣтъ редакціи на просьбу не прекращать изданіе, что многіе «друзья» (сотрудники?) издателя уѣхали на войну; имѣется также письмо, полученное якобы отъ военнаго (64).

По словамъ «В. В.», сотрудники ея собирались вмѣстѣ въ редакцію для составленія очередного нумера (91). Но вѣрить этому особенно не приходится, тѣмъ болѣе, что статья—заимствованная. Неизвѣстно, жили ли всѣ сотрудники «В. В.» въ С.-Петербургѣ, или же и въ другихъ городахъ. Во «В. В.» есть письма, полученныя якобы редакціей изъ Москвы (63, 105, 165), Новгорода (40), Касимова (132), Великихъ Лукъ (121), даже изъ-за границы—изъ Англіи (38). Но трудно предположить, чтобы письма присылались дѣйствительно оттуда. «В. В.» не имѣла опредѣленныхъ под-

писчиковъ, продавалась только въ С.-Петербургѣ въ розничной продажѣ, при Академической лавкѣ. Въ провинцію она едва ли попадала. По крайней мѣрѣ Болотовъ, большой любитель литературы, внимательно слѣдившій за ней и живо ею интересовавшійся, живя въ провинціи, не зналъ о выходѣ этого журнала: въ его запискахъ, крайне полныхъ и подчасъ мелочныхъ, мы не находимъ указанія на это. Конечно, случайно нѣкоторые нумера «В. В.» могли быть завезены или пересланы въ провинцію, какъ это и отмѣчаетъ «В. В.» (132), но и въ такомъ случаѣ трудно предположить, чтобы эти номера вызвали отвѣтныя письма въ редакцію.

Нѣтъ возможности вполнѣ опредѣленно также рѣшить, какія письма были заготовлены въ самой редакціи, какія были присланы корреспондентами ея. Но несомнѣнно, что «В. В.» часто выдавала за полученныя отъ своихъ корреспондентовъ письма изготовленныя въ редакціи. А она не разъ писала, даже въ половинѣ перваго года своего изданія, что писемъ присылается такъ много, что ея сотрудникамъ почти нечего дѣлать (10, 41, 58). Такое обиліе писемъ можно заподозрѣть, хотя иногда редакція, конечно, могла получать письма. По нашему мнѣнію, можно даже заподозрѣть принадлежность не только тѣхъ писемъ, которыя редакція выдавала за полученныя отъ своихъ корреспондентовъ, но и тѣхъ, на которыя она отвѣчала. По крайней мѣрѣ нѣкоторые псевдонимы тѣхъ корреспондентовъ, которые якобы прислали свои письма въ редакцію («Пустозвякаловъ» (72), «Эваталовъ» (44), заставляютъ думать, что въ данномъ случаѣ «В. В.» высказывала свое отрицательное отношеніе ко всѣмъ носителямъ подобныхъ псевдонимовъ. А предположить, что въ самой редакціи изготовлялись письма, выдаваемыя часто за полученныя со стороны, мы, конечно, имѣемъ основаніе: это практиковалось въ то время, и тотъ же Болотовъ разсказываетъ, какъ онъ при изданіи своего журнала «Сельскій Житель» сначала отъ имени мнимыхъ корреспондентовъ самъ писалъ на свое имя письма [24]).

Личный составъ сотрудниковъ «В. В.» вполнѣ не выясненъ: сотрудники ея, какъ это было принято въ то время, обычно скрывались за псевдонимами. Эти послѣдніе удивительно разнообразны и многочисленны. Стоитъ только вчитаться въ нихъ, чтобы вполнѣ согласиться съ Порфирьевымъ, что во многихъ изъ нихъ «прямо указывалось направленіе авторовъ и характеръ ихъ сочиненій» [25]).

Вотъ нѣкоторые изъ такихъ псевдонимовъ: Доброжелателевъ, Панкратій Правдомысловъ, Гервасій Колдоваловъ, Акилина Трещоткина, Самъ себѣ лѣкарь, Чертухина, Антонъ Махало, Пантелеймонъ Рогоносцевъ, Трифонъ Остроперовъ, Василиса Топтоногова, Агафонъ Вралевъ, Олимпіада Сердцекрадова, Игнатій Зубоскалъ, Горемыка Воздыхаловъ, Иванъ Тарабаровъ и др.

Кромѣ псевдонимовъ встрѣчаются иногда, гораздо рѣже, и инициалы: И. С., Ѳ. М., А. Л., А. Ш. и др., есть какіе-то условные значки: *, *** и др.

---

[24]) *А. Т. Болотовъ*, Жизнь и приключенія Андрея Болотова. Т. III, стр. 766.
[25]) *Порфиреевъ*, Исторія русской словесности. Ч. II, отд. II. Казань, 1906, стр. 315.

Наконецъ, подъ нѣкоторыми статьями, можетъ-быть, и ненаписанными въ редакціи, нѣтъ никакихъ подписей.

Негласнымъ издателемъ журнала была Екатерина II, которая принимала и активное участіе въ журнальной работѣ. Объ ея участіи въ журналѣ, степени и характерѣ этого участія мы скажемъ нѣсколько ниже; здѣсь же мы отмѣтимъ нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ «В. В.».

Офиціальнымъ издателемъ журнала состоялъ Григорій Васильевичъ Козицкій [26]). Въ научной литературѣ о «В. В.» Козицкому никогда не приписывалось написаніе тѣхъ или иныхъ статей. О немъ говорили сначала какъ о дѣйствительномъ редакторѣ и издателѣ «В. В.», позднѣе,— какъ о редакторѣ и издателѣ подставномъ. И только. Конечно, трудно опредѣленно говорить о томъ, было ли и въ чемъ именно выразилось непосредственное участіе Козицкаго въ изданіи «В. В.». Намъ кажется, что активное участіе Козицкаго въ изданіи «В. В.» было. Можно думать, что если главной руководительницей «В. В.» и была Екатерина II, то кропотливый трудъ редактора журнала, нѣкоторые отвѣты редакціи, не имѣющіе особенно важнаго значенія,—все это могло лежать на обязанности Козицкаго. Помимо этого, какъ знатокъ древнихъ языковъ, какъ переводчикъ уже выступавшій въ журналахъ, онъ могъ помѣщать свои переводы и во «В. В.». Намъ кажется, что съ нѣкоторой вѣроятностью можно приписать Козицкому нѣкоторые переводы изъ древнихъ писателей, помѣщенные въ «Барышкѣ В. В.». Помимо высказаннаго соображенія въ пользу этого, на комъ другомъ, какъ не на Козицкомъ, лежала обязанность наполнять содержаніемъ этотъ журналъ, когда подъ руками не было, можетъ-быть, нужнаго матеріала, а Екатерина II еще не хотѣла окончить изданіе этого журнала? Не мудрено, что Козицкій сталъ слишкомъ злоупотреблять этими переводами...

Помимо Козицкаго изслѣдователи отмѣчаютъ въ качествѣ сотрудниковъ—Елагина, на счетъ котораго Солнцевъ относитъ переводъ статей изъ «Spectator'а», Григорія Кушалева и Михаила Жукова (Аѳанасьевъ), Аѳанасія Лобысевича (Буличъ), Храповицкаго (Буличъ и Аѳанасьевъ), А. О. Аблесимова (Пыпинъ), Петра Ѳед. Богдановича или П. Ф. Берга (Л. Майковъ) и, наконецъ, Сумарокова (Неустроевъ). Насчетъ этого автора мы считаемъ нужнымъ отнести, помимо указываемаго въ научной литературѣ стихотворенія (Надпись на памятникѣ Петра I), еще и басню, осмѣявшую дворянскую спѣсь (10); принадлежность Сумарокову этой басни до настоящаго времени еще не отмѣчалась. Можно, по нашему мнѣнію, предположить, что и другое стихотвореніе, помѣщенное въ этомъ же номерѣ «В. В.» рядомъ съ вышеуказанной басней, также принадлежитъ Сумарокову.

Въ связи съ организаціей журнала «В. В.» остается невыясненнымъ нѣсколько вопросъ о томъ, какъ относиться къ заявленіямъ «В. В.», что

---

[26]) О немъ см. *Пекарскій*, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г., 37—38. *Пекарскій*. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1863, стр. 4—6.

она не помѣщаетъ на своихъ страницахъ нѣкоторыхъ корреспонденцій, какъ уже напечатанныхъ въ другихъ журналахъ (50, 63, 121). Неизвѣстно, какъ понимать подобныя заявленія: едва ли корреспонденціи посылались въ два журнала одновременно; скорѣе можно думать, что эти корреспонденціи касались того же, что уже было напечатано въ другихъ журналахъ, или же «В. В.» не находила возможнымъ печатать, по редакціоннымъ соображеніямъ, на своихъ страницахъ и указывала, такъ сказать, другіе органы, гдѣ могли бы тѣ корреспонденціи быть напечатанными. Статьи во «В. В.» не всегда оканчивались въ одномъ и томъ же нумерѣ: иногда онѣ занимаютъ и слѣдующіе нумера. Обычнаго въ такихъ случаяхъ для нашего времени «Продолженіе слѣдуетъ» въ журналѣ нѣтъ. Правда, только однажды «В. В.» обмолвилась: «Продолженіе впередъ сообщу» [27]) (62)—и не исполнила своего обѣщанія. Иногда такія статьи растягивались на очень большое количество нумеровъ (до 9), какъ, напр., статья 173. Правда, эта статья представляетъ изъ себя переводы изъ древнихъ авторовъ; переводы эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ отдѣльные и вполнѣ самостоятельные разсказы, но и здѣсь случается, что одинъ разсказъ растягивается больше, чѣмъ на одинъ нумеръ.

Статьи иногда озаглавливаются нравственными сентенціями (2, 3, 18, 25, 36, 42, 111 и др.), не всегда онѣ подписаны, хотя бы и псевдонимами: не говоря уже о статьяхъ редакціоннаго характера, даже тѣ статьи, которыя можно признать за присланныя въ редакцію ея корреспондентами, иногда совершенно анонимны (157, 158, 161, 165, 166 и др.). Иногда въ статьяхъ можно встрѣтить многоточія (7, 46, 68, 70, 119, 142); не всегда только можно понять, были ли эти многоточія въ письмахъ сотрудниковъ, или же они сдѣланы въ редакціи, — установить этого теперь, разумѣется, нельзя. Иногда многоточія встрѣчались даже въ такой статьѣ, которая, повидимому, была написана въ редакціи (7). Можетъ быть, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ статью, хотя и написанную однимъ изъ сотрудниковъ редакціи, но просмотрѣнную главнымъ редакторомъ журнала (можетъ быть даже Екатериной), которымъ и сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ статьѣ. Нельзя не замѣтить только, что иногда самыя скромныя вещи почему то были прикрыты многоточіями: въ 142 ст. слово, вѣроятно, «щенокъ» [28]) не было напечатано полностью: была поставлена только начальная буква съ соотвѣтствующимъ количествомъ точекъ.

Интересно отмѣтить, что въ архивѣ типографіи Академіи наукъ, въ «дѣлахъ» 1769 г. сохранились между прочимъ счеты по изданію «В. В.» [29]). Эти счеты любопытны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ прежде всего видно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ печаталась «В. В.»; видно также, насколько большой спросъ былъ на «В. В.», такъ какъ при счетахъ имѣется и вѣдомость, въ которой указано, сколько экземпляровъ того или иного нумера «В. В.» было получено изъ типографіи въ книжную лавку для про-

---

[27]) «Всякая Всячина», 1769—1770 г., стр. 168. [28]) Ib., 381.

[29]) Академическое изданіе сочиненій Екатерины II, т. V, стр. 337—340.

дажи, и какое количество ихъ было не продано. Изъ этихъ счетовъ и рапортовъ фактора Артемія Лыкова и Петра Сидорова въ комиссію при Академіи наукъ, по приказанію каковой комиссіи, какъ видно изъ рапортовъ, происходило печатаніе «В. В.», мы замѣчаемъ, что предисловіе ко «В. В.» было напечатано въ количествѣ 1692 экземплярахъ, слѣдующіе 12 нумеровъ были отпечатаны въ 1500 экземплярахъ каждый, слѣдующіе 51 нумеръ были отпечатаны по 1000 экземпляровъ, а остальные 6 были отпечатаны всего по 500 экземпляровъ каждый. Такимъ образомъ мы видимъ, что постепенно «В. В.» выходила все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ экземпляровъ. Объясняется это, несомнѣнно, тѣмъ обстоятельствомъ, что спросъ на «В. В.» постепенно уменьшался. Если сначала «В. В.» пошла очень успѣшно, такъ что понадобилось второе изданіе ея первыхъ четырехъ нумеровъ, которые и во второмъ изданіи расходились сравнительно бойко (отъ 1-го нумера остались непроданными 71 экз., отъ 2-го—175, отъ 3-го—235, отъ 4-го—273 экз.), то въ дальнѣйшемъ количество непроданныхъ экземпляровъ нумеровъ «В. В.» постепенно увеличивалось: отъ 7-го—440 экз., отъ 9-го—540, а отъ 12-го—700 экз., т.-е. приблизительно половина вышедшихъ экземпляровъ этого нумера. Редакція послѣ этого выпускаетъ каждый нумеръ на 500 экземпляровъ меньше, но и при этомъ пятый уже нумеръ расходится тоже почти на половину (500 экз. было продано, а 487 экз. остались въ лавкѣ непроданными). Несмотря на то, что спросъ на «В. В.» былъ такъ не великъ, редакція все же продолжаетъ въ дальнѣйшемъ выпускать каждый нумеръ въ 1000 экз. каждый. Такого порядка она держится до самаго почти прекращенія изданія «В. В.»: только послѣдніе 6 нумеровъ были выпущены въ уменьшенномъ количествѣ—по 500 экземпляровъ. Надо думать, что къ этому времени «В. В.» покупалась очень слабо, что и неудивительно, конечно: незадолго до этого она стала печатать почти исключительно переводныя статьи, преимущественно изъ древнихъ писателей; разумѣется, публика неохотно, надо думать, покупала эти послѣдніе нумера «В. В.».

Можно пожалѣть, что счеты представлены на какіе-нибудь 18—19 первыхъ нумеровъ «В. В.»; какъ расходовались дальнѣйшіе нумера «В. В.», изъ счетовъ не видно. Однако и имѣющіяся свѣдѣнія выразительны: изъ общаго количества 23779 экземпляровъ первыхъ 18—19 нумеровъ «В. В.», поступившихъ въ лавку, осталось нераспроданными 6850, т.-е. почти третья часть. Въ дальнѣйшемъ, при появленіи другихъ журналовъ въ родѣ «В. В.» и при злоупотребленіи «В. В.» переводами, количество нераспроданныхъ листовъ «В. В.» должно было увеличиться.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что всего на изданіе «В. В.», считая плату за наборъ матеріала, за напечатаніе и за бумагу съ корректурой, израсходовано 607 р. 6 к. Какая сумма была выручена отъ продажи номеровъ «В. В.», съ точностью неизвѣстно; извѣстно только, что отъ продажи первыхъ 18—19 нумеровъ было выручено 253 р. $93^1/_2$ к.

Необходимо отмѣтить также въ связи съ данными этихъ счетовъ, что въ лавку для продажи изъ типографіи Академіи Наукъ всегда, за исключе-

ніемъ «X листа» (было принято 1000 л.), поступало на 13 экземпляровъ меньше общаго количества экземпляровъ даннаго нумера, отпечатаннаго въ типографіи. Можно, конечно, думать, что эти недостающіе экземпляры номеровъ расходились по сотрудникамъ «В. В.» и другимъ лицамъ, которыя почему-либо пользовались этимъ правомъ, но это будетъ только наша догадка; провѣрить эту догадку нѣтъ пока никакой возможности.

Разсмотримъ теперь вопросъ, была ли «В. В.» первымъ русскимъ сатирическимъ журналомъ. На этотъ вопросъ приходится отвѣчать безусловно отрицательно: «В. В.» имѣла своихъ предшественниковъ на русской почвѣ. Не говоря уже о первомъ нашемъ періодическомъ органѣ «Вѣдомостяхъ о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ» (съ 2 янв. 1703 г. по 1727 г.), которыя иногда давали въ своихъ «примѣчаніяхъ» вполнѣ литературныя статьи (см., напр., статью 1731 г. «О смѣшномъ суевѣріи безумныхъ людей», переведена изъ «Spectator'а»; она соотвѣтствуетъ 6 статьѣ «В. В.»; статья—сатирическаго характера) необходимо отмѣтить журналъ Г. Ф. Миллера «Ежемѣсячныя Сочиненія» (1755—1764), который, безъ сомнѣнія, могъ служить нѣкоторымъ примѣромъ для «В. В.». Этотъ журналъ помимо научныхъ, техническихъ, общеобразовательныхъ статей, печаталъ стихотворенія, «переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ» [30]); редакторы этого журнала признавали своимъ долгомъ «писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей» [31]), почему здѣсь печатались «статьи и для легкаго чтенія, стихотворенія, нравоучительныя притчи, повѣсти» [32]), печатались статьи «сатирическо-дидактическаго направленія, особыя морально-философскія разсужденія въ аллегорической формѣ» [33]) (въ стилѣ статей журнала Стиля и Аддисона).

Въ 1759 г., въ теченіе года, выходилъ ежемѣсячный журналъ Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». По словамъ Архангельскаго, «лучшую часть журнала составляли прозаическія статьи издателя—съ сатирическимъ направленіемъ, при чемъ предметомъ сатиры брались нѣкоторыя стороны тогдашней русской общественности» [34]). Въ «Трудолюбивой Пчелѣ» были переводы изъ древнихъ авторовъ: Овидія, Ливія, были переводы изъ Локка, Вольфа, «Spectator'а» Аддисона и Стиля.

Въ 1759—60 гг. въ С.-Петербургѣ при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ издавался журналъ «Праздное время, въ пользу употребленное» (вышло 5 ч.). По свидѣтельству Л. Н. Майкова, въ этомъ журналѣ видны «зачатки сатирическаго направленія, широко развившагося въ позднѣйшей журналистикѣ» [35]).

Изъ послѣдующихъ журналовъ, выходившихъ до начала изданія «В. В.», нужно отмѣтить: «Полезное Увеселеніе» Хераскова (съ янв. 1760 г. по

---

[30]) Ученыя записки Имп. Казанскаго Университета, 1897, 10. *Архангельскій*, Императрица Екатерина II. Стр. 3. [31]) Ib., 3. [32]) Ib., 4. [33]) Ib., 4.

[34]) Ib., 5. [35]) *Л. Н. Майковъ*, Критическія и библіографическія замѣтки. Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, 7, стр. 145.

іюнь 1762 г., 5 ч.), «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ» (1762 г., 4 ч.) Рейхеля, «Свободные Часы» Хераскова (1763 г.) «Невинное упражненіе» И. Ѳ. Богдановича (1763), «Доброе Намѣреніе» (1764) студ. Санковскаго, научно-періодическое изданіе «Труды Вольнаго Экономическаго Общества» (1765—1775, 30 ч.), «Библіотека Россійская Историческая» (1767 г.).

Мы только, что провели взгляды на начало и направленіе нашей журналистики, принадлежащіе А. С. Архангельскому и Л. Н. Майкову. Такъ же, приблизительно, смотритъ на начало нашей журнальной сатиры и Пятковскій, съ той только разницей, что сатирическая струя, по его мнѣнію, начала впервые проявляться въ изданіяхъ Миллера, отъ которыхъ Пятковскій чрезъ «Трудолюбивую Пчелу», (въ которой, по его словамъ, сатирѣ было отведено уже болѣе мѣста, такъ какъ ей приписывали больше значенія, чѣмъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ») переходитъ къ такъ называемымъ сатирическимъ журналамъ 1769—1774 гг., въ которыхъ, по его словамъ, «еще полнѣе выразилось это сатирическое направленіе» [36]).

Такимъ образомъ «В. В.» могла насчитать до 10 періодическихъ журналовъ и изданій, появившихся на русской почвѣ до нея. Всѣ эти журналы и изданія можно характеризовать какъ преимущественно нравоучительные и научные; но помимо этихъ характерныхъ чертъ русскихъ повременныхъ изданій пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ XVIII в., они отличаются небольшой струйкой сатирическаго направленія, которая хоть и помаленьку, но замѣтно пробивается въ нихъ. Имѣя предъ собой такіе опыты научно-нравоучительно-сатирическаго направленія, «В. В.» отказалась отъ помѣщенія на своихъ страницахъ, какъ мы это увидимъ дальше, статей научнаго характера и большое вниманіе удѣлила сатирическимъ статьямъ, при чемъ послѣдній элементъ, до этого времени находившійся въ болѣе раннихъ журналахъ на второстепенномъ, послѣднемъ мѣстѣ, былъ выдвинутъ ею на главное мѣсто на-ряду съ нравоучительнымъ элементомъ.

Поэтому «В. В» — журналъ не только сатирическій, но и нравоучительный. Этотъ послѣдній элементъ журнала до настоящаго времени если не замалчивался совершенно, то не подчеркивался съ достаточной энергіей. Въ научной литературѣ «В. В.» пока считается сатирическимъ журналомъ, а не сатирико-нравоучительнымъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ; если же иногда въ научной литературѣ и упоминается про нравоучительный элементъ «В. В.», то, по нашему мнѣнію, это отмѣчается недостаточно рельефно и проводится недостаточно послѣдовательно. Мы позволимъ себѣ привести взгляды нѣкоторыхъ ученыхъ по данному вопросу.

Аѳанасьевъ, Незеленовъ, Пятковскій, Архангельскій отмѣчаютъ главнымъ образомъ только сатирическое направленіе «В. В.». Буличъ отмѣчаетъ

[36]) *Пятковскій*, Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. СПБ. 1888. Ч. II, стр. 33.

не только сатиру «В. В.», но и ея мораль, хотя благодаря такому признанію онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, такъ какъ въ предисловіи своей работы онъ обѣщается слѣдить за дѣятельностью Сумарокова въ связи съ разсмотрѣніемъ журналовъ «исключительно... съ сатирическимъ направленіемъ» [37]), въ числѣ которыхъ онъ помѣщаетъ и «В. В.».

Щебальскій не замалчиваетъ [38]) нравоучительнаго элемента «В. В.», но упоминаетъ о немъ только, такъ сказать, мимоходомъ. Что касается Шумигорскаго, то онъ косвенно слишкомъ ярко подчеркиваетъ сатирическое направленіе «В. В.», когда говоритъ, что вслѣдъ за нею появился «цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ съ общественно - политической окраской» [39]).

Полевой, говоря о первомъ изъ трехъ періодовъ журналистики екатерининскаго времени и называя его періодомъ «Всякой Всячины», «Трутня» и «Живописца», характеризуетъ «В. В.» какъ «преимущественно сатирическій» [40]). О нравоучительныхъ статьяхъ «В. В.» Полевой не говоритъ.

Пыпинъ нѣсколько разъ подходилъ къ рѣшенію вопроса о характерѣ «В. В.», но опредѣленно не отвѣтилъ, къ какому литературному виду онъ относитъ этотъ журналъ: нравоучительному, сатирическому или же къ нравоучительно-сатирическому. Правда, въ своемъ «Введеніи» къ соч. Екатерины II онъ говоритъ: «Въ 1769—70 гг. въ числѣ появившихся тогда небольшихъ нравоучительно-сатирическихъ журналовъ была «В. В.» [41]); ставитъ дальнѣйшую драматическую дѣятельность Екатерины II въ связи съ ея «опытами нравоучительной сатиры» [42]) въ «В. В.», но въ другомъ мѣстѣ онъ къ первымъ, повидимому, литературнымъ опытамъ Екатерины II относитъ «небольшія статьи, шутливаго и сатирическаго характера, въ журналѣ «В. В.», потомъ въ «Быляхъ и Небылицахъ», въ журналѣ «Собесѣдникъ» [43]). Въ этомъ послѣднемъ отзывѣ такимъ образомъ ужъ нисколько не отмѣчается нравоучительный характеръ «В. В.».

Солнцевъ говоритъ только о сатирическихъ журналахъ. Мало того, онъ называетъ «В. В.» первымъ («первенцемъ») [44]) русскимъ сатирическимъ журналомъ. О нравоучительномъ элементѣ не упоминаетъ, что тѣмъ болѣе удивительно, что, указывая подражательные «Spectator'у журналы на Западѣ, онъ характеризуетъ ихъ какъ сатирико-нравоучительные. Правда, въ одномъ мѣстѣ статьи Солнцевъ все же проговаривается: «Понятно, что, какъ только возникла—говоритъ онъ—мысль о русскомъ сатирическомъ журналѣ съ нравоучительнымъ направленіемъ, образцомъ для него должны были взять знаменитый англійскій журналъ» [45]). Но сравнивая дальше

---

[37]) *Буличъ*. op. cit., X т.

[38]) *Щебальскій*, Драматическія сочиненія Екатерины. «Русскій Вѣстникъ» 1871, V.

[39]) *Шумигорскій*, Императрица-публицистъ. Русск ійАрхивъ. 1890, 1, стр. 14.

[40]) *Полевой*, Исторія русской словесности. Спб. 1900, т. II, 186.

[41]) Академическое изданіе сочиненій Екатерины II, т. I, VIII. [42]) Ibid., т. I, X.

[43]) Ib., т. V, предисловіе.

[44]) *Солнцевъ*, «Всякая Всячина» и «Спектаторъ». Жур. Мин. Нар. Просв. 1892, 1, стр. 126.

[45]) Ib., 132.

«В. В.» со «Spectator'омъ», Солнцевъ замѣчаетъ, что «В. В.» «почти совершенно отказалась отъ морали и обратила все свое вниманіе на то, чтобы смѣшить и развлекать читателя. Это журналъ по преимуществу сатирическій» [46]).

Порфирьевъ [47]) говоритъ тоже только о сатирической сторонѣ «В. В.». Не мѣшаетъ отмѣтить, что Порфирьевъ къ сатирическимъ журналамъ относитъ и журналъ Чулкова «Полезное съ пріятнымъ» (1769 г.), хотя этотъ послѣдній, по словамъ Солнцева, «имѣлъ почти исключительно нравоучительный характеръ» [48]). Мало того, Порфирьевъ говоритъ о «чисто сатирическомъ» [49]) характерѣ журналовъ екатерининскаго времени. «В. В.» онъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ журналовъ, которые «стремились исправить нравы современнаго общества, подвергая осмѣянію его пороки и недостатки» [50]).

Близокъ былъ къ правильному рѣшенію вопроса о характерѣ «В. В.» Н. Чечулинъ. Онъ вполнѣ соглашается съ нѣкоторыми нашими историками литературы (Пыпинымъ, Галаховымъ, Аѳанасьевымъ, Буличемъ), что «мораль и исправленіе нравовъ были всеобщею заботой», что «нравственное направленіе составляетъ отличительную черту всѣхъ литературныхъ произведеній Екатерининской эпохи», что отношеніе русскихъ писателей XVIII в. къ порочному чуждо французской легкомысленности; они смотрѣли на него глазами гнѣвной сатиры или по крайней мѣрѣ съ комической точки зрѣнія» [51]). Касаясь затѣмъ содержанія журналовъ Екатерининскаго времени, Чечулинъ довольно подробно останавливается на указаніи предметовъ статей журналовъ, при чемъ указываетъ немало разсужденій моральнаго характера. Но, указывая затѣмъ журналы съ нравоучительно-общественнымъ направленіемъ, приводя журналы «Полезное съ пріятнымъ» (1769) «И то и се» (1769), «Парнасскій Щепетильникъ» (1770), Чечулинъ не упоминаетъ про «В. В.»; повидимому, онъ считаетъ ее журналомъ сатирическимъ прежде всего.

Въ этомъ обстоятельствѣ, въ констатированіи учеными главнымъ образомъ сатирическаго характера «В. В.», по нашему мнѣнію, играли большую роль историческія условія развитія русской журналистики. До появленія «В. В.» у насъ не было журналовъ съ ярко выраженной сатирической жилкой. Предшественники «В. В.» въ дѣлѣ журналистики, какъ мы видѣли, недостаточно ярко проявляли сатиру. Въ этомъ отношеніи, въ пользованіи сатирой, «В. В.» значительно превосходитъ своихъ журнальныхъ предшественниковъ, ея сатира бросается въ глаза сразу; вотъ почему, надо думать, первый русскій журналъ съ ясно выраженной, но далеко не исключительной, сатирической жилкой сталъ считаться сатирическимъ вообще. Помимо этого, въ самомъ журналѣ мы неоднократно читаемъ завѣренія «В. В.», что она осмѣиваетъ пороки, даетъ своимъ читателямъ пріятныя, забавныя

---

[46]) Ib, 133. [47]) *Порфирьевъ*, Op. cit., 313. [48]) *Солнцевъ*, Op. cit., 133. [49]) *Порфирьевъ*, Op. cit., 315. [50]) *Порфирьевъ*, Op. cit., 315.

[51]) *Чечулинъ*, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в. Жур. Мин. Нар. Просв. 1889, 6, стр. 273.

и веселыя статьи, что тоже могло лишній разъ подсказать мысль о сатирическомъ только характерѣ «В. В.». Правильно, конечно, что «В. В.» осмѣивала многія уродливыя явленія современной ей жизни, но она не только осмѣивала,—она, помимо этого, и учила. Вотъ этотъ-то нравоучительный элементъ «В. В.», бывшій до сихъ поръ недостаточно отмѣченнымъ, мы и считаемъ нужнымъ подчеркнуть и доказать правильность нашего положенія, что «В. В.»—сатирико-нравоучительный журналъ.

Стоитъ только вспомнить ту статью, въ которой «В. В.» отмѣчала два рода своихъ читателей (123), чтобы сатирико-нравоучительный элементъ былъ нами замѣченъ. «Два есть у меня рода читателей. Первые суть люди веселые, кои требуютъ испытаній острыхъ и смѣшныхъ. Другіе суть степенные и не довольствуются одними шутками, но напротивъ, уничтожаютъ оныя. Если-бъ я всегда имѣлъ степенный видъ въ моемъ сочиненіи, половина читателей меня бы покинула; и если-бъ я окромѣ рѣзвостей ничего не писалъ, я бы потерялъ другую. И для того я долженъ держаться середки... Ибо, не знавъ, изъ чего составленъ будетъ мой листъ, статься можетъ, что тотъ, который возьметъ оный для своей забавы въ руки, найдется опутанъ противъ воли своея нравоученіемъ ему полезнымъ; и что съ другой стороны тотъ, у кого склонности нѣтъ къ забавамъ, думая найти правила для жизни, не примѣтно принужденъ будетъ индѣ улыбаться» [52]). Правда, эта статья не оригинальная, переведена изъ «Spectator'а», но она очень характерна для направленія «В. В.».

Дальше, если мы присмотримся къ цѣли, которую ставила себѣ «В. В.», то мы опять встрѣтимся съ нравоучительными цѣлями «В. В.»: «иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться» (Къ читателю); «хотите ли имѣть забаву? Если хотите, то прошу меня не трогать. Я вамъ обѣщаю не одну только забаву» [53]) (3),—говоритъ «В. В.»; она стремится «къ пользѣ и увеселенію каждаго особо и вообще всѣхъ» [54]) (79), и, начиная выходить въ 1770 г., она называетъ свой журналъ «сколь пріятнымъ, столь и полезнымъ» [55]) (153).

Если мы теперь присмотримся къ тому, за что особенно «В. В.» себя хвалила (а она хвалила себя очень часто; см. ст. 9, 15, 17, 26, 30, 40, 48, 50 и т. д. и т. д.), то увидимъ, что и здѣсь указаніе на нравоучительный элементъ является чуть ли не преобладающимъ. Мы выпишемъ только нѣкоторые отзывы о «В. В.» и ея самой и ея, вѣроятно, псевдо-корреспондентовъ. «Полезные ваши совѣты» [56]) (79), «обществу стараются принесть пользу» [57]) (90), «подающаго добрые совѣты и поправляющаго правы» [58]) (107), «исправляти правы и вкореняти въ сердца добродѣтель столь легкимъ и пріятнымъ образомъ» [59]) (110), «объ исправленіи своихъ гражданъ старающемуся» [60]) (138), «разумныхъ и острыхъ наставниковъ въ добродѣтеляхъ» [61]) (146), «довольно полезной (въ иныхъ мѣстахъ)» [62]) (113), «душеполезныя наставленія посреди забавы» [63]) (61), «повинка смѣха и нравоученія» [64]) (5)

---

[52]) «В. В.», 123. [53]) «В. В.», 6. [54]) «В. В.», 176. [55]) «В. В.», 419. [56]) «В. В.», 207 [57]) «В. В.», 237. [58]) «В. В.», 275. [59]) «В. В.», 288. [60]) «В. В.», 369. [61]) «В. В.», 398. [62]) «В. В.», 297 [63]) «В. В.», 113. [64]) «В. В.», 14.

совѣты другимъ журналамъ «единственно упражняться довольствовати читателей пріятными и полезными задатками» [65]) (35),—всѣ эти отзывы о «В. В.» и ея сотрудникахъ (см. также статьи: 40, 49, 73, 104, 111, 123, 135, 152, 153), какъ и названія редактора «В. В.»—«наставникъ» [66]) (104), «нравоучитель» [67]) (110), съ достаточной ясностью, по нашему мнѣнію, подчеркиваютъ нравоучительный элементъ «В. В.». Но исполнила ли «В. В.» свое обѣщаніе учить читателей? Намъ думается, что исполнила: она довольно часто выступала съ нравоученіемъ. Она помѣщаетъ статьи на такія нравственныя сентенціи: «наружныя украшенія къ чему служатъ, когда душа не украшена» [68]) (7), «здравое разсужденіе украшаетъ человѣка» [69]), (113); помѣщаетъ цѣлую нравоучительную бесѣду съ юношами, которымъ доказываетъ, что не чины, ни власть, ни богатство и т. д. создаютъ уваженіе человѣку, а добрыя качества души и сердца (56), истиннымъ величіемъ она считаетъ исполненіе долга (4), читаетъ отъ лица дѣда нравоученіе внуку о достойной жизни въ молодости (142); цѣлую статью посвящаетъ она прославленію добродѣтели (61), хвалитъ чистосердечіе (73), правдивость (80), искренность (9), отмѣчаетъ необходимость и для купца честности, точности, правды (96), стоитъ за справедливость вообще, необходимость помогать нуждающимся, за великодушіе, снисхожденіе (75), настаиваетъ на необходимости поступать «по правиламъ здраваго разсужденія, честности и должности» [70]) (79, 208); она помѣщаетъ цѣлую статью въ пользу дѣланія добра (101), въ которой между прочимъ, говоритъ: «Дѣлайте людямъ добро, если хотите имѣть удовольствіе; дѣлайте добро, если хотите, чтобъ ваша память была въ чести; дѣлайте добро, если хотите, чтобы для васъ двери райскія отверзты были» [71]). «В. В.» отмѣчаетъ необходимость дѣланія добра ради него самого, а не ради какой-либо выгоды или стороннихъ соображеній, признаетъ только тѣ дѣла великими, которыя въ то же время и добрыя (114), совѣтуетъ находить критерій своихъ поступковъ въ своей совѣсти (135), помѣщаетъ панегирикъ человѣку съ великой душой (128), печатаетъ статью съ большинствомъ вопросовъ моральнаго характера (80), отвѣчаетъ на нихъ отдѣльной статьей (97); она читаетъ нравоученіе писателямъ (110, 141), призываетъ всѣ сословія жить въ согласіи между собой (127), подчеркиваетъ необходимость трезво относиться къ браку (94), рисуетъ идеалъ семейной жизни (13). Она въ цѣломъ рядѣ статей вооружается противъ лжи (69), праздности, въ которой видитъ «начало всѣхъ пороковъ и источникъ всѣхъ несчастій» [72]) (100), противъ кражи (102), хвастовства (102, 133), противъ гордости (148, 150), опорочиванія человѣка (77, 127). Наконецъ, если мы вспомнимъ нравоучительныя статьи, помѣщенныя въ «Барышкѣ В. В.» (165, 168), и нравоучительные переводы изъ древнихъ авторовъ,—переводы, настолько многочисленные, что они занимаютъ собой не одинъ десятокъ страницъ «Б. В. В.» (489—534, 537—556),—то намъ думается, что нравоучительный элементъ, входящій во «В. В.» и дѣлающій ее вмѣстѣ съ сатириче-

---

[65]) «В. В.», 98. [66]) «В. В.», 268. [67]) «В. В.», 289. [68]) «В. В.», 24. [69]) «В. В.» 113. [70]) «В. В.», 208. [71]) «В. В.», 262—263. [72]) «В. В.», 260.

скимъ элементомъ сатирико-нравоучительнымъ журналомъ, подчеркнутъ нами съ достаточной полнотой.

Наличность нравоученія во «В. В.», какъ произведенія половины XVIII вѣка, вполнѣ понятна. Сиповскій отмѣчаетъ нравоучительный элементъ въ романахъ. Господство нравоучительнаго направленія въ романѣ,— говоритъ Истринъ,—не могло бы быть такимъ продолжительнымъ, если бы оно не находило поддержки въ современной литературѣ. Дѣйствительно, то же нравоучительное направленіе господствуетъ и въ другихъ областяхъ литературы. Это особенно видно на журналистикѣ. Пусть наша журналистика заимствована съ Запада, пусть ея направленіе было сатиритическое: всѣ журналы объединялись однимъ желаніемъ — исправить нравы общества. Это стремленіе вызывалось двумя силами: теоретическими представленіями и окружающей дѣйствительностью. Теоретическое же представленіе сводилось къ тому, что, во-первыхъ, на первомъ мѣстѣ должны стоять добрые нравы, а, во-вторыхъ, что достигнуть этого можно чрезъ воспитаніе. И рѣзкая сатира и болѣе умѣренная объединялись мыслью—укрѣпить нравственныя начала въ обществѣ... Читая нравоучительные романы, русскій человѣкъ проникался извѣстными нравственными правилами. Переходя къ обозрѣнію своей дѣйствительности, онъ видѣлъ немало недостатковъ, противорѣчащихъ тому, что онъ выносилъ изъ чтенія романовъ. Общее же направленіе европейской мысли вселяло въ немъ увѣренность въ возможности водворить хорошее воспитаніе, которое въ то же время являлось главною цѣлью—и вотъ вся тогдашняя литература стремится къ воспитанію общества и видитъ возможность достигнуть исправленія путемъ назиданія» [73]).

---

[73]) *В. В. Сиповскій*, Очерки изъ исторіи русскаго романа. Т. 1 вып. 1-й (1909) и 2-й (1910 (XVIII вѣкъ),—Реценз. Истрина, Жур. Мин. Нар. Просв., 1912 г. № 3. стр. 150—151

ГЛАВА III.

Приступая къ обозрѣнію содержанія «В. В.», необходимо оговориться, что теперь нѣтъ возможности въ полной мѣрѣ понять «В. В.»: мы отдѣлены отъ нея слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, и нѣкоторые намеки «В. В.», можетъ быть, на вполнѣ опредѣленныя событія того времени для насъ теперь непонятны. Къ тому же, какъ сатирико-нравоучительный журналъ, «В. В.» иногда затруднительно понимать и потому, что не всегда можно съ увѣренностью опредѣлить, когда она шутитъ, смѣется, а когда говоритъ серьезно.

До настоящаго времени, можно сказать, въ нашей научной литературѣ о «В. В.» не отмѣчалось, что она касалась крѣпостного права и относилась къ нему отрицательно. Наоборотъ, иногда ставили въ вину «В. В.», что она прошла крѣпостное право молчаніемъ. Если же иногда въ литературѣ и поднимался вопросъ объ отношеніи «В. В.» къ крѣпостному праву, то онъ рѣшался довольно неопредѣленно. Такъ, Полевой, напр., рѣшаетъ этотъ вопросъ крайне туманно. По его словамъ, «В. В.» относительно жестокости помѣщиковъ къ крестьянамъ говорила и очень осторожно, слегка, и какъ будто мимоходомъ» [74]).

Даже въ прошедшій юбилейный годъ 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда крѣпостное право въ научной исторической литературѣ изучалось очень внимательно, когда уже были попытки прослѣдить отношеніе литературы къ крѣпостному праву,—«В. В.», можно сказать, если и не была забыта совершенно, то во всякомъ случаѣ ея нападки на крѣпостное право не были отмѣчены въ достаточной степени. Въ изданіи «Великая реформа 19 февр. 1861 г.» была между прочимъ помѣщена статья В. И. Семевскаго. Авторъ статьи, разбирая отношеніе литературы екатерининскаго времени къ крѣпостному праву, отмѣчаетъ, что въ обличеніи крѣпостного права «самую важную роль сыграли... сатирическіе (sic) журналы» [75]). Не безъ основанія авторъ отмѣчаетъ дальше первенствующее значеніе въ этомъ отношеніи журналовъ Новикова: «Трутня» и «Живописца»; упоминаетъ онъ и обо «В. В.», какъ тоже изображавшей крѣпостное право.

---

[74]) *Полевой*. Op. cit., т. II, 192.

[75]) *В. И. Семевскій*, Крѣпостной вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени. Изд. «Великая реформа 19 февр. 1861 г.»; т. I, 222.

Но къ чему въ концѣ-концовъ сводится участіе «В. В.» въ обличеніи крѣпостного права, по мнѣнію автора статьи? «Даже во «В. В.» (1769 г.),—говоритъ онъ,—которую издавалъ секретарь Екатерины II Козицкій при участіи въ журналѣ самой государыни, встрѣчаемъ упоминаніе объ ежедневномъ наказаніи господиномъ своихъ людей на конюшнѣ» [76]). И только; про другіе случаи изображенія «В. В.» крѣпостного права Семевскій не обмолвился.

Въ другой юбилейной статьѣ, принадлежащей М. Клевенскому [77]), въ числѣ сатирическихъ (sic) журналовъ, которые указывали на тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, «В. В.» не указана вовсе, хотя новиковскіе журналы и отмѣчаются здѣсь.

Можно, пожалуй, указать здѣсь еще одну статью, появившуюся въ истекшемъ году по случаю 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ; статья принадлежитъ Юрію Веселовскому. Въ этой статьѣ [78]) авторъ доказываетъ отрицательное вліяніе крѣпостного права на дѣтей, отмѣчаетъ интересныя въ этомъ отношеніи указанія «В. В.»: безнаказанныя расправы надъ крестьянскими дѣтьми со стороны мальчугана-сына помѣщика и пріученіе малыхъ дѣтей можно сказать, съ колыбели, къ жестокости: дитя, при благосклонномъ содѣйствіи своей матери, бьетъ по лицу свою няньку, которая притворно плачетъ. Вотъ тѣ двѣ картинки, которыя даютъ основаніе Веселовскому заключать, что авторъ данныхъ статей «В. В.» отмѣчалъ вредное вліяніе крѣпостного права на дѣтей. Заключеніе Веселовскаго, по нашему мнѣнію, довольно смѣлое: имѣлъ или не имѣлъ въ виду авторъ статей эту цѣль,—трудно сказать, тѣмъ болѣе, что послѣднюю изъ двухъ отмѣченныхъ Веселовскимъ картинокъ можно наблюдать и теперь, въ некрѣпостное время, и довольно часто, и эта картина можетъ служить, по нашему мнѣнію, только иллюстраціей того положенія, что родители часто не умѣютъ воспитывать своихъ дѣтей; но первое указаніе Веселовскимъ статьи «В. В.», рисующей тяжелое положеніе крестьянскихъ крѣпостныхъ дѣтей, цѣнно; эта статья во всякомъ случаѣ указываетъ, что «В. В.» не обходила совершеннымъ молчаніемъ крѣпостного права.

Замалчиваніе, въ большинствѣ случаевъ, нашей ученой литературой того обстоятельства, что «В. В.» отрицательно во всякомъ случаѣ относилась къ крѣпостному праву, невольно возбуждало наше недоумѣніе. Поневолѣ приходилось спрашивать себя: какъ могло случиться, что «В. В.», органъ Екатерины II, прошла совершеннымъ молчаніемъ крѣпостное право, разъ Екатерина II, вдохновительница и дѣятельная сотрудница «В. В.», за нѣсколько еще лѣтъ до начала изданія «В. В.» заявила себя противникомъ его, въ «Наказѣ» предполагала ограничить его, а въ своей дѣятельности, хоть сколько-нибудь, боролась съ нимъ, и разъ она, наконецъ, въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности (въ комедіяхъ, написанныхъ послѣ

---

[76]) Ib., 222—223.

[77]) *М. М. Клевенскій*, Екатерининская литература о крѣпостномъ правѣ. (Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля). М. 1911.

[78]) *Ю. Веселовскій*, Крѣпостное право и порча дѣтской души. «Вѣстникъ Воспитанія». 1911, февраль.

изданія «В. В.», въ 1772 г., «О время», «Именины госпожи Ворчалкиной») коснулась тяжелаго положенія крестьянъ? Однако недоумѣніе наше легко устраняется, если мы станемъ знакомиться съ содержаніемъ «В. В.»: уже на одной изъ первыхъ ея страницъ мы встрѣчаемся съ описаніемъ тяжелаго крѣпостного положенія крестьянина... Нѣтъ, «В. В.» не обошла молчаніемъ крѣпостного права, да она и не могла, конечно, обойти его, если заявляла, что всѣ, какъ происшедшіе отъ одного родоначальника, обладаютъ равными правами. Правда, «В. В.», можетъ быть, недостаточно глубоко касается этого вопроса, не указываетъ вѣрныхъ средствъ къ его уничтоженію, но она все же, повторяемъ, изображала тягостное положеніе крестьянъ. Вотъ какъ въ свое время «В. В.» откликнулась на крѣпостное право. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ (№ 5) «В. В.» было помѣщено такое стихотвореніе:

«Въ лѣсу воспитанная съ нѣгой,
Подъ тяжкой трется ось телѣгой,
И неподмазанна кричитъ:
А быкъ, который то везетъ, везя молчитъ.
Изображаетъ ось господчика мнѣ нѣжна,
Который держитъ худо щотъ:
По-русски мотъ:
А быкъ крестьянина прилежна.
Страдаетъ отъ долговъ обремененный мотъ:
А етова не воспомянетъ,
Что пахарь изливая потъ
Трудится и тягло ему на карты тянетъ» [79]).

Въ другихъ своихъ статьяхъ «В. В.» указываетъ, что помѣщики проявляютъ «непрерывный примѣръ суровости» [80]), «милостиво» [81]) наказывая на конюшнѣ своихъ людей плетьми «кромѣ воскресныхъ дней и господскихъ праздниковъ почти всякій день» [82]) (32); указываетъ на тяжелое положеніе крѣпостной прислуги (157), разсказываетъ цѣлую и длинную сказку о злоключеніяхъ крѣпостного мужика (62); отмѣчаетъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ (85), указываетъ, на что уходитъ оброкъ, собранный съ крѣпостныхъ (103), отмѣчаетъ жестокое обращеніе сына помѣщика съ дѣтьми крѣпостныхъ крестьянъ (93).

Осторожно, безъ особаго подчеркиванія, но все-же говорила «В. В.» о крѣпостномъ состояніи; поэтому о замалчиваніи ею этого вопроса не можетъ быть рѣчи.

Любопытно познакомиться съ галлереей сатирическихъ портретовъ, данныхъ «В. В.». Здѣсь можно видѣть портретъ русскаго человѣка вообще, портретъ женщины, дѣвушки, мужчины, молодого человѣка, портретъ учителя и т. д.

Если собрать отрывочныя характеристики русскаго человѣка, разбросанныя по многимъ страничкамъ «В. В.», то портретъ русскаго человѣка будетъ приблизительно таковъ: Русскій человѣкъ не цѣнитъ времени,

---

[79]) «В. В.», 34. [80]) «В. В.», 90. [81]) «В В », 89 [82]) «В В.», 90.

попусту тратитъ его, берется за многое, скоро охладѣваетъ, не терпитъ противорѣчій, лѣнивъ, считаетъ, что «работать подло, учиться лишь дуракамъ прилично» [83]) (120); поверхностенъ, не отличается философскимъ складомъ ума, является (язвитъ «В. В.») послѣдователемъ философіи Сократа, заявившаго, что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ (120); русскій человѣкъ падокъ до новинокъ (вступ. номеръ VIII, 103), лживъ, неискрененъ, нерелигіозенъ, склоненъ къ роскоши, большой охотникъ до выпивки (120, 57, 109, 119, 59), несерьезенъ, часто ведетъ пустые разговоры (105, 120), невѣжливъ, завистливъ (59), довольствуется однимъ настоящимъ, не размышляетъ о прошедшемъ; не задумывается о будущемъ (120); живя въ городѣ, онъ при средствахъ проводитъ время въ увеселеніяхъ, живя въ деревнѣ—бездѣльничаетъ въ большинствѣ случаевъ (120); отъ природы умный, онъ однако не всегда своими поступками доказываетъ это (120); онъ плохой читатель, о достоинствахъ произведенія судитъ по внѣшности его автора (1), не понимаетъ театра, сатиры, балета (154), энциклопедія ему оказалась не подъ силу (21).

Старшее поколѣніе, которому не нравится «В. В.» (61), «прилежно испытываетъ нравы человѣческіе, стараясь узнати всѣ вывѣски и домы въ городѣ» [84]), знаетъ, сколько тотъ или иной побывалъ въ городѣ, знаетъ, у кого окотилась кошка и т. д. (120); при этомъ старички претендуютъ на то (3), чтобы ихъ считали умными и свѣдущими людьми только потому, что у нихъ сѣдые волосы, хотя бы въ головѣ подъ этими сѣдыми волосами было довольно пусто. Что касается молодежи, то ея интересы тоже крайне мелочны; молодежь внимательно слѣдитъ за модой, платьемъ, забавами; благодаря этому у нея голова отъ мыслей и глаза отъ чтенія никогда не болятъ (120). Молодежь проявляетъ большую претензію на то, чтобы ее быстро двигали по службѣ, хотя бы она не заслуживала этого (96, 142); происходящіе изъ болѣе или менѣе заслуженныхъ фамилій считаютъ себя въ правѣ требовать хорошія должности (10; вторая басня). Русскіе низкопоклонны, считаютъ своимъ долгомъ всегда являться на поклонъ знатнымъ людямъ и съ замираніемъ сердца ждутъ отъ нихъ милостиваго кивка головы, слова, жеста; словомъ, хоть маленькаго вниманія (137), а эти послѣдніе, достигшіе болѣе или менѣе виднаго положенія, бываютъ на службѣ и въ жизни горды (150), надменно обращаются со своими подчиненными. Русскій человѣкъ цѣнитъ больше богатство, чѣмъ разумъ и достоинство человѣка (155), поэтому онъ различаетъ пороки богатаго отъ пороковъ бѣднаго и почитаетъ порочнаго богача, и презираетъ честнаго бѣдняка (ibid).

«В. В.» дала очень непривлекательный портретъ русской женщины.

Женщины—не образованы, не интересуются серьезными вещами, не читаютъ (99); онѣ любятъ пустые разговоры, пересуды, болтовню (14, 105, 117), любятъ лесть, похвалу, особенно за красоту (22), сплетничаютъ

---

[83]) «В. В.», 318.
[84]) «В. В.», 318.

(это ихъ, можно сказать, спеціальность—166), единственнымъ ихъ оружіемъ является ихъ языкъ (124); онѣ непостоянны (4, 126), суевѣрны (6), часто противорѣчатъ (138), спѣсивы, горды, грубы (94, 149), мстительны (29, 124), злобны, бранчливы (124, 174), прихотливы (126); онѣ не умѣютъ держать себя (59), громко говорятъ, непринужденно держатся даже въ церкви (109); онѣ стараются такъ или иначе показать свою красоту (139), онѣ обращаютъ больше вниманія и цѣнятъ внѣшность, чѣмъ внутреннія достоинства человѣка (14, 27); онѣ любятъ роскошь, наряды (84), хотя соединяютъ вмѣстѣ съ этимъ неопрятность, неряшество (99, 144); онѣ румянятся, бѣлятся, пользуются мушками (126, 158), носятъ нездоровые костюмы (109); онѣ большія модницы (145); чтобы не отстать отъ вѣка онѣ много тратятъ на костюмы, должаютъ (149), проматываютъ вмѣстѣ съ мужьями свое состояніе (92); онѣ не воспріимчивы къ нравоученію и сатирѣ: «В. В.» на нихъ не оказываетъ благотворнаго вліянія (49), если и дѣйствуетъ на нихъ, то возбуждая въ нихъ только злобу и желаніе сорвать на комъ-нибудь другомъ свое скверное настроеніе (30, 49); онѣ неискренни, (117), часто скучаютъ, ходятъ отъ скуки по магазинамъ, просматриваютъ товары, хотя бы и не имѣли желанія что-нибудь купить (65), берутся отъ скуки не за свое дѣло (149); онѣ — охотницы поѣсть, поспать (117); онѣ видятъ нарушеніе своихъ женскихъ правъ въ томъ, что и мужчины румянятся (65); онѣ заботятся только о своей красотѣ (166); спастись отъ женщины можно только однимъ—терпѣніемъ (124), она—фениксъ, ее трудно понять (155).

Что касается отношенія женщинъ къ семейной жизни, то онѣ плохія воспитательницы своихъ дѣтей (122), плохія супруги, такъ какъ ихъ мужьямъ нерѣдко приходится носить фамилію «Рогоносцева» (23, 124), не цѣнятъ степенныхъ, дѣловитыхъ и умныхъ мужей (131); онѣ плохія хозяйки (51, 117), такъ какъ любятъ чужіе дома больше своего.

Попутно съ этимъ «В. В.» помѣщаетъ статью о вдовѣ, которая послѣ вторичнаго брака, держитъ и обнадеживаетъ 4 претендентовъ на ея руку, а пока что—живетъ съ красивымъ мужичкомъ (134; сравн. 103).

Остановилась «В. В.» и на портретѣ дѣвушки. Онѣ рано начинаютъ думать о женихахъ, уже съ 14 лѣтъ собираются замужъ (71), къ 15 годамъ должаютъ въ магазинъ за покупку всякихъ косметическихъ принадлежностей до 500 р. и скрываютъ это, конечно, отъ родителей (118); онѣ вводятъ своихъ жениховъ въ обманъ, измѣняя себя до неузнаваемости, лишь бы выйти замужъ (91); онѣ слѣдятъ за модами, стараются лучше одѣться, хотя неряшливостью отличаются и онѣ (118); онѣ портятъ русскій языкъ (25); онѣ, засидѣвшись въ дѣвицахъ, скрываютъ дѣйствительное число своихъ лѣтъ, уменьшая въ годъ «по двѣнадцати мѣсяцевъ» [85]) (6); онѣ, наконецъ, дурно воспитанныя, приносятъ своему мужу въ качествѣ приданаго до полдюжины рогъ (155).

---

[85]). «В. В.» 21.

«В. В.» дала довольно яркій портретъ щеголя: «Вставалъ онъ въ полдень, волосы убирывалъ часа по три, держа книгу въ рукахъ, которыя однако не раскрывалъ никогда; пить и ѣсть умѣлъ требовать на чужихъ языкахъ, и то съ нуждою; у купцовъ все бралъ безденежно; не учась ничему, о всемъ судилъ и мало нахаживалъ по своему вкусу; почтенія не имѣлъ ни къ кому; послѣ обѣда ѣзживалъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ, насмѣхаяся въ одномъ тому, что видѣлъ въ другомъ; въ карты ночи проигрывалъ потихоньку съ тѣхъ поръ, какъ запрещено; вѣсти весьма любилъ, и часто самъ оныя выдумывалъ такъ, что уже мало тому вѣрить можно было, что отъ него услышишь; ибо хотя онъ и пересказывалъ чужіе разсказы, но живность не допускала его дослушивати, что другой говорилъ, и тогда онъ уже прилыгалъ отъ себя, чтобы сказка безъ конца не осталася. Въ прочемъ какъ онъ былъ статенъ собой, и очень чисто хаживалъ, то у женщинъ былъ отмѣнно принятъ» [86]) (4; сравн. 88, 92, 99, 130, 133, 56, 160, 55, 141, 37).

«В. В.» дала на своихъ страницахъ портретъ всякихъ «предпринимателей», любителей проектовъ. Ихъ она осмѣиваетъ довольно ѣдко. Вотъ двѣ выдержки изъ «В. В.»: «Чего они не выдумывали для общей пользы? Иный, бывъ воспитанъ въ набоженствѣ, хотѣлъ учредити при каждой церкви въ государствѣ богадѣльню, позабывая, что столько нищихъ найти трудно бы было, а еслибъ сыскались, иждивеній казны на то одно не стало бы. Иный по добросердечію хотѣлъ удовольствовати всѣхъ просителей, позабывъ, что во всѣхъ тяжебныхъ дѣлахъ есть истецъ и отвѣтчикъ... Иный хотѣлъ убавить роскошь, однако самъ не отпускалъ отъ себя ни единаго излишняго служителя. Иные пеняли на скачку въ городѣ, державъ сами великое число бѣгуновъ. Иные хотѣли учредить безопасность въ столицѣ и на большихъ дорогахъ, но съ тѣмъ, чтобъ они ни единой копейки не платили полицейской должности, и починка бы дорогъ на нихъ не спрашивалась. Иные скучали, что не заключаютъ оборонительнаго союза съ китайцами» (149) [87]).

Другая выписка еще характернѣе: «Недавно одинъ изъ нашихъ (членовъ редакціи) пріѣхалъ домой и привезъ съ собой списки съ разныхъ проэктовъ, кои скоро подадутся правительству. Первый состоитъ въ томъ, чтобы изъ города Ромна сдѣлать портъ. Другой содержитъ замыслы, чтобы сложить подушный окладъ, а вмѣсто того обѣщаетъ 70 милліоновъ серебряною монетою дохода; и для того совѣтуетъ соорудить секретную эскадру изъ двухъ тысячъ кораблей, коими бы завоевать неизвѣстные острова тихаго моря, и убивъ тамо черныхъ лисицъ, продавать оныя ежегодно на ефимки чужестраннымъ. Третій сочиненъ для поправленія нашей съ Турками торговли, для способствованія которой предлагаетъ дать силу 1714 года указу о лихоимствѣ въ турецкихъ областяхъ. Четвертый совѣтуетъ закупити всѣ яйца во всемъ государствѣ, и продать оныя изъ казны. Пятый,

---

[86]). «В. В.», 10—11.
[87]). «В. В.», 404—405.

любя общую пользу, хочетъ сообщить публикѣ, какимъ образомъ удвоить зерна разнаго хлѣба, и для дѣланія толь полезнаго опыта проситъ деревни, мужиковъ и денегъ» [88]) (96).

«В. В.» придавала большое значеніе воспитанію и образованію и очень часто въ своихъ статьяхъ касалась того и другого. Она считала, что и взяточничество, и казнокрадство, и тѣ щеголи и щеголихи, которыхъ она неоднократно высмѣивала, и вообще нездоровая въ нравственномъ отношеніи молодежь,—все это въ значительной степени результатъ плохого воспитанія и образованія. А каковы они—«В. В.» и рисуетъ. Невѣжды-учители, о которыхъ намъ еще придется говорить, гувернантки, которыя старались воспитывать дѣвицу такъ, лишь бы она вышла замужъ, не могли, конечно, воспитать дѣльныхъ гражданъ. Но зло воспитанія не въ однихъ негодныхъ гувернерахъ и гувернанткахъ; оно въ значительной степени обусловливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что родители не умѣютъ воспитывать своихъ дѣтей. Вотъ, напр., двѣ картинки изъ «В. В.», которыя можно привести для иллюстраціи этого. Ея одному сотруднику пришлось побывать въ дѣтской одного знакомаго ему дома. Здѣсь онъ встрѣтилъ хозяйку дома съ ея четырьмя дѣтьми. Для того, чтобы потѣшить одного изъ нихъ, она совѣтовала ему бить сильнѣе «дуру» [89]) няньку, которая громко притворно кричала, что доставляло немалое удовольствіе дитяти. Другому ребенку мать совѣтовала бить и плевать на то мѣсто пола, гдѣ ребенокъ упалъ. Третій ребенокъ на глазахъ у матери щипалъ щенка, а четвертый пугалъ канарейку, которая отъ страха билась въ клѣткѣ и бросалась изъ угла въ уголъ. Авторъ статьи замѣтилъ матери, что вся обстановка дѣтской можетъ пріучить дѣтей къ жестокости, мщенію и превратному понятію справедливости. Однако его замѣчанія не были приняты матерью дѣтей сочувственно.

А вотъ другая картинка. Сотрудникъ «В. В.» разсказываетъ о своемъ воспитаніи. Воспитывался онъ у бабушки, учился грамотѣ у нанятаго бабушкой дьячка. Во время обученія онъ много бездѣльничалъ, обижалъ игравшихъ съ нимъ крестьянскихъ дѣтей, «бивалъ ихъ до крови» [90]); тѣ шли жаловаться его учителю, и этотъ послѣдній, боясь бабушки своего ученика, не говорилъ ей о лѣности и шалостяхъ ея внука. Если случалось, что его, автора разсказа, наказывалъ отецъ и жаловался на него бабушкѣ и своей женѣ, то тѣ защищали своего внука и сына и бранили отца разсказчика, недостойнаго, по ихъ словамъ, имѣть такого хорошаго сына. До 13 лѣтъ, за четыре года обученія, онъ еле-еле научился разбирать букварь и «марать» [91]) дурныя буквы, хотя бабушка и дивилась его разуму. Совѣтъ отца взять къ бездѣльничающему сыну учителя-француза сначала не встрѣтилъ сочувствія со стороны бабушки, и внукъ въ теченіе цѣлаго года только и дѣлалъ, что рѣзвился съ дворовыми дѣвками и игралъ со слугами въ карты.

---

[88]). «В. В.», 249—250.
[89]). «В. В.», 452.
[90]). «В. В., 241.
[91]). «В. В., 242.

Французъ-учитель, приглашенный, наконецъ, къ нему, не пробылъ долго: его скоро прогнали, какъ только онъ ударилъ однажды своего ученика линейкой по рукѣ за его упрямство. Такая же участь постигла и еще двухъ учителей; этимъ и окончилось его образованіе, такъ какъ отецъ отдалъ его въ службу. Слѣдствія такого воспитанія и образованія сказались быстро: онъ сталъ мотомъ, задолжалъ и, боясь тюрьмы, спасается въ бѣгахъ отъ своихъ кредиторовъ. И вотъ только теперь, находясь въ такомъ положеніи, онъ сознаетъ пагубные результаты и чрезмѣрной любви, и «нѣги», и «чрезмѣрной воли»[92]), съ которой его воспитывали (93).

«ВВ» не разъ подчеркиваетъ безразсудную нѣгу и любовь матерей къ своимъ дѣтямъ, тормозящихъ образованіе (93, 102), чрезмѣрное своеволіе дѣтей нри ихъ воспитаніи и указываетъ на вредъ содержать дѣтей въ молодости слишкомъ коротко (88). И въ этомъ виновны одни родители: они, не умѣя воспитывать дѣтей въ молодости, въ юношескіе годы не умѣютъ растолковать имъ правила жизни, добродѣтели, не поддерживаютъ ихъ иногда матеріальною помощью, когда они въ ней нуждаются (88). Обвиняетъ «ВВ» родителей также въ томъ, что они больше заботились объ образованіи, чѣмъ о воспитаніи своихъ дѣтей. Чтобы пріучить своихъ дѣтей къ добрымъ нравамъ, объ этомъ родители не заботятся. Поэтому-то молодые люди, лишенные твердыхъ правилъ, не могутъ и съ пользою проводить своего времени, и быть дѣльными гражданами: будучи посланными за границу, они проводятъ время не за ученіемъ, тратятъ попусту время, пріучаются къ щегольству, мотовству и другимъ постояннымъ спутникамъ этого; не выучась ничему за границей, они, по пріѣздѣ домой, только глупо критикуютъ (33), проматываютъ отцовскія состоянія; для поправленія своего расшатаннаго матеріальнаго состоянія выдумываютъ глупые, несбыточные проекты (96). «ВВ» даетъ и примѣръ «рачительнаго» воспитанія родителями своего сына: «они его содержали все при себѣ до самаго совершеннаго возраста, никуда его не пускали, боялись, чтобъ не испорченъ былъ нынѣшнимъ свѣтомъ» [93]) (160). Разумѣется, и отъ такого воспитанія не получилось благопріятныхъ результатовъ. Проявляютъ свое полное непониманіе родители въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей, когда матери при своихъ дѣтяхъ, даже при молодыхъ дѣвушкахъ, говорятъ и о своихъ болѣзняхъ, и о родахъ, и «обо всемъ» [94]) (59). На дѣтяхъ же въ значительной степени и, разумѣется, въ отрицательномъ направленіи отзываются и несогласія мужа и жены, особенно когда эти послѣдніе придерживаются совершенно различныхъ взглядовъ (131). Что же удивительнаго послѣ этого, что «дурно воспитанная» [95]) дѣвушка не дорожитъ своей дѣвственностью (155), а пустой человѣкъ является «примѣромъ многимъ молодымъ дуракамъ худо воспитаннымъ» [96]) (150).

Осмѣивая неумѣнье родителей воспитывать своихъ дѣтей, «ВВ» нападаетъ также на принципіальныхъ противниковъ образованія, которые думали, что житейскій опытъ лучше всякаго ученья, и нисколько не забо-

---

[92]) «В. В.», 245. [93]) «В. В.», 458.[94]) «В. В.», 158. [95]) «В. В.», 438. [96]) «В. В.», 408.

тились о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, разсуждая такъ: «лишь бы живъ-здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ — всему научится» [97]).

Осмѣивая ненормальности воспитанія и образованія, «ВВ» настаивала на томъ, чтобы при посылкѣ молодыхъ людей за границу точно опредѣлялся тотъ кругъ предметовъ, для изученія которыхъ посылаются молодые люди; мотивируетъ свое пожеланіе «ВВ» тѣмъ соображеніемъ; что молодые люди, выросшіе нерѣдко у себя дома въ деревнѣ «съ пріятностью», за границей нерѣдко мечтаютъ главнымъ образомъ о томъ, какъ бы лучше и полнѣе насладиться пріятными сторонами заграничной жизни, а вовсе не о томъ, чтобы озаботиться пріобрѣтеніемъ необходимыхъ знаній.

«ВВ» дала любопытный портретъ учителя того времени. Вотъ онъ: Лѣнивый сапожникъ на родинѣ, отъ нищеты и голода записавшійся въ солдаты, а потомъ бѣжавшій со службы въ Россію, бывшій нѣкоторое время кучеромъ, становится въ Россіи «преизряднымъ учителемъ» [98]) (13); кучеръ, «поваренный» мальчикъ, парикмахеръ, скороходъ, егерь — вся эта компанія иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію въ качествѣ прислуги французскаго посла,— всѣ они остаются въ Москвѣ учить молодое русское поколѣніе (42). Что же удивительнаго, если эти люди являются не только никуда негодными учителями, но еще проворовываются, такъ что ихъ берутъ непосредственно отъ ихъ учениковъ и садятъ въ тюрьмы (42).

«ВВ» въ своихъ сатирическихъ статьяхъ не могла, конечно, оставить безъ вниманія и такія рѣзко бросающіяся въ глаза явленія тогдашней жизни, какъ кривосудіе и злоупотребленіе на службѣ чиновниковъ.

Говоря о судьяхъ, «ВВ» прежде всего указываетъ причину кривосудія. Она состоитъ въ томъ, что судьи обыкновенно опредѣляются на должности изъ военныхъ или приказныхъ «безъ всякаго знанія» [99]), почему не отличаются нужными познаніями—многіе изъ нихъ не знаютъ даже законовъ. Судьи — взяточники; они нарочно задерживаютъ дѣла, чтобы больше взять со всѣхъ, нуждающихся въ судѣ, отнимаютъ «послѣднее пропитаніе у челобитчиковъ» [100]) (43). Добиться скораго и справедливаго рѣшенія въ судѣ чрезвычайно трудно; даже правдивое и нисколько не запутанное дѣло (о ничтожной ссорѣ, о личномъ оскорбленіи) трудно довести до конца: «надобно тутъ—говоритъ «ВВ»—много и крючковато писать, довольно бумаги и денегъ тратить, стряпчаго нанять и взять терпѣнія на годъ, на другой, буде не станетъ это дѣло перевозиться съ мѣста на мѣсто» [101]) (107). Немудрено, что въ такихъ случаяхъ истецъ и несправедливо кѣмъ-либо обиженный и поведшій судебный процессъ, рѣшается лучше отказаться отъ дальнѣйшаго веденія долголѣтняго процесса, чтобы совсѣмъ не разориться. Не даромъ же «ВВ» называетъ судей «за носъ водителями» [102]), а секретарей, которые играли въ то время значительную роль, такъ какъ они, главнымъ образомъ, были освѣдомлены въ законахъ, «Крючковзяточковыми» [103]).

---

[97]) «В. В.», 264. [98]) «В. В.», 39. [99]) «В. В.», 277. [100]) «В. В.», 119. [101]) «В. В.», 274. [102]) «В. В.», 456. [103]) «В. В.», 455.

Взятки, по изображенію «ВВ», были самымъ обычнымъ явленіемъ въ судахъ; ко взяткамъ такъ пригляделись и ихъ всѣ считали такимъ обычнымъ явленіемъ, что всѣ тяжущіеся были увѣрены, по словамъ «ВВ», что «безъ того (безъ взятки) дѣла продолжаютъ (судьи и подъячіе) и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются; да не только спорными дѣлами, но и не спорными» [104]) (111).

Изображая и высмѣивая неправыхъ судей, «ВВ» еще усерднѣй высмѣивала подъячихъ, одно имя которыхъ «омерзенія достойно» [105]) (116). Вотъ портретъ подъячаго, по «ВВ»: носитъ шпагу, парикъ, считаетъ себя бариномъ, деньги беретъ и съ праваго, и съ виноватаго, ни учтивость, ни брань, даже розги, не дѣйствуютъ на него; только деньги могутъ оказать на него желательное воздѣйствіе. Свое мѣсто онъ нерѣдко покупаетъ, разсчитывая, что на своемъ мѣстѣ онъ съ лихвою вернетъ затраченное, и чѣмъ чинъ у подъячаго больше, тѣмъ воровать ему, по его разсужденіямъ, «легче и способнѣе» [106]). Если кому-нибудь придется имѣть дѣло съ подъячимъ, то послѣдній будетъ безъ конца приглашать просителя зайти къ нему завтра и ждать. Если ему напомнить и на другой день о своей просьбѣ, то онъ только взглянетъ исподлобья и кивнетъ отрицательно головой, давая знать, чтобы ему не мѣшали, и снова уткнется въ бумагу, какъ бы сочиняя что важное (по должности онъ — верхоглядъ, 119), а въ самомъ дѣлѣ обдумывая «какъ бы лучше съ кого что счистить» [107]). Отъ него постоянно приходится слышать, что у него не одно только дѣло просителя, и неизмѣнное приглашеніе приходить завтра. Одинъ сотрудникъ «ВВ», называя это завтра «проклятымъ», на страницахъ этого журнала описываетъ, какъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подъячій изо дня въ день приглашалъ его зайти къ нему завтра. И Богъ знаетъ, сколько бы еще времени пришлось ему выслушивать это «завтра», если бы одинъ офицеръ не объяснилъ ему, что только завтра «денежное» можетъ разсчитывать на то, что ему когда-нибудь придетъ срокъ, въ то время какъ безденежному завтра «срока не предписано» [108]), и посовѣтовалъ ему принести подъячему да непремѣнно на квартиру раннимъ утромъ, чтобы никто не видалъ, «барашка въ бумажкѣ» (или «акциденцію», какъ на языкѣ подъячихъ называли взятку), т.-е. деньги, обернутыя бумагой «благопристойности ради» [109]). Авторъ и снесъ подъячему 20 руб.; онъ посовѣтовалъ ему сходить не съ пустыми руками на квартиру и къ судьѣ; проситель исполнилъ этотъ совѣтъ и тотчасъ же выигралъ дѣло. Однако взятки, по изображенію «ВВ», не всегда помогали, много значила при этомъ величина взятки; стоитъ только одной изъ заинтересованныхъ сторонъ дать подъячимъ больше, по сравненію со взяткой другой стороны, и дѣло будетъ рѣшено въ пользу давшаго бо́льшую взятку (116). Бороться съ подъячими крайне трудно: грозить донести на подъячихъ нельзя, потому что они сами въ такомъ случаѣ угрожаютъ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что проситель предлагалъ имъ взятки, а въ такомъ случаѣ будетъ скверно обоимъ — и проси-

---

[104]) «В. В.», 307. [105]) «В. В.», 306. [106]) «В. В.», 442. [107]) «В. В.», 442. [108]) «В. В.», 444. [109]) «В. В.», 444.

телю и подъячему (116). Къ тому же они и сильны: не понравился имъ строгій начальникъ, боровшійся со взяточничествомъ ихъ, они сдѣлали ему подарокъ, обвинили потомъ его въ томъ, что онъ принялъ взятку, и начальника убрали (146).

«ВВ» высмѣиваетъ и «благовидные» способы давать и брать взятки. На вопросъ, какъ нужно брать взятки, свѣдущій въ этихъ дѣлахъ отвѣчаетъ: «А вотъ: ты бы съ тѣмъ, кому до тебя нужда, либо сталъ въ карты играть, и онъ бы тебѣ нарочно проигралъ; либо свою худую вещь на его добрую мѣнялъ, онъ бы и тому былъ радъ; или далъ бы ему коммиссію что купить на твой счетъ, это бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло; или же напослѣдокъ научилъ бы какого мальчика изъ слугъ, чтобъ онъ тотъ оброкъ сбиралъ на въ твоихъ глазахъ; а когда бъ дѣло дошло, ты бъ его могъ куда-нибудь сослать: да, полно, слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случаѣ доносовъ на господъ. Еще способъ: продавать дешевое за большую цѣну. Безспорно, онѣ тѣ же взятки, да въ руки придутъ другимъ образомъ, и потому правы» (146) [110]).

«Нравоучительныя заповѣди подъячимъ» (140) окончательно обрисовываютъ общую физіономію подьячихъ:

1. Не бери взятковъ (sic) ни подъ какимъ видомъ, ибо всякій взятокъ есть родъ подкупа.

2. Не волочи дѣла отъ тебя зависящаго.

3. Не сотвори крючковъ.

4. Не обходися грубо съ людьми.

5. Не говори челобитчикамъ «завтра».

6. Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ или изъ законовъ выписей.

7. Не мѣшайся въ присутствіи въ судейскія разсужденія.

8. Не давай никому наставленій въ ябедѣ.

9. Не напивайся пьянъ.

10. Чеши всякій день голову, ходи чисто по своей возможности безъ щегольства и безъ роскоши.

11. Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ.

12. Очисти совѣсть отъ всякаго бездѣльства и плутовства, а напротиву того исполняй тебѣ предписанное во твоей должности съ точностью, съ радѣніемъ и съ честностью; и тогда надѣяться можешь милости и награжденій на земли и на небеси» [111]) (140).

На своихъ страницахъ «ВВ» отмѣтила и суевѣрія того времени. Ихъ она касается въ немногихъ статьяхъ (6, 92, 138): дурной сонъ, разсыпанная соль, положенныя на крестъ ножъ и вилка, лай собаки во время зубной боли, тринадцать человѣкъ за столомъ, понедѣльникъ, какъ неблагопріятный день для начала всякаго дѣла, вообще, предзнаменованія въ родѣ того, что «поставецъ... среди бѣлаго дня надломился» [112]), иголки безъ ушекъ, булавки безъ головокъ, карточная ворожба, загадываніе на бобахъ, «а

---

[110]) «В. В.», 395. [111]) «В. В.», 376. [112]) «В. В.», 370.

паипаче на кофіи» [113]), дурная встрѣча, чесаніе ладони — всему этому, по словамъ «ВВ», вѣрили, съ каждою изъ этихъ примѣтъ соединяли особыя представленія, доходили въ своихъ примѣтахъ иногда, можно сказать, до виртуозности: лай собаки съ поднятой мордой и съ опущенной предсказывали различныя событія; человѣкъ, который склоненъ былъ не вѣрить всему этому, заподозривался въ безбожіи: «онъ, конечно, въ Бога не вѣруетъ [114]) (138) и не знаетъ, что есть еще лѣшіе и домовые (138).»

«ВВ» между прочимъ дала нѣсколько картинъ изъ домашней жизни людей, остававшихся вѣрными своимъ старинньмъ привычкамъ. Вотъ нѣсколько такихъ картинокъ. Авторъ статьи разсказываетъ о своемъ визитѣ семидесятилѣтней тетушкѣ. Послѣдняя встрѣтила его крикомъ, почему онъ не крестится. Обстановка комнаты, гдѣ авторъ засталъ свою тетушку, была такова: у двери, направо, кованный желѣзомъ сундукъ, налѣво—ящики, ларчики, коробки, скамеечки, въ комнатѣ присутствовали: слѣпая, двѣ богодѣльницы, лежалъ мужичокъ, разсказывающій сказку, была заштатная монахиня, двѣ ея внучки-невѣсты да одна дура. Помимо всѣхъ перечисленныхъ, около стѣнъ стояло нѣсколько старухъ и дѣвокъ для услугъ. Гость нечаянно зацѣпилъ концомъ своей шпаги обернутую какимъ-то тряпьемъ голову карлицы. Поднялся крикъ, тѣмъ болѣе, что и слѣпая нѣсколько пострадала. Тетка принялась бранить гостя, говоря, что, вѣроятно, у нихъ «во Франціи» «такой манеръ» [115]), «на слѣпую напалъ» [116]), а потомъ назвала его «дуракомъ». Злоключенія посѣтителя этимъ, однако, не ограничились: пробираясь съ величайшими предосторожностями къ теткѣ, которая лежала на кровати, онъ зацѣпилъ столикъ «съ изломанною ножкою, на которомъ закуски стояли» [117]), опрокинулъ его на кровать къ теткѣ и поспѣшилъ по добру по здорову отправиться назадъ, какъ только тетка закричала: «подай плетей» [118]) (25 ст.).

Двѣ другія статьи рисуютъ внѣшнюю обстановку жизни такихъ людей: грязный дворъ, по которому можно пройти только въ томъ случаѣ, если хозяинъ догадается выслать слугъ съ двумя досками; печальный костюмъ: замасленный тулупъ, колпакъ, босыя ноги, которыя иногда показываются гостямъ въ доказательство того, что хозяинъ не носитъ чулокъ, старые, сомнительной прочности соломенные стулья, простыни въ видѣ «сѣрой тафты», салфетки съ дырами, грязная посуда, закоптѣвшія комнаты, гдѣ въ спальнѣ хозяевъ можно видѣть на печкѣ слугу, который плететъ для продажи лапти, и «подъ печкою сидятъ на яйцахъ куры» — вотъ что бросается въ глаза при знакомствѣ съ жизнью такихъ людей (32. Срав. 144).

Если мы вспомнимъ теперь льстецовъ, о которыхъ «ВВ» говоритъ неоднократно (2, 8, 36, 43, 152), неряшливыхъ купцовъ (119), сержантовъ, которые, не растолковавъ какъ слѣдуетъ солдатамъ того, что отъ нихъ требуютъ, наказываютъ ихъ плетьми до 300 ударовъ включительно (43), полковника, который «лаетъ» [119]) офицеровъ, какъ извозчикъ (43), духовныхъ,

---

[113]) «В. В.», 240. [114]) «В. В.», 370. [115]) «В. В.», 71. [116]) «В. В.», 71. [117]) «В. В.», 72. [118]) «В. В.», 72. [119]) «В. В.», 119.

которые много за молебенъ берутъ, ходятъ по приходу съ поборами (2), берутъ за «сорокоустъ» по 40 р. (хотя, съ другой стороны, чѣмъ же имъ и жить, разъ имъ отъ государства не назначено опредѣленнаго жалованья?) (146), дьячковъ, которые читаютъ въ церкви слишкомъ невнятно, многое пробрасываютъ, а многаго совсѣмъ не понимаютъ (110), врачей, къ которымъ нельзя итти лѣчиться, не захвативъ достаточнаго количества денегъ, чтобы не попасть «въ злѣйшую» [120]) (сравн. съ дѣловымъ визитомъ безъ взятки къ подъячему), то галлерея картинъ и портретовъ, нарисованныхъ «ВВ» будетъ болѣе или менѣе полно представлена.

Любопытно прослѣдить отношеніе «ВВ» къ литературѣ, къ писательству, русскому языку,

Она высоко цѣнила Ломоносова и Сумарокова, называла ихъ «первыми Россійскаго Парнаса свѣтильниками» (75 стр.), цѣнила перваго особенно въ краснорѣчіи, второго въ стихотворствѣ, высоко ставила Синава и Хорева Сумарокова. Но воздавая должное Ломоносову и Сумарокову, «ВВ» неоднократно осмѣяла «Телемахиду» и «Аргениду», а также переводъ драмъ Лукина «Зять и тесть», «Разумный Вертопрахъ». «Телемахиду» и «Аргениду» (каждую въ отдѣльности) она рекомендовала употреблять, какъ усыпляющее средство; вмѣстѣ же эти сочиненія, по словамъ «ВВ», производятъ «терзаніе жилъ, потяготу, тягость и отвращеніе ото всего: что все опытами доказано и весьма опасно» [121]) (9). Какъ эти сочиненія она осмѣиваетъ главнымъ образомъ за тяжесть языка, неясность его, такъ и переводы Лукина оцѣниваетъ прежде всего со стороны ихъ стилистики... Но осмѣивая Лукина, «ВВ» въ то же время иногда и защищала его: она указывала, что многіе промахи въ переводахъ всегда возможны, что переводы вообще нужно привѣтствовать, и что переводчиковъ нужно, во всякомъ случаѣ, поощрять (15). Самостоятельнымъ писателямъ «ВВ» не разъ совѣтовала относиться серьезно къ писательству (70, 106, 110 и др.), подчеркивая необходимость достаточной подготовки для этого.

Необходимо отмѣтить также, что «ВВ» горячо отстаивала древнихъ писателей и значеніе ихъ для научнаго образованія человѣка (103): «чрезъ нихъ всѣ просвѣщенные народы получили премудрость» [122]) (110), осмѣивала порчу русскаго языка и ратовала за любовь и тщательное изученіе родного языка.

Для того, чтобы покончить съ изложеніемъ содержанія «ВВ», намъ остается теперь указать тѣ статьи, которыя она выдавала за переводныя, и сказать нѣсколько словъ о полемикѣ «ВВ» съ другими журналами.

Къ переводнымъ нужно отнести прежде всего нѣсколько статеекъ нравственнаго содержанія (414 — 418) и «Слово господина президента де Монтескье», — это переводъ съ французскаго. Остальные переводы сдѣланы изъ древнихъ авторовъ. Мы дадимъ полный перечень этихъ переводовъ: «Описаніе пещеры Бога сна. Изъ Овидіевыхъ превращеній» (171), три пѣсни (1, 2, 14) изъ Анакреона (173), «Повѣсть о Каіи Маркіи Коріоланѣ изъ

---

[120]) «В. В.». 275. [121]) «В. В.», 32. [122]) «В. В.», 290.

книги II исторіи Тита Ливія Патавійскаго» (172, II), «Строгость воинская у римлянъ даже и отцомъ противъ собственнаго сына совершенная, изъ книги VIII исторій того же Тита Ливія Патавійскаго» (173, III), «Письмо 16 изъ книги VI К. Плинія Кекилія Секунда о смерти дяди его К. Плинія Секунда, исторія естественной смерти писателя, приключившейся во время пожара огнедышащей горы Везувія отъ Рожд. Хр. 79, отъ созданія же Рима 830» (173, IV), «Валерія Максима изреченій и дѣлъ достопамятныхъ. Книги 3 глава 2. Примѣры храбрости—I. Римскіе:

1) Оратія Коклита, 2) Дѣвицы Клеліи; 3) Ромула; 4) Корнилія Косса; 5) Марка Маркелла; 6) Тита Манлія Торквата, Валерія Корвина и Скипіона Емиліана; 7) Каія Аттилія; 8) О Римскихъ всадникахъ; 9) Другихъ всадниковъ и Фабія Рутиліана; 10) Воевъ надъ пуническимъ флотомъ; 11) Нѣкотораго храбраго воина; 12) Публія Красса; 13) Скипіона; 14) Катона Утикскаго; 15) Поркіи, дочери Катоновой, Брутовой жены; 16) Катона Поркія; 17) Публія Скипіона Насики; 18) Каія Марія; 19) Обожеппаго Іулія Кесаря; 20) Вивія Акка, Валерія Флакка и Педанія Сотника; 21) Квинта Котія; 22) Квинта Аттилія, воина кесарева, сравненнаго съ Кинегиромъ аѳинскимъ; 23) Марка Кесія и Скевы; 24) Лукія Сикинія Дентата.

II. Внѣшніе (примѣры храбрости):

1) Тита Юбеллія; 2) Гибрія; 3) Леонида; 4) Оѳріады; 5) Епаминонда; 6) Ѳирамена; 7) Ѳеогена; 8) Жены Асдрувала; 9) Двухъ дѣвицъ.

«Еліана различныхъ повѣстей изъ книгъ:

II. Главы 24, 28, 29, 33, 35, 36, 37, 39.
III. Главы 11, 13, 16, 25, 27, 28, 29.
VI. Главы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.
VIII. Глава 4.
IX. Глава 12.
XI. Главы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

Нужно признать, что отрывки эти мало интересны, всѣ они помѣщены въ «Барышкѣ ВВ», и они-то, вѣроятно, были одной изъ причинъ неуспѣха «Барышка ВВ», почему редакторъ не помѣстилъ всѣхъ имѣющихся у него еще переводовъ, а оставилъ «до удобнаго случая» [123]) (174).

Для того, чтобы познакомиться съ характеромъ переводовъ, а главное со стилемъ языка переводовъ, вошедшихъ въ «ВВ», мы позволимъ себѣ привести одинъ переводъ, о храбрости Эпаминонда. Вотъ этотъ любопытный для настоящаго времени, со стороны строя предложеній, переводъ.

«Послѣ превосходнѣйшихъ Спартанскія храбрости успѣховъ бѣдственное паденіе слѣдуетъ. Епаминондъ, величайшее Ѳивянъ благополучіе, такъ же первое Лакедемонянъ пораженіе, когда древнюю града ихъ славу, и непобѣдимую до того времени народную храбрость при Левктрѣ и Мантинеѣ двумя битвами стеръ; пронзенный копіемъ, оставшуюся кровь и духъ испуская, помощь ему подати старающихся, во первыхъ цѣлъ ли его щитъ, потомъ со всѣмъ ли неприятели прогнаны? вопросилъ: что когда по желанію

---

[123]) «В. В.», 550.

сбывшееся услышалъ, не оканчиваю, сказалъ, совоины, теперь я жизнь мою, но съ большею славою и надеждою жить начинаю. Нынѣ же Епаминондъ вашъ, если можно сказать, рождается, когда такъ умираетъ. Я вижу, что Өивы предводительствомъ и стараніемъ моимъ сдѣлалися главою Греціи: крѣпкій и сильный градъ Спарта лежитъ оружіемъ нашимъ поверженный: Греція освобождена отъ горестнаго владѣнія. Хотя сирый я, но не безъ чадъ умираю, ибо чудесныхъ дщерей Левктру и Мантинею оставляю. По томъ копіе вынуть изъ своего тѣла повелѣлъ, и отъ тоя раны духъ испустилъ. Если бы боги безсмертные наслаждаться его своими побѣдами допустили, то и здравъ будучи не могъ бы съ большею славою внити во градъ отечественный» [124]).

Теперь нѣсколько словъ о полемикѣ. Не останавливаясь на ней подробно, мы выскажемъ только свою точку зрѣнія на нее. Изслѣдователи «ВВ» (Афанасьевъ, Пыпинъ, Незеленовъ и Шумигорскій и др.) обычно считаютъ эту полемику очень характерной для «ВВ»; въ этой полемикѣ, по ихъ мнѣнію, «ВВ» высказала свои постоянные, исконные взгляды; поэтому они, на основаніи этой полемики, судятъ объ общемъ направленіи «ВВ». Тѣ же ученые, которые признавали Екатерину II редакторомъ «ВВ», старались выяснить позицію журнала, занятую имъ въ полемикѣ, въ зависимости отъ личности Екатерины; такъ Шумигорскій объясняетъ, почему Екатерина не могла предъявлять къ тогдашнему обществу большихъ требованій и была снисходительна къ порокамъ и слабостямъ.

По нашему мнѣнію, полемика и та позиція, которую заняла «ВВ» въ этой полемикѣ, не могутъ быть признаны вполнѣ характерными для «ВВ»; въ этой полемикѣ «ВВ», по нашему мнѣнію, сошла со своей обычной позиціи, не разъ высказывала противорѣчивыя положенія сравнительно съ высказанными ею раньше, что, впрочемъ, она дѣлала нерѣдко (это мы еще будемъ отмѣчать); поэтому о «ВВ» нужно судить не по полемикѣ только, но принимая во вниманіе все содержаніе «ВВ».

---

[124]) «В. В.», 531—532.

ГЛАВА IV.

При изученіи «ВВ» приходится имѣть дѣло съ рѣшеніемъ вопроса о вліяніи на «ВВ» заграничной сатирико-нравоучительной литературы и съ вопросомъ о значеніи сатиры екатерининскаго времени. Мы уже видѣли, что по первому вопросу первоначально въ научной литературѣ (Буличъ, Афанасьевъ) не было никакого сомнѣнія въ полной самостоятельности разсматриваемаго нами журнала, особенно со стороны его содержанія. Правда, Пекарскій еще въ 1856 г. отрицалъ самостоятельность такъ называемой сатирической журналистики 1769—1774 гг., а слѣдовательно и «ВВ», но онъ не привелъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія.

А между тѣмъ, если мы обратимся къ тексту «ВВ», то увидимъ, что сама «ВВ» нисколько не отрицала того обстоятельства, что она при написаніи своихъ статей пользуется нѣкоторыми источниками; наоборотъ, она сама нѣсколько разъ—то путемъ намековъ (60, 104), то прямо — признавалась въ такомъ пользованіи (37, 111). «Скажутъ, что мы переводы списываемъ— говоритъ «ВВ»—признаемся, что и сіе бываетъ: легко узнать иные можно; осмѣливаемся сказати, что почти всѣ переводы здѣсь внесенные слабѣе настоящихъ сочиненій» [125]) (111). А вотъ еще болѣе опредѣленное указаніе, откуда именно заимствовала «ВВ» свои статьи: «Чтобъ я сталъ читать такой вздоръ — негодуетъ одинъ петиметръ — который, какъ я думаю, ни что иное, какъ повтореніе зрителей, новыхъ менторовъ, пустомель и мизантроповъ» (въ выноскѣ «англійскіе и французскіе періодическіе листы») [126]) (37). Любопытно, какъ сама «ВВ» относилась къ факту заимствованія: «Да положимъ — читаемъ мы въ этой же статьѣ — что въ сихъ новыхъ листкахъ (разумѣется «ВВ») и выбранное есть изъ другихъ, что до того нужды, только бы хорошо было и выбрано бы было со вкусомъ. Пчела со всѣхъ цвѣтовъ медъ собираетъ» [127]). (Ibid.).

Но несмотря на такія вполнѣ опредѣленныя заявленія «ВВ» относительно использованія ею нѣкоторыхъ заграничныхъ источниковъ, въ научной литературѣ долго не было сдѣлано попытокъ научно освѣтить вопросъ о степени зависимости «ВВ» отъ заграничной журналистики. Только въ 1892 году появилась статья Солнцева, выясняющая зависимость «ВВ» отъ

---

[125]) «В. В.», 295. [126]) «В. В.», 113. [127]) «В. В.», 113.

журнала Аддисона и Стиля «Spectator», и только Солнцевымъ этотъ вопросъ о зависимости былъ поставленъ на твердую научную почву и детально разработанъ въ предѣлахъ, впрочемъ, поставленной задачи. Что же касается отношенія и возможной зависимости «ВВ» отъ нѣкоторыхъ другихъ, хотя бы указанныхъ самой «ВВ», періодическихъ изданій, то этотъ вопросъ до настоящаго времени еще не изслѣдованъ. Правда, Лазурскій [128]) обѣщаетъ выяснить отношеніе такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени ко всѣмъ журналамъ Стиля и Аддисона. Но и такая работа во вопросу о зависимости «ВВ» отъ иностранной журналистики не будетъ окончательной: останется еще невыясненнымъ вопросъ о возможномъ вліяніи на «ВВ» нѣкоторыхъ французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Но въ виду отсутствія въ настоящее время надлежащей полноты по вопросу о степени зависимости «ВВ» отъ заграничной журналистики, этотъ вопросъ пока сводится къ выясненному Солнцевымъ вопросу о зависимости «ВВ» отъ «Spectator'а, и точка зрѣнія Солнцева по данному вопросу въ настоящее время и господствуетъ въ наукѣ. И, безъ сомнѣнія, Пыпинъ имѣлъ въ качествѣ отправного пункта точку зрѣнія Солнцева, когда ему пришлось высказываться по данному же вопросу. Нужно только замѣтить, что мнѣніе Пыпина относительно зависимости такъ называемыхъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени вообще и «ВВ» въ частности страдаетъ съ одной стороны нѣкоторой неопредѣленностью, а съ другой стороны—рѣшительностью своихъ сужденій. Онъ высказываетъ такое общее положеніе относительно всѣхъ «сатирическихъ журналовъ» 1769—74 гг.: «Образцомъ для этихъ журналовъ послужили западныя изданія подобнаго рода, особенно англійскія (знаменитый «Spectator» Аддисона): изъ нихъ выбирались и передѣлывались статьи, которыя можно было примѣнить къ русскимъ нравамъ» [129]). Это положеніе, безъ сомнѣнія, высказано слишкомъ смѣло, такъ какъ оно отнимаетъ у всѣхъ названныхъ журналовъ права хоть на нѣкоторую самостоятельность, которою они, безъ сомнѣнія, отличались; а потомъ оно и не убѣдительно: гдѣ, напр., доказательства того, что, предположимъ, «Адская Почта», «Живописецъ» и др. журналы стоятъ въ близкой зависимости отъ заграничной журналистики подобнаго рода? Помимо этого, высказанный взглядъ Пыпина нѣсколько неопредѣлененъ, тѣмъ болѣе, что дальше Пыпинъ продолжаетъ: «Эта нравоучительная сатира, хотя заимствованная въ своей основѣ или поводѣ, принималась къ сердцу русскими писателями, и примѣненіе къ русскимъ нравамъ получало разные оттѣнки» [130]).

Въ виду несомнѣнной цѣнности статьи Солнцева и въ виду ея господства въ настоящее время въ наукѣ по данному вопросу, мы считаемъ возможнымъ изложить коротко основныя положенія его точки зрѣнія, дополняя нѣкоторыми своими замѣчаніями его наблюденія и имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ указать (VI гл.) нѣкоторыя ошибки Солнцева.

---

[128]) *Лазурскій*, Сатирически-правоучительные журналы Стиля и Аддисона. Изъ исторіи англійской прессы XVIII в. Записки Имп. Новороссійскаго Университета, т. 109, 112.

[129]) Академическое изданіе соч. Екатерины II, т. I, IX. [130]) Ib., т. I, IX.

Солнцевъ съ полной убѣдительностью доказалъ несомнѣнность зависимости «ВВ» отъ «Spectator'а». Этотъ сатирическій журналъ выходилъ въ Англіи съ 1 марта 1711 г. до 6 дек. 1712 г. (№№ 555) и съ 18 іюня по 15 дек. 1714 г.; издавался онъ Аддисономъ и Стилемъ, изъ которыхъ первому принадлежитъ $^2/_3$ всего написаннаго въ журналѣ, почему мы и называемъ его журналомъ Аддисона и Стиля, а не наоборотъ, какъ принято называть его. Въ Англіи при своемъ изданіи онъ пользовался большимъ успѣхомъ, интересъ къ нему не ослабѣвалъ и позже, что видно между прочимъ изъ того, что въ теченіе 18 в. онъ выдержалъ 55 изданій. Но интересовались «Spectator'омъ» не въ одной Англіи, онъ былъ очень популяренъ и за границей: въ Германіи, Франціи, Даніи, Польшѣ, наконецъ, у насъ въ Россіи. «Знакомство нашихъ писателей и издателей журналовъ со «Spectator'омъ» — говоритъ Солнцевъ—началось гораздо ранѣе появленія «ВВ». Впервые заимствованныя статьи изъ «Spectator'а» появились въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ». Затѣмъ заимствованныя изъ «Spectator'а» статьи мы встрѣчаемъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», въ журналахъ «Праздное время, въ пользу употребленное», «Полезное увеселеніе». Особенно много переводовъ изъ «Spectator'а помѣщено въ журналѣ «Доброе намѣреніе»; нѣсколько переведенныхъ статей изъ «Spectator'а» помѣщены въ журналѣ Сумарокова «Трудолюбивая пчела». «Въ виду этой широкой извѣстности, которою пользовался у насъ «Spectator» —добавляетъ Солнцевъ — въ виду его огромнаго значенія на Западѣ, понятно, что, какъ только возникла мысль о сатирическомъ журналѣ съ нравоучительнымъ направленіемъ, образцомъ для него должны были взять знаменитый англійскій журналъ». Это и доказываетъ «ВВ» [131]). Послѣдняя взяла довольно много статей изъ «Spectator'а», только пользовалась она ими нѣсколько иначе, чѣмъ указанные выше журналы: въ то время какъ послѣдніе переводили статьи изъ «Spectator'а», «ВВ» не всегда прибѣгала къ этому, предпочитая такъ или иначе передѣлывать эти статьи.

Всѣхъ заимствованныхъ изъ «Spectator'а» статей въ «ВВ» насчитывается до 30. На основаніи приведенныхъ Солнцевымъ данныхъ можно видѣть, что «ВВ», пользуясь статьями «Spectator'а» 1) или, дословно переводила ихъ, или 2) переводила съ сокращеніями, или 3) со вставками, или, наконецъ, 4) измѣняя нѣкоторыя данныя англійскаго журнала, примѣнительно къ условіямъ русской жизни.

Уже въ этихъ сокращеніяхъ и измѣненіяхъ нѣсколько видна, по нашему мнѣнію, манера не механическаго заимствованія «ВВ» изъ «Spectator'а». Кромѣ этого самостоятельность сотрудниковъ «ВВ» при заимствованіяхъ изъ «Spectator'а» сказывается и въ комбинированіи данныхъ «Spectator'а»: такъ они иногда соединяютъ нѣсколько разсказовъ подлинника въ одинъ, разбиваютъ на нѣсколько статей одинъ разсказъ «Spectator'а», въ оригинальный разсказъ вставляютъ отрывокъ изъ «Spectator'а».

---

131) *Солнцевъ*. Op. cit., 132.

Что касается выпусковъ, то ихъ «ВВ» дѣлала вполнѣ умѣло, съ своей точки зрѣнія; такъ, напр., авторъ статьи 75 выпустилъ указаніе «Spectator'а» на малую заботу правительства въ дѣлѣ назначенія чиновниковъ. «Я увѣренъ,—было въ Spectator'ѣ, — что эта испорченность (чиновниковъ) происходитъ преимущественно отъ того, что на должности назначаются первые попавшіеся или тѣ, которые слывутъ за людей ловкихъ и хитрыхъ»[132]). Разумѣется, что «ВВ», какъ органу Екатерины II, было нѣсколько неудобно печатать это, и «ВВ» выбросила это.

Вставки, къ которымъ прибѣгаетъ иногда «ВВ», пользуясь статьей «Spectator'а», тоже обнаруживаютъ въ сотрудникахъ «ВВ» желаніе какъ можно ближе подойти къ русской дѣйствительности; иногда они двумя, тремя фразами старались придать и заимствованной статьѣ свой родной, русскій колоритъ. Такъ въ статьѣ 45 авторъ этой статьи старается такой фразой придать статьѣ русскій колоритъ: «Я бы имъ (племянницамъ, приводятся слова купца) отвѣтствовалъ кулакомъ; но я боленъ; да сверхъ того дѣвки таковы, чтобъ онѣ сами меня съѣздили въ рожу» [133]). Характерна въ этомъ отношеніи также замѣна посуднаго магазина статьи «Spectator'а» русской мануфактурной лавкой: безъ сомнѣнія, въ то время у насъ въ Россіи барыни не пошли бы отъ скуки въ посудный магазинъ.

Вліяніе «Spectator'а» на «ВВ», по мнѣнію Солнцева, не ограничивалось только заимствованіями «ВВ» статей изъ «Spectator'а». Солнцевъ вполнѣ опредѣленно говоритъ о томъ, что «Spectator» подсказывалъ «ВВ» и объекты сатиры. Воспитаніе, жизнь русскихъ помѣщиковъ того времени, ихъ безполезное пребываніе въ деревнѣ съ ея неизмѣнными спутниками: попойкой, безпросыпнымъ спаньемъ и охотой, суевѣріе, взяточничество, французоманія (петиметры, щеголихи, мотовство, роскошь, неоплатные долги щеголей и щеголихъ), вольность обращенія мужчинъ съ женщинами, непринужденность и слишкомъ большая свобода женщинъ держать себя въ обществѣ — все это, по Солнцеву, объекты сатиры и «Spectator'а«. Что же касается статей «ВВ», имѣющихъ характеръ нравоученія или разсужденія, то и изъ нихъ, по мнѣнію Солнцева, очень многія заимствованы изъ «Spectator'а». Помимо указаннаго вліянія «Spectator'а» на выборъ объектовъ сатиры «ВВ», по мнѣнію Солнцева, взгляды «ВВ» на цѣль и тонъ журнала, на пороки, необходимость гуманнаго отношенія къ людямъ, наконецъ формы статей «ВВ» — все это позаимствовано «ВВ» у «Spectator'а».

На основаіни сравненій «Spectator'а» и «ВВ» Солнцевъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Образцомъ для перваго нашего сатирическаго журнала послужилъ «Спектаторъ».

2. Вліяніе «Спектатора» не ограничивалось одной внѣшней стороной (форма и тонъ статей), но простиралось и на самое содержаніе «ВВ».

---

132) Ib., 138. 133) Ib., 137.

3. Статьи, заимствованныя изъ «Спектатора» являются въ «ВВ» въ большинствѣ случаевъ въ передѣланномъ видѣ, но передѣлка нисколько не касается сущности статей.

4. Почти всѣ статьи «ВВ», признаваемыя важными для исторіи быта и нравовъ общества Екатерининской эпохи, заимствованы изъ англійскаго журнала. Исключеніе составляютъ статьи, направленныя противъ подъячихъ, и разсказы, рисующіе старое воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей.

5. Взгляды «ВВ» на задачу и предѣлы сатиры не принадлежали самой императрицѣ Екатеринѣ; они не вытекали изъ ея принципа осторожности и не были результатомъ вліянія матеріалистическихъ идей, усвоенныхъ ею отъ французскихъ философовъ, а всецѣло были заимствованы отъ «Спектатора» [134]).

Таковы выводы Солнцева о вліяніи «Spectator'а» на «ВВ». Однако мы уже видѣли, что вопросъ о зависимости «ВВ» отъ заграничной журналистики нельзя еще считать рѣшеннымъ. Къ тому же и статья Солнцева, несмотря на всю ея цѣнность, не избѣжала нѣкоторыхъ ошибокъ. Поэтому внести нѣкоторыя поправки къ рѣшенію поставленнаго Солнцевымъ вопроса намъ представляется существенно необходимымъ.

По нашему мнѣнію, статья Солнцева, несмотря на свою серьезность и цѣнность своихъ частныхъ положеній, все же нѣсколько преувеличила значеніе «Spectator'а» для «ВВ». По нашему мнѣнію, можно вполнѣ принять первый выводъ о вліяніи «Spectator'а» на «ВВ», который выставляетъ Солнцевъ. Къ данному выводу, пожалуй, можно только поставить вопросъ, однимъ ли «Spectator'омъ» въ качествѣ образца пользовалась «ВВ», или же были и другіе образцы, и каковы они, если они были?

Что же касается слѣдующихъ двухъ выводовъ Солнцева, то и съ ними необходимо вполнѣ согласиться; но уже съ четвертымъ выводомъ Солнцева, въ которомъ онъ утверждаетъ, что «почти всѣ статьи «ВВ», признаваемыя важными для исторіи быта и нравовъ общества Екатерининской эпохи, заимствованы изъ англійскаго журнала» [135]), мы согласиться не можемъ: въ журналѣ «ВВ» есть еще не мало статей, не указанныхъ Солнцевымъ, какъ заимствованныя, и дающихъ въ то же время цѣнную характеристику быта и нравовъ Екатерининскаго времени.

Наконецъ, что касается 5 вывода Солнцева, который признаетъ, что взгляды «ВВ» на задачи и предѣлы сатиры были всецѣло заимствованы изъ «Spectator'а», а не объяснялись личными свойствами Екатерины II, то и съ этимъ положеніемъ вполнѣ согласиться нельзя. Конечно, «Spectator» и въ данномъ отношеніи оказывалъ вліяніе на «ВВ», но объяснять взгляды «ВВ» на задачи и предѣлы сатиры исключительнымъ вліяніемъ «Spectator'а», намъ думается, рискованно. По нашему мнѣнію, нельзя сводить на нѣтъ и личныхъ взглядовъ Екатерины II, которые, безъ сомнѣнія, у нея были и которые должны были отразиться на ея журналѣ. Точно также и тонъ сатиры «ВВ», и ея гуманное отношеніе къ людямъ, и ея взгляды на порокъ,

---

[134]) Ib., 156. [135]) Ib., 156.

по нашему мнѣнію, нельзя объяснять исключительнымъ вліяніемъ «Specta-tor'а», какъ это объясняетъ Солнцевъ. И здѣсь, думается намъ, нельзя оставлять безъ вниманія своеобразной личности издательницы даннаго журнала. Объ этомъ намъ придется еще говорить въ своемъ мѣстѣ (VI гл.), теперь же мы считаемъ нужнымъ только отмѣтить это.

Что касается вопроса о значеніи сатиры Екатерининскаго времени вообще и «ВВ» въ частности, то въ научной литературѣ по данному вопросу имѣются противоположные взгляды. Разобраться въ этихъ взглядахъ и установить правильную точку зрѣнія на данный вопросъ мы и ставимъ цѣлью этой части нашей работы.

Отрицательный отвѣтъ по данному вопросу даютъ Пекарскій, Добролюбовъ, Мордовцевъ.

По мнѣнію Пекарскаго, сатирическое направленіе журналистики Екатерининскаго времени не оставило никакихъ слѣдовъ въ русской литературѣ... За исключеніемъ 5—6 писемъ «Живописца» Новикова, гдѣ затронуты были интересныя стороны русскаго быта, наша сатира ограничивалась насмѣшкой надъ подражателями французскихъ модъ, людьми скорѣе жалкими, нежели смѣшными. Но и здѣсь издатели сатирическихъ статеекъ нерѣдко брали въ образецъ французскія сочиненія, въ которыхъ осмѣивались петиметры и вообще развратность и пустота временъ регентства [136]).

Конечно съ Пекарскимъ приходится соглашаться, что наша журналистика Екатерининскаго времени была въ значительной степени заимствованной. Но вѣдь самый фактъ заимствованія еще не можетъ служить основаніемъ для отрицанія значенія сатиры: и заимствованная вещь, несомнѣнно, можетъ имѣть положительное значеніе.

Нельзя только не оговориться, что по отношенію къ «ВВ» этотъ отзывъ Пекарскаго нельзя принимать въ полной мѣрѣ: мы видѣли, что предметъ сатиры «ВВ» значительно шире того, что являлось, по мнѣнію Пекарскаго, предметомъ сатиры журналистики Екатерининскаго времени.

Переходимъ къ статьѣ Добролюбова. Эта статья представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ рецензіи книги Аѳанасьева «Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г.». Написанная по поводу появленія этой работы Аѳанасьева статья Добролюбова по существу своему представляетъ не критическую статью о значеніи сатиры Екатерининскаго времени и тѣмъ болѣе не оцѣнку книги Аѳанасьева, а историко-публицистическій этюдъ, освѣщающій нѣсколько односторонне эпоху царствованія Екатерины II. Сатира журналовъ Екатерининскаго времени была только поводомъ для такого историческаго этюда. Немудрено, что оцѣнка сатиры въ такомъ случаѣ нѣсколько не удалась автору статьи. У него двѣ основныхъ мысли, на которыхъ построено отрицаніе значенія сатиры Екатерининскаго времени: 1) сатира являлась помощницей законодательства, обращала вниманіе только на частные случаи недостатковъ государственнаго механизма,

---

[136]) *Пекарскій*. Любитель литературы Екатерининскихъ временъ. Отечественныя записки 1856, IV, 508.

не указывая ихъ общей причины — существованія приказнаго строя: 2) итоги сатирическихъ выпадовъ были безплодны: тѣ стороны государственной, общественной и личной жизни, на которыя нападала сатира Екатерининскаго времени, нисколько не улучшились къ концу царствованія Екатерины II. Но что касается первой его мысли, то прежде всего представляется страннымъ отрицать значеніе сатиры только на томъ основаніи, что она помогаетъ законодательству. Какъ будто законодательство преслѣдуетъ какія-то неположительныя цѣли, или какъ-будто его одного достаточно для того, чтобы оно выполнялость? Помимо этого, Добролюбову не совсѣмъ и удалось доказать свое положеніе, такъ какъ при этомъ доказательствѣ онъ не воздержался отъ нѣкоторыхъ натяжекъ; напр., онъ говоритъ: «такъ, описывается ли у нихъ судья-взяточникъ, онъ уже непремѣнно отставленъ и бранится за это; говорится ли о своевольномъ помѣщикѣ, онъ непремѣнно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются ли подлость и ласкательство—тутъ же неизмѣнно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужъ этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде» [137]).

Вторая основная мысль Добролюбова тоже вызываетъ недоумѣніе: независимо ужъ отъ того, что можно, конечно, спорить относительно общей оцѣнки дѣятельности Екатерины II и результатовъ ея царствованія, представляется нѣсколько страннымъ оцѣнивать значеніе сатиры такимъ грубымъ способомъ, т.-е. оцѣнивать по тому, улучшилась ли жизнь замѣтнымъ образомъ спустя 30 лѣтъ послѣ появленія сатиры. Вѣдь нельзя забывать, что благотворное дѣйствіе сатиры можетъ парализоваться какими-либо другими неблагопріятными историческими условіями. Затѣмъ сатира, разсуждаетъ Добролюбовъ, ратовала противъ взятокъ, но взяточничество проходитъ чрезъ всю русскую исторію и дожило до настоящаго времени. Русская литература не разъ боролась съ этимъ зломъ русской дѣйствительности. И неужели мы теперь на основаніи существованія взяточничества и въ настоящее время станемъ отрицать значеніе русской литературы, сатирической по преимуществу (по мнѣнію Добролюбова) или, можетъ быть, правильнѣе, учительной? Конечно нѣтъ.

Статья Мордовцева, какъ и статья Добролюбова, тоже отмѣчаетъ безполезность сатиры Екатерининскаго времени, выводя въ качествѣ причины различныя стѣсненія гласности, которымъ она подвергалась со стороны администраціи.

Намъ нѣтъ нужды доказывать, что такъ-называемая сатирическая журналистика Екатерининскаго времени пользовалась, сравнительно, большой свободой и вскрыла не одно зло русской дѣйствительности. Нѣтъ нужды, конечно, и доказывать то, что «В. В.», какъ органу императрицы Екатерины II, нечего было бояться административной кары.

---

[137]) *Добролюбовъ.* Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. Т. I, 125 (Спб., 1885).

Таковы статьи, отрицающія значеніе сатиры Екатерининскаго времени, и ихъ слабыя стороны. Ни Пекарскому, ни Добролюбову, ни Мордовцеву не удалось доказать безполезность сатиры Екатерининскаго времени. Наоборотъ, даже при своей основной задачѣ доказать эту безполезность, они признавали ея значеніе.

Пекарскій отмѣчаетъ, что въ первое время своего выхода журналы пользовались вниманіемъ публики, которой они могли нравиться «колкою, иногда доходящею до грубости, насмѣшкою, а также намеками на знакомыя лица и всѣмъ извѣстныя приключенія» [138]).

Охоту къ чтенію журналовъ отмѣчаетъ и Мордовцевъ. «Публика, говоритъ онъ, была рада отвести душу за чтеніемъ еженедѣльныхъ листковъ, въ которыхъ клеймилось то, что съ давнихъ поръ оставалось у насъ ненаказаннымъ и неосмѣяннымъ» [139]). Мордовцевъ отмѣчаетъ также, что обличеніе сатиры чувствовали многіе изъ тѣхъ, кого осмѣивала сатира, что эту сатиру привѣтствовала та часть русскаго общества, которая искренно хотѣла блага русскому народу; эта часть общества была довольна тѣмъ, что журналистика прямо указывала «тѣ стороны русской жизни, которыя наиболѣе портили эту жизнь и останавливали наше развитіе» [140]).

Эта же журналистика, по мнѣнію Мордовцева, несомнѣнно содѣйствовала укрѣпленію и развитію у русскаго читателя охоты къ чтенію. Говоря о «Трудолюбивомъ муравьѣ» и отмѣчая «благопристойность его характера», онъ замѣчаетъ: «но такова была жажда къ чтенію, возбужденная журналами 1769 г., что она жадно набросилась даже на «Муравья», за неимѣніемъ ничего лучшаго» [141]). Однако несмотря на это, когда въ 1773 г. появился журналъ «Мешенина Катоноскарроническая», русская публика, знакомая уже отчасти, «что такое порядочные журналы» [142]), не стала читать этого журнала.

Переходимъ теперь къ статьѣ Добролюбова «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Въ этой статьѣ Добролюбовъ высказывается, между прочимъ, и относительно русской журналистики 1769—1774 г.

Онъ призналъ, что журналы, особенно съ 1769 г., старались «слѣдить за общественной жизнью и овладѣвать вниманіемъ публики, представляя посильное изображеніе того, что особенно ее занимало или могло занимать въ данное время. Молодое, развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видѣло, что ему еще многое нужно у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ большею частью историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ общественнымъ его устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось

---

[138]) *Пекарскій,* Любитель литературы Екатер. временъ. О. З., 1856, IV, 508.

[139]) *Мордовцевъ.* Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности (1769—1775). Русское Слово, III, стр. 376.

[140]) Ib., 376. [141]) Ib., 352. [142]) Ib., 373.

сначала сознаніе недостатковъ, чувство необходимости ихъ исправленія; сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ могучимъ дѣятелемъ, какъ и всегда является она въ обществѣ» [143]). Въ другомъ мѣстѣ этой же статьи, по вопросу о значеніи сатиры онъ говоритъ: «И это было великое дѣло—возстать на пороки сильные, господствующіе, распространенные во всѣхъ классахъ общества, начиная съ самыхъ высочайшихъ» [144])... Намъ думается, что и конечный восторженный отзывъ Добролюбова о «Собесѣдникѣ» можно отнести и къ «В. В.»: вѣдь въ сущности предметы сатиры «Собесѣдника» и «В. В.» были одни и тѣ же, почему мы и пользуемся данными статьи Добролюбова о «Собесѣдникѣ». «Если не прежде всѣхъ, говоритъ Добролюбовъ, то сильнѣе всѣхъ возсталъ онъ на употребленіе французскихъ фразъ въ русскомъ разговорѣ, на французское воспитаніе и на обольщеніе одною внѣшностью образованія; первый онъ заговорилъ съ такой энергіей о человѣколюбіи и объ уваженіи достоинства человѣка, осмѣивая жестокость, грубость, презрѣніе къ человѣчеству. Немного предшественниковъ имѣлъ онъ и въ нападеніяхъ своихъ на женскій развратъ и безумную расточительность» [145]).

Приведемъ теперь нѣсколько отзывовъ ученыхъ, признающихъ положительное значеніе сатиры Екатерининскаго времени.

Буличъ видитъ въ сатирѣ доказательство самосознанія общества: бытіе сатиры, говоритъ онъ, показывало, что «общество начинаетъ сознавать себя, что въ немъ послѣ переходной эпохи начинается иная жизнь, полная духовныхъ и нравственныхъ стремленій» [146]). Положительное значеніе сатиры Екатерининскаго времени признаетъ и Аѳанасьевъ; онъ ставитъ ей въ заслугу «защиту просвѣщенія, борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, открытую и мѣткую насмѣшку надъ нравственными общественными недугами» [147]).

Признаетъ несомнѣнное значеніе сатирической журналистики и Пыпинъ. По его мнѣнію, такъ-называемые сатирическіе журналы 1769—1774 г.г. вмѣстѣ съ «Бригадиромъ» Фонъ-Визина «были самыми важными литературными фактами изъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины» [148]); въ этихъ журналахъ, по его мнѣнію, находились тѣ начала, которыя потомъ развились въ «Живописцѣ», «Зрителѣ», журналахъ Крылова; они «характеризуютъ современное общество и его понятія» [149]). «Была здѣсь, говоритъ онъ, и другая сторона, любопытная для публики: ее вводили въ тогдашній литературный міръ съ разными его явленіями, съ его camaraderie, полемикой, сплетнями и т. д. Здѣсь открывалось обширное поприще для личностей, которыя могли быть понятны читателю: кружокъ писателей былъ не великъ и болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ» [150]).

---

143) *Добролюбовъ*, Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. Т. 1, стр. 7. (Спб., 1885).

144) Ib., 51. 145) Ib., 61. 146) *Буличъ*. Op. cit, 13. 147) *Аѳанасьевъ*. Op. cit, 1—2.

148) *Пыпинъ*, Исторія русской литературы, Спб., 1907, т. IV, 30.

149) *Пыпинъ*. Владиміръ Лукинъ. Отечественныя Записки. 1853, VIII, 62.

150) Ib., 63.

Высказался, правда, мимоходомъ, въ пользу положительнаго значенія сатиры Екатерининскаго времени и проф. Дашкевичъ. Говоря о Пушкинѣ, какъ сатирикѣ, онъ замѣчаетъ: «Въ его... стихахъ постоянно прославлялась «свобода», и Пушкинъ продолжалъ подвизаться на поприщѣ не только личной, но и той общественной сатиры, которая была такъ спасительна для насъ, начиная со временъ Кантеміра и въ особенности со временъ Екатерины» [151]).

По нашему мнѣнію, нельзя, конечно, отрицать извѣстнаго значенія «сатирической» журналистики для послѣдующей литературы, какъ нельзя отрицать и нѣкотораго воспитательнаго значенія на общество того времени. То же нужно сказать, конечно, и о «В. В.». Говоря о ней, необходимо только еще помнить, что ея появленіе вызвало къ жизни цѣлый рядъ другихъ журналовъ и тѣмъ способствовало постановкѣ и рѣшенію нѣкоторыхъ, имѣющихъ общественный интересъ, вопросовъ.

---

[151]) *Дашкевичъ*, А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, 91. (Памяти Пушкина. Научно-популярный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Имп. унив. св. Владиміра. Кіевъ, 1899).

ГЛАВА V.

Имѣя въ виду въ настоящей главѣ показать, что сатира «В. В.» имѣла въ свое время жизненное значеніе, что для своихъ предметовъ она имѣла въ тогдашней русской дѣйствительности немало оригиналовъ, и что она брала изъ «Spectator'a» въ большинствѣ случаевъ только то, что подходило къ условіямъ и русской жизни, почему по «В. В.» можно составить себѣ представленіе о бытѣ русскихъ того времени,—мы должны оговориться, что рисовать общаго очерка быта русскаго общества того времени мы не будемъ. Съ насъ будетъ вполнѣ достаточно,если мы, на основаніи источниковъ, преимущественно записокъ современниковъ, покажемъ, что въ тогдашней русской дѣйствительности находились нерѣдко оригиналы для сатиры.

Что сатира такъ-называемыхъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени имѣла жизненное значеніе—это вопросъ, можно сказать, если и не рѣшенный наукою для всѣхъ журналовъ, то молчаливо ею признаваемый. Тоже приходится говорить и о сатирѣ «В. В.»: вѣдь предметы ея сатиры не отличаются значительно отъ предметовъ сатиры другихъ подобныхъ же журналовъ того времени. Невольно приходится вспоминать въ данномъ случаѣ слова Добролюбова, сказанныя имъ по поводу жизненности сатиры другого журнала Екатерининскаго времени («Собесѣдника»): «Да помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшенное» [152]). Однако ссылаться на одинъ отзывъ Добролюбова, конечно, недостаточно; приходится провѣрять, какъ его, такъ и вообще общераспространенное мнѣніе о соотвѣтствіи дѣйствительности сатиры журналовъ Екатерининскаго времени; и это тѣмъ болѣе необходимо по отношенію къ сатирѣ «В. В.», что опыта доказать жизненность ея сатиры не было, а между тѣмъ Солнцевъ въ своей статьѣ заподозрилъ національность и современность сатиры «В. В.», отмѣтивъ только главнымъ образомъ подражательность предметовъ сатиры «В. В.» (см. его 4 выводъ), и не подчеркнулъ, что если «В. В.» и заимствовала нѣкоторые предметы сатиры изъ «Spectator'a», то во всякомъ случаѣ это заимствованіе было по-

---

152) *Добролюбовъ*, Отвѣтъ на замѣчанія г. А. Галахова (по поводу статьи «Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова»). Т. I, 94. (Спб., 1885).

нятно: въ русской жизни того времени можно было тоже часто найти такія явленія, которыя могли служить предметами сатиры. Вслѣдствіе этого даже заимствованныя статьи изъ «Spectator'а» нерѣдко можно признать за вполнѣ оригинальныя: такъ ярко онѣ обрисовываютъ явленія, казалось бы, русской жизни.

Въ русской научной литературѣ уже давно признавалось, что картины русской жизни, нарисованныя «В. В.», очень точно воспроизводятъ современную ей дѣйствительность. Вслѣдствіе этого «В. В.» признавалась однимъ изъ источниковъ при возсозданіи русскаго быта Екатерининскаго времени.

Такъ смотрятъ Аѳанасьевъ, Буличъ, Галаховъ, Добролюбовъ. Но если русскими учеными и публицистами и признавалось, что «В. В.» довольно точно воспроизводила современную ей дѣйствительность, то попытки обосновать эти взгляды у нашихъ историковъ литературы не было. Сдѣлать это по отношенію ко «В. В.» мы и попытаемся въ данной главѣ нашей работы. Само собой разумѣется, что намъ придется остановиться только на главныхъ предметахъ сатиры «В. В.»: на воспитаніи и образованіи (домашнее образованіе и воспитаніе, учитель), на семейной жизни, общественной нравственности, одностороннемъ подражаніи европейской культурѣ, щегольствѣ, недостаткахъ русскаго приказнаго строя (взяточничество, лихоимство, судейская волокита)—и только отчасти остановиться на другихъ предметахъ сатиры «В. В.» и другихъ сторонахъ тогдашней русской дѣйствительности.

«В. В.», какъ мы отмѣчали, съ особой энергіей ратовала за улучшеніе воспитанія и образованія. Она постоянно указываетъ на важность воспитанія, оказываетъ ему большее предпочтеніе предъ образованіемъ, подчеркиваетъ и необходимость послѣдняго... Что въ данномъ случаѣ «В. В.» касалась наболѣвшаго, можно сказать, вопроса своего времени, видно изъ того, что важность образованія и воспитанія считало необходимымъ подчеркнуть и законодательство. «Съ давняго уже времени, читаемъ мы въ указѣ «о воспитаніи юношества обоего пола», имѣетъ Россія академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества (за границу) для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существенныхъ отъ того плодовъ собрано... Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своихъ лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. Посему явно, что корень всему злу и добру—воспитаніе [153]).«В. В.» неоднократно рисовала и осмѣивала неумѣлое веденіе воспитанія и образованія въ то время; она указывала,

---

[153]) Полное собраніе законовъ, Спб., 1830, т. XVI, 669.

какъ вредно воспитывать дѣтей, относясь къ нимъ или крайне сурово, или же крайне снисходительно. Подобное отношеніе къ дѣтямъ, довольно характерное и вообще въ жизни, рѣзко выдѣлялось и въ тогдашней дѣйствительности. Вотъ какъ, напр., Чечулинъ характеризуетъ тогдашнее воспитаніе: «Воспитаніе велось или слишкомъ снисходительно къ дѣтямъ, имъ «давалось слишкомъ много вольности, не употреблялось противъ нихъ ни малѣйшей строгости» [154]), или же дѣтей воспитывали въ чрезмѣрной строгости, наказывали розгами, придерживаясь того взгляда, что «дѣти, воспитанныя въ строгости, болѣе наклонны будутъ къ добру» [155]).

Что данная характеристика Чечулина вѣрна, и что, слѣдовательно, картинки, нарисованныя «В. В.» и изображающія подобное же воспитаніе и образованіе, отвѣчаютъ тогдашней дѣйствительности, можно въ доказательство сослаться на записки Болотова. Онъ также отмѣчаетъ, какъ одни родители баловали своихъ дѣтей, нѣжили ихъ, другіе слишкомъ строго и сурово относились къ нимъ. Онъ жалуется, что мать въ дѣтствѣ «нѣжила» [156]) его, чѣмъ способствовала укорененію въ немъ многихъ худыхъ привычекъ; отмѣчаетъ изнѣженность и избалованность одного изъ своихъ племянниковъ, изъ котораго получился «превеликій лѣнивецъ» [157]).

Приводитъ Болотовъ примѣръ и слишкомъ строгаго воспитанія дѣтей, которое тоже даетъ одни отрицательные результаты. Вотъ образъ нарисованнаго имъ Никиты Матвѣевича Болотова: Отецъ его былъ своенравнаго и страшнаго характера, воспитывалъ своего сына «слишкомъ строго и какъ-то не на людяхъ, отчего и сдѣлался онъ уже съ самаго младенчества дикъ» [158]). Въ юности онъ учился безъ присмотра въ Московскомъ университетѣ, позднѣе поступилъ въ гвардію. Послѣ смерти своего отца, онъ, получивъ наслѣдство, уѣхалъ въ деревню, здѣсь попалъ въ компанію къ своимъ двоюроднымъ братьямъ Елагинымъ и «впалъ въ пьянство, мотовство и распутство и производилъ въ домѣ такія дѣла, о которыхъ я, не хотя посрамить его памяти, умолчать долженъ» [159]). Возвратясь въ Петербургъ, онъ проводилъ «свою прежнюю безпорядочную жизнь» [160]): сдружился здѣсь «съ такими-жъ негодяями, которые довели его, наконецъ, до совершенной пагубы. Онъ впалъ въ превеликіе долги и за все то битъ былъ не на животъ, а на смерть» [161]). Умеръ глупою смертью: чтобы не итти въ полкъ—выпилъ стаканъ конопляннаго масла, что и послужило причиною смерти.

Намъ уже извѣстны типы учителей и гувернеровъ съ гувернантками, которые дала «В. В.». Типы, можно сказать, карикатурные, и однако жизненные. Люди того времени, оставившіе намъ свои записки о современной имъ русской жизни, тоже рисуютъ именно такіе портреты учителей и гувернеровъ. Вотъ, напр., три учителя Болотова, отецъ котораго былъ командиромъ полка, слѣдовательно, со средствами и болѣе или ме-

---

[154]) *Чечулинъ*, Op. cit, IV, 260. [155]) Ib., 260.

[156]) *Болотовъ*. Op. cit, т. I, 33.

[157]) Ib., т. I, 975. [158]) Ib., т. III, 130. [159]) Ib., т. III, 131. [160]) Ibid. [161]) Ibid.

нѣе образованный человѣкъ. Одинъ учитель—унтеръ-офицеръ, нѣмецъ служилъ въ томъ полку, которымъ командовалъ отецъ Болотова; послѣднему унтеръ-офицеръ показался достаточно образованнымъ, и онъ взялъ его въ учителя для своего сына. Болотовъ характеризуетъ своего учителя строптивымъ, своенравнымъ, знающимъ только ариѳметику и нѣмецкій языкъ; отмѣчаетъ Болотовъ, что онъ сѣкъ его немилосерднымъ образомъ [162]). Вотъ другой его учитель, въ Москвѣ—учитель-французъ, который не зналъ ни одного слова по-русски, мало понималъ нѣмецкій языкъ; все обученіе съ нимъ, по характеристикѣ Болотова, состояло только въ томъ, что онъ заставлялъ своего ученика переписывать статьи изъ большого французскаго словаря [163]). А вотъ и третій: старичекъ, взятый обучить Болотова языкамъ; учитель плохо зналъ ихъ, къ тому же любилъ выпивать [164]).

Эти учителя Болотова, чухонецъ, выдававшій себя за француза и научившій своихъ учениковъ своему родному, а не французскому языку [165]), Савояръ, учитель Ив. В. Лопухина, не знавшій правилъ языка [166])— таковы были нерѣдко учителя того времени.

Французъ Мессельеръ тоже былъ пораженъ, «когда увидѣлъ, что многихъ знатныхъ русскихъ дѣтей воспитываютъ бѣглецы изъ Франціи, банкруты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ передѣлкѣ у парижской полиціи» [167]).

Наконецъ въ указѣ 1755 г. объ открытіи Московскаго университета, между прочимъ, говорилось: «Иные (родители), не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали» [168]).

Неудивительно, конечно, что при неумѣломъ домашнемъ, родительскомъ воспитаніи, попавъ потомъ въ руки никуда негодныхъ учителей, изъ русскихъ юношей вырабатывался невѣжда, щеголь, мотъ, кутила-помѣщикъ.

Плохо шло воспитаніе и образованіе юношей; не лучше обстояло дѣло съ воспитаніемъ и образованіемъ дѣвушекъ. «Все ученіе въ наше время, разсказываетъ бабушка, состояло въ томъ, чтобъ умѣть читать, да кое-какъ писать, и много было очень знатныхъ и большихъ барынь, которыя кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, подписывали свое имя каракулями»[169]). Да и Чечулинъ разсказываетъ, что подыскать дѣвушку-охотницу читать, интересующуюся, любознательную было почти невозможно [170]).

Намъ уже извѣстно, каковой изображала «В. В.» семейную жизнь. Отсутствіе супружеской любви, предосудительность ея, легкое отноше-

---

162) Ib., т. I, 60—67. 163) Ib., т. I, 183—184. 164) Ib., т. I, 258—260.
165) *С. Порошинъ*, Записки. Спб. 1844, 256.
166) *Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, т. I, 275.
167) Ib., т. I, 276. 168) П. С. З., т. XIV, 288.
169) *Разсказы Бабушки*. Русскій Вѣстникъ, 1878, IV, 719.
170) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 251.

ніе мужа и жены къ своимъ супружескимъ обязанностямъ—такова въ общемъ характеристика «В. В.» современной ей семейной жизни.

Слѣдующіе отзывы о семейной жизни того времени служатъ доказательствомъ, что «В. В.» могла наблюдать подобное отношеніе со стороны супруговъ къ семейной жизни.

Князь и княгиня Вяземскіе, по словамъ Державина, «знали модное искусство давать другъ другу свободу» [171]). О такомъ характерѣ семейной жизни свидѣтельствуетъ и Порошинъ. Въ своемъ дневникѣ, подъ 4 авг. 1765 г., онъ пишетъ: «За столомъ рѣчь была о мужьяхъ и женахъ. Говорили мы о брачномъ состояніи. Сказывалъ я Его Высочеству про одного человѣка, о которомъ зналъ, что весьма хорошо жилъ съ своею женою, любили другъ друга и угождали другъ другу, какъ бы самые страстные любовники. Говорили тутъ, что такая горячность весьма рѣдка нынѣ между мужемъ и женою» [172]).

Вотъ еще два живыхъ примѣра. Вотъ жена А. Данилова, встрѣтившая своего мужа послѣ его служебной поѣздки въ Глуховъ выговоромъ, что онъ скоро возвратился домой. «Видно ей не было скучно и безъ него» [173])-- добавляетъ Даниловъ. А вотъ госпожа Стахѣева, которую Болотовъ характеризуетъ «сущей шлюхой» [174]).

Ненормальности семейной жизни, разумѣется, могли имѣть только отрицательное вліяніе на дѣтей, въ частности на дѣвушекъ-невѣстъ: онѣ видѣли худые примѣры для своей нравственности. Неудивительно, что онѣ заражались общей нездоровой нравственной атмосферой семейной жизни. Вотъ, напр., двѣ дочери г-на Маркова, который «имѣлъ у себя двухъ большихъ и весьма вольнаго поведенія дочерей, изъ которыхъ меньшая была на лицо очень недурна» [175]), почему Давыдову, командиру императорскихъ волостей въ Богородицкѣ, увидѣвшему ихъ, «хотѣлось... и въ нихъ испытать поискать своего счастья» [176]). Немудрено, что даже въ провинціи трудно было сыскать любознательную и нравственно-чистую дѣвушку; Болотовъ, напр., долго не могъ подыскать себѣ подходящей невѣсты; да и изъ кого было производить выборъ, когда, по словамъ сестры Болотова, знавшей хорошо дѣвушекъ въ округѣ, «иная слишкомъ ужъ бѣдна, иная, хотя и съ достаткомъ, но нравовъ и обычаевъ такихъ, что и сама-бъ я не присовѣтывала бы тебѣ на нихъ жениться. Пропади онѣ совсѣмъ» [177]).

Франтовство, щегольство является, какъ извѣстно, тоже однимъ изъ главныхъ предметовъ сатиры «В. В.». Послѣдняя не даромъ осмѣивала его: въ тогдашней русской жизни щегольство рѣзко бросалось въ

---

[171]) *Дубровинъ*, Op cit., I, 285. [172]) *С. Порошинъ*, Op. cit., 353.

[173]) Записки артиллеріи-маіора Михаила Васильева Данилова, записанныя имъ въ 1771 г. Москва, 1842 г., стр. 51.

[174]) *Болотовъ*. Op. cit., II, 672.

[145]) *Болотовъ*, Op. cit., IV, 178.

[176]) *Болотовъ*, Op. cit., IV, 178.

[177]) *Болотовъ*, Op. cit., II, 284.

глаза; его можно было наблюдать не только у дворянъ не служившихъ, но и у чиновниковъ, военныхъ, даже духовныхъ. Епископъ, напр., Сѣвскій Кириллъ Флоринскій, явившійся къ своей паствѣ въ 1768 г., какъ «видѣвшій большой парижскій свѣтъ, приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пуклями, подъ пудрою» [178]). И это приказаніе епископа исполнялось. Правда, между духовными подобные примѣры были рѣдки, но примѣръ все же характеренъ: вѣдь моды, щегольство среди русскихъ XVIII в. тоже шли изъ Франціи.

Чиновничество тоже было не прочь щегольнуть. Добрынинъ, напр., отмѣчаетъ, что чиновники Могилева и ихъ супруги постоянно давали порученія, при случаѣ, привести имъ изъ Петербурга «суконъ, шелковыхъ матерій, пудры, помады, тросточекъ, какія въ употребленіи въ Петербургѣ у первыхъ щеголей и щеголихъ» [179]).

Можно отмѣтить, конечно и нѣкоторыхъ щеголей. Вотъ Яковъ Ив. Олинъ. Онъ, по словамъ Болотова, «велъ себя не только отмѣнно чисто, но въ скоромъ времени сдѣлался у насъ почти первымъ щеголемъ, и смѣшнымъ и несноснымъ петиметромъ. Будучи собою недуренъ, возмечталъ онъ о себѣ, что онъ великій красавецъ, и сталъ не только проживаться совсѣмъ на уборы и щегольство, но... и вздумалъ высокомѣриться собою и почитать себя и умнѣе всѣхъ на свѣтѣ» [180]). Вотъ Николай Семеновичъ Ванюковъ, «славный козловскій щеголь», котораго въ Козловѣ звали «маркизомъ-де-Кураемъ» [181]).

Женщины, разумѣется, были еще болѣе наклонны къ щегольству, нежели мужчины. Укажемъ хоть одинъ примѣръ. Вотъ, напр., тетка Болотова, Екатерина Петровна; она была «барыня молодая и модная и великая щеголиха» [182]). Отъ дамъ въ этомъ отношеніи не отставали и дѣвушки. «Болотовъ, говоритъ Чечулинъ, въ своей «Дѣтской философіи», которая, очевидно, заключаетъ въ себѣ портреты его знакомыхъ, выводитъ и такую дѣвушку, и, вѣроятно, его описаніе близко къ дѣйствительности именно потому, что онъ не пытался создать типа въ литературной формѣ. По его изображенію, такія барышни постоянно скачутъ, вертятся, напѣваютъ модныя пѣсенки, только и говорятъ, что про наряды, смѣются, дѣвушкамъ скромнымъ и учащимся говорятъ, что если бы вздумали родители хоть одну зиму не повезти ихъ въ Москву, то онѣ ѣсть бы не стали, слегли бы въ постель, а заставили бы туда ѣхать; имъ все равно, чего бы ни стоили модные наряды, мать должна ихъ доставать, собирая деньги съ крестьянъ, хоть бы тѣ переколѣли» [183]).

Разумѣется, въ большомъ ходу были румяна, бѣлила, мушки и т. д. Вотъ два, три примѣра.

---

[178]) *Добрынинъ*, Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина. Спб., 1872 стр. 21.

[179]) Ib., 251. [180]) *Болотовъ*, Op. cit., I, 939—940. [181]) Ib., IV, 504. [182]) Ib., I, 279.

[183]) *Чечулинъ*, Op. cit., V, 65.

Вотъ Екат. Влад. Апраксина, продолжавшая «по прежней привычкѣ... густо румяниться» [184]).

Вотъ двѣ сестры: Анна Ивановна и Марія Ивановна Мамонтовы. «Анна Ивановна была смугла лицомъ и только румянилась потому, что безъ этого нельзя было обойтись въ то время, но не бѣлилась; а Марія Ивановна была лицомъ бѣла и однако румянилась и бѣлилась. Тогда бѣлиться не считалось предосудительнымъ, но и не требовалось, какъ необходимость, а румяниться должны были всѣ. Помню, что однажды я пріѣхала въ собраніе, прошла прямо въ туалетную и остановилась передъ зеркаломъ поправить свои волосы. Предо мною стоитъ одна Грязнова и румянитъ свои щеки. Одинъ баринъ, стоявшій среди насъ, и подходитъ къ ней и говоритъ: «Позвольте, сударыня, вамъ замѣтить, что лѣвая щека у васъ больше парумянена». Она поблагодарила и подрумянила и правую щеку. Теперь румянятся потихоньку, а тогда это составляло необходимое условіе, чтобы явиться въ люди» [185]).

Наконецъ, достаточно посмотрѣть на рисунки, приводимые въ исторіи Брикнера, чтобы убѣдиться, что въ своихъ нападкахъ на щеголей и щеголихъ «В. В.» исходила отъ жизни. Правда, приведенные образцы модъ отнесены къ 1779 г., но и эти моды достаточно показательны: «Счастливый щеголь», «щеголиха на гуляньи», прически, взбитыя на нѣсколько вершковъ вверхъ, «раскрытыя прелести», «прелестная простота»—все это при одномъ взглядѣ на нихъ заставляетъ сейчасъ же вспоминать нападки и осмѣяніе модъ «В. В.» [186]).

Щегольство, мотовство, карточная игра требовали, конечно, большихъ расходовъ, и вотъ щеголи и щеголихи «проматываютъ» иногда свои состоянія, входятъ въ долги. Въ тогдашней русской дѣйствительности можно было встрѣтить не одинъ примѣръ мотовства.

Болотовъ однажды въ своихъ «Запискахъ» [187]) приписалъ мотовство всей Москвѣ; вотъ цѣлая компанія «тамошнихъ оберъ-мотовъ» [188]): Жихарева, Рахманова, Иванова и другихъ, а вотъ еще одинъ, Степанъ Ивановичъ Вельяминовъ, который, по словамъ Болотова, имѣлъ только двѣ способности: «ѣздить и гайкать съ собаками, да играть въ карты и мотать, а больше ничего» [189]). Очень характернымъ въ данномъ случаѣ является также вопросъ Елизаветы Михайловны Еропкиной, услышавшей однажды отъ своей сосѣдки, что у ея сына пропало 5000 руб. казенныхъ денегъ: «Да что твой сынъ-то, мать моя, не мотишка-ли, или, можетъ статься, не въ карты ли онъ проигралъ»? [190]). Не менѣе характернымъ является также то обстоятельство, что помѣщикъ Собакинъ, богатый, бездѣтный, но имѣющій родного племянника, не хочетъ ему оставлять наслѣдства: «Мерзавецъ, мотишка, ждетъ моей смерти. Ничего ему не оставлю» [191]).

---

[184]) Разсказы Бабушки, V, 407. [185]) Ib., IV, 739.

[186]) Исторія Екатерины II, Спб., 1885, стр. 711 и 714.

[187]) *Болотовъ*, Op. cit., IV, 259. [188]) Ib., IV, 420. [189]) Ib., IV, 304.

[190]) Разсказы Бабушки. III, 359. [191]) Ib., III, 360.

Интересный и живой образъ щеголя и мота рисуетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ: «Будучи сыномъ сенатскаго секретаря, наслѣдоналъ онъ послѣ отца великое имѣніе, и не только многія тысячи денегъ, нажитыя такъ, какъ секретари наживаютъ, но и прекрасныя деревни. Со всѣмъ тѣмъ, всего того ненадолго сыну его стало. Молодому сему человѣку возмечталось, что никого его богатѣе и никого знатнѣе нѣтъ. Онъ восхотѣлъ удивить всю Москву непомѣрнымъ своимъ щегольствомъ и пышностью выѣздовъ. Карета была не карета, и цугъ не цугъ. Всему надлежало быть выписному, всему богатому, всему несравненному. Что касается до его гардероба, то съ платьемъ его не знали, куда дѣваться, а чулки и башмаки всякій день надобны были перемѣнные. Рубахи и манжеты выписныя. Словомъ онъ восхотѣлъ себя вести не такъ, какъ приличествовало оберъ-секретарскому сыну и полудворянину, но какъ французскому дюку, или принцу крови. А за то и прожилъ онъ все отцовское богатство очень скоро. А какъ того стало уже мало, то вошелъ онъ въ долги, и столь великіе, что уплатить ихъ не было никакой возможности. Въ сей-то крайности восхотѣлъ онъ помочь себѣ заведеніемъ винокуреннаго завода и продажею беззаконною вина. Но и симъ онъ себѣ нимало не помогъ, а разорилъ только крестьянъ и перевелъ лѣса всѣ. А, наконецъ, окончивъ жизнь, оставилъ уплачивать долги свои малолѣтнему сыну» [192]).

А вотъ и женщина, любительница мотать—Евдокія Андреевна Болотова; она, будучи въ столицѣ, «накупила себѣ на жениховы денежки нарядовъ болѣе, нежели на полторы тысячи» [193]).

Что касается частной жизни помѣщиковъ, которую нерѣдко «В. В.» описываетъ такими непригляднымн красками, то дѣйствительность въ этомъ отношеніи давала много подходящаго матеріала. Деревенская жизнь русскихъ помѣщиковъ XVIII в., дѣйствительно, отличалась слишкомъ многими отрицательными сторонами. Ихъ умственные интересы были крайне ограничены, и неудивительно, что въ научной литературѣ относительно быта русскаго дворянства нерѣдко слышатся слишкомъ пессимистическіе отзывы. Воспользуемся въ данномъ случаѣ слѣдующимъ отзывомъ Чечулина: «Г. Семевскій прямо говоритъ, что дворяне въ умственномъ отношеніи были не выше своихъ крестьянъ; г. Незеленовъ называетъ XVIII в. вѣкомъ поразительнаго невѣжества; г. Дубровинъ отрицаетъ всякіе умственные интересы въ дворянствѣ, видя въ ихъ жизни лишь волокитство, сплетни да стремленіе хорошенько поѣсть и выпить» [194]). Чечулинъ не соглашается съ такими отзывами относительно умственнаго и нравственнаго состоянія дворянства; онъ признаетъ, что до Семилѣтней войны (1756—1763) «умственное развитіе большинства дворянъ было, дѣйствительно, очень не высоко и не широко» [195]). Но къ концу вѣка въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, замѣчается значительный шагъ впередъ.

И дѣйствительно, непригладность жизни русскаго помѣщика того

---

[192]) *Болотовъ*, Op. cit., IV, 956. [193]) Ib. II, 834.
[194]) *Чечулинъ*. Op. cit., VI, 272. [195]) Ib., VI) 272. [195]) Ib. VI, 272.

времени бросается въ глаза при чтеніи записокъ современниковъ, напр., Болотова.

Вотъ нѣсколько русскихъ помѣщиковъ, любившихъ выпить, поиграть въ карты, позабавиться охотой: Михаилъ Матвѣевичъ Болотовъ, Осипъ Васильевичъ Гурьевъ, Лыковъ, Селивановъ, Давыдовъ, Іевскій, Власовъ, Бутурлинъ [196]); вотъ Гавріилъ Матвѣевичъ Болотовъ, который «погубилъ себя безмѣрною своей невоздержанностью въ питьѣ» [197]); вотъ Александръ Гавриловичъ Шишковъ, который «подверженъ былъ... бѣдственнымъ страстямъ: игранью въ карты и къ псовой охотѣ» [198]); вотъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ, «буянъ, игрокъ, богачъ» [199]).

Въ карточной игрѣ, какъ отмѣчаетъ Болотовъ, принимали участіе не одни только мужчины, но и женщины [200]).

Въ карты играли нерѣдко и у Болотова, и послѣдній самъ иногда не прочь былъ принять участіе въ этой игрѣ; въ своемъ домѣ онъ вводилъ даже иностранныя игры, для чего ему приходилось переводить съ иностранныхъ языковъ условія игры и знакомить своихъ знакомыхъ съ заграничными играми [201]). Карточную игру отмѣчаетъ и Чечулинъ [202]), Добрынинъ [203]). Насколько сильно она была распространена въ то время, видно изъ того, что Екатерина въ одномъ изъ своихъ указовъ Сенату указывала на неумѣренность этой игры и отмѣчала, что эта игра способствуетъ разоренію старыхъ дворянскихъ имѣній [204]).

Неудивительно, что такіе люди, какъ Болотовъ, съ грустью смотрѣли на тогдашнюю жизнь русскихъ помѣщиковъ и сожалѣли, что вниманіе и интересы ихъ направлены не въ надлежащую сторону [205]).

Переходя теперь къ недостаткамъ русскаго приказнаго строя того времени (взяточничество, лихоимство, судейская волокита), на которые указывала сатира «В. В.», необходимо отмѣтить, что эти стороны тогдашней дѣйствительности были такимъ обычнымъ явленіемъ и считались такими несомнѣнными сторонами тогдашняго времени, что какъ-то странно браться за доказательство этого. Однако, чтобы не оставаться голословнымъ, придется указать нѣсколько примѣровъ взяточничества.

Послѣднее было въ то время очень широко развито: взятки брали архіереи, брали военные, брали воеводы, брали, разумѣется, и чиновники, засѣдавшіе въ разныхъ приказахъ, судейскихъ учрежденіяхъ и т. д. Бралъ, напр., взятки еп. сѣвскій Кириллъ Флоринскій, который былъ обвиненъ Синодомъ во взяточничествѣ и который, посылая въ Св. Синодъ свои объясненія по поводу этого обвиненія, не забылъ переслать Челышеву, оберъ-

---

[196]) *Болотовъ*. Op. cit., III, 43; IV, 93; II, 369; II, 884; II, 890; II, 1058; II, 348—349 III, 853—854; II, 100.

[197]) Ib., III, 897. [198]) Ib , IV, 1295 (ср. III, 666). [199]) Ib., IV, 839.

[200]) Ib., I, 57; I, 207; II, 705; III, 8; IV, 61. [201]) Ib., II, 661—662.

[202]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 248.

[203]) *Добрынинъ*. Op. cit., 97.

[204]) П. С. З., т. XVI, стр. 310.

[205]) *Болотовъ*. Op. cit., II, 1058.

прокурору Св. Синода, подарокъ [206]). Бралъ взятки и тамбовскій архіерей, который иногда употреблялъ и насиліе, если было трудно съ какого-нибудь духовнаго лица безъ этого получить взятку.

Взятки брали въ войскахъ. Вотъ г-нъ Надельферъ [207]), который и самъ и чрезъ жену свою бралъ взятки; по крайней мѣрѣ жена его получила 1000 руб., чтобы по освидѣтельствованіи больного назначенная комиссія признала его дѣйствительно больнымъ. Кромѣ того по свидѣтельству г.-л. П. Ив. Боборыкина, [208]) высшіе чины въ полкахъ могли свободно класть себѣ въ карманы такъ называемыя экономическія деньги и обогащаться такимъ образомъ; можно было также обогащаться (и обогащались) около производства унтеръ-офицеровъ и сержантовъ въ поручики и капитаны. Разумѣется, и здѣсь брали не одни главно-начальствующіе: обычно брали всѣ, кому можно было взять. Вотъ, напр., поручикъ Мих. Емельян. Непейцинъ, заготовлявшій для войска въ Польшѣ провіантъ: «онъ имѣлъ чрезъ то случай поналшвиться и вывезть съ собой и деньжонокъ и всего прочаго довольно» [209]).

Вотъ еще два штриха изъ военной жизни:

Зять Болотова, возвращаясь изъ отпуска въ полкъ, захватываетъ съ собой подарки для полковника, а также и для поручика Зеллера, сильнаго человѣка при полковникѣ, такъ какъ его супруга живетъ съ полковникомъ; а вотъ и сама эта г-жа Зеллеръ, которая настаиваетъ иногда предъ полковникомъ, чтобы онъ безъ вѣдома главной конторы и явно незаконно, такимъ образомъ, давалъ отпускъ нѣкоторымъ своимъ подчиненнымъ [210]).

Вотъ рядъ тамбовскихъ воеводъ, завѣдомыхъ взяточниковъ, о которыхъ даетъ свѣдѣнія Болотовъ. Воевода Коломнинъ, до того вошедшій во вкусъ взятокъ, что даже при самой своей смерти не давалъ своей подписи подъ одной «квитанціей», требуя, чтобы была сначала дана взятка [211]); воевода Масаловъ, очень находчивый человѣкъ во взяткахъ, наживавшійся особенно при рекрутскихъ наборахъ [212]); воевода Бабкинъ, бравшій большія взятки съ богатыхъ однодворцевъ [213]); воевода Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, завѣдомое корыстолюбіе котораго, по словамъ Болотова, было извѣстно Екатеринѣ II, которая, зная это, послала ему (передаетъ Болотовъ дошедшіе до него слухи) кошель [214]).. Общеизвѣстно также, какъ хотѣла однажды Екатерина II наградить Державина, назначивши его на такое мѣсто, которое сулило ему много «безгрѣшныхъ» доходовъ.

Давыдовъ, командиръ императорскихъ волостей въ Богородицкѣ, не прочь былъ получать побочные доходы: онъ очень старался о томъ, чтобы изъ доходовъ отъ имѣній Государыни выдѣлялась нѣкоторая часть, которая

---

[206]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что Челышевъ отказался отъ подарка. Добрынинъ Op. cit., 77.

[207]) *Даниловъ*. Op. cit., 108—109.

[208]) *Добрынинъ*. Op. cit, 323—324.

[209]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 611.

[210]) Ib., I, 274—275. [211]) Ib., II, 726.

[212]) Ib., II, 726—727. [213]) Ib., II, 727. [214]) Ib., III, 892.

подъ названіемъ экономической суммы, поступала бы въ полное его распоряженіе [215]). Вотъ г. Уваровъ, ассесоръ Тульской казенной палаты, безпардонно и явно обирающій казну: нанимаетъ извозчиковъ перевести вино по 35 к. съ ведра, а съ казны получаетъ по 1 р. 10 к. [216]).

Взятки бралъ Добрынинъ, въ бытность свою въ Сѣвской епархіи письмоводителемъ при «Ставленической Конторѣ», при поѣздкахъ вмѣстѣ съ епископомъ по епархіи; онъ же получалъ позднѣе, въ бытность чиновникомъ въ Витебскѣ, взятки отъ графа Аугсберга (натурой — виномъ и деньгами). И характерно, что Добрынинъ, напр., иногда не считаетъ предосудительнымъ брать взятки: онъ боится, какъ бы надъ нимъ не посмѣялись другіе, что онъ, занимая доходное мѣстечко, не умѣетъ извлечь изъ него всѣхъ его выгодныхъ сторонъ [217]). Можно, значитъ, судить, какъ общераспространенъ былъ взглядъ чуть ли не на законность взятки.

Болотовъ давалъ иногда взятки [218]). Въ большой степени практиковалось взяточничество въ связи съ производствомъ въ то время межеванія. Вотъ небольшая группа межевщиковъ: Лыковъ [219]), Рудинъ [220]), Окороковъ [221]), умѣло использовавшихъ выгоды своего положенія. Не даромъ же Болотовъ характеризуетъ въ своихъ запискахъ 1770 годъ «достопамятнымъ... межеваньемъ всѣхъ владѣній моихъ... и бывшими при этомъ многими хлопотами и волокитами» [222]).

При помощи взятокъ продавали и покупали чины. Щербатовъ, напр., въ своемъ сочиненіи: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» отмѣчаетъ, что Лукинъ, Прокофій Лукинъ, Ѳалѣевъ покупали себѣ чины [223]). Въ военной коллегіи чины раздавали тоже свободно; графъ Безбородко и В. С. Поповъ «раздавали мѣста чрезъ своихъ метрессъ» [224]); въ канцеляріяхъ военныхъ такъ же свободно раздавались ордена.

Добрынинъ не разъ отмѣчаетъ, какое большое вліяніе въ чинопроизводствѣ имѣлъ правитель канцеляріи могилевскаго губернатора Алѣевцевъ. Разумѣется, самымъ надежнымъ средствомъ расположить Алѣевцева въ свою пользу были взятки; приходилось давать не только ему, но и его слугѣ, хотя и взятки не всегда помогали: «Иной жаловался, что Алѣевцевъ много взялъ..., много выпилъ..., много обѣщалъ..., ничего не сдѣлалъ» [225]).

Въ сильной степени взяточничество было развито при судебныхъ разслѣдованіяхъ; взяточничество, лихоимство, судебная волокита — вотъ чѣмъ можно характеризовать тогдашнее судопроизводство. Не говоря уже о томъ, что ко взяткамъ прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было сомнительнымъ, или же вовсе не правымъ: взятки требовались и тогда, когда истецъ добивался вполнѣ законнаго. Вотъ одинъ наглядный примѣръ. Нѣкто Вас. Вас. Кирьяковъ, сосѣдъ по имѣнію матери Болотова, желая возвратить отъ нея свою крѣпостную, бѣглую дворовую бабу, вышедшую

---

[215]) ib, IV, 14; IV, 1108. [216]) Ib., IV, 236.

[217]) *Добрынинъ.* Op. cit., 35; 45—46; 155; 315; 303; 161; 177—178; 183.

[218]) Ib., IV, 430; IV, 436—437. [219]) Ib., II, 884. [220]) Ib., IV, 177, 187. [221]) Ib., III, 698. [222]) Ib., II, 1056.

[223]) *Дубровинъ.* Op. cit., I, 313. [224]) Ib., I, 313. [225]) Ib., I, 181; 161; 177—178.

замужъ за двороваго Болотовой, имѣлъ несомнѣнныя законныя права на эту бабу, и, однако, счелъ нужнымъ «закупить и задобрить» и воеводу, и подъячихъ; только въ такомъ случаѣ интересующее его дѣло было ускорено въ своемъ производствѣ. Правда оно потомъ нѣсколько остановилось, благодаря тому, что мать Болотова тоже дала воеводѣ и подъячимъ взятку, но тотъ далъ больше и выигралъ дѣло [226]).

Даже въ самомъ Сенатѣ происходила волокита. По крайней мѣрѣ Екатерина II въ своихъ указахъ Сенату подчеркивала иногда медленность производства дѣлъ (отъ 29 окт. 1763 г.), говорила, что въ немъ дѣла идутъ «не безволокитно для челобитчиковъ» (указъ отъ 28 ноября 1763) [227]).

Чуть не повсемѣстныя взятки дѣлаютъ понятнымъ, конечно, такой отзывъ Чечулина объ административныхъ органахъ того времени: «Единственые административные органы, находившіеся въ провинціи до 70-хъ годовъ — воеводскія или провинціальныя канцеляріи — не сосредоточивали въ себѣ, даже по тогдашнему, сколько-нибудь интеллигентовъ: только воеводы были изъ дворянъ, да и то преимущественно изъ мелкихъ и не пользовавшихся уваженіемъ своихъ собратій; приказные долгое время были всѣми презираемы за свою алчность, недобросовѣстность и грубость» [228]). А вотъ его другой отзывъ: «Прежніе (до введенія учрежденій о губерніяхъ) были въ глазахъ дворянъ «пьяницы и негодяи, заслуживающіе презрѣніе»; ихъ продажность, безчестность и безсовѣстность вызвали единодушное желаніе замѣны прежняго административнаго и, особенно, судебнаго порядка новымъ, съ участіемъ въ немъ дворянъ, высказавшееся въ комиссіи 1766». Екатерина принимала средства противъ злоупотребленій, назначила жалованье, вмѣсто «акциденцій». Стало меньше на первыхъ порахъ, но вскорѣ «взяточничество... снова усиливается» [229]); учеличиваются подачки и т. д.

Чтобы покончить съ вопросомъ о взяточничествѣ мы позволимъ себѣ привести указъ Екатерины II о лихоимствѣ, отъ 18 іюля 1762 г.:

«...А нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялося. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветъ, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами; напротивъ того: многіе судящіе, освѣщенное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего (sic), а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣ-

[226]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 166—167.
[227]) Цитируется по Дубровину, I, 320—321.
[228]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 243. [229]) Ib., V, 87.

лаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ... И самые малые судіи, управители и разные въ досмотрахъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не только за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ дѣлѣ во зло только ими истолкованныхъ и разоряя ихъ за то домы и имѣнія» [230]).

«В. В.» осмѣивала, какъ намъ извѣстно, суевѣрія, и однажды цѣлую статью посвятила имъ; правда, статья оказалась переведенною изъ «Spectator'a», но тѣмъ не менѣе она не теряетъ своего жизненнаго значенія: у русскаго человѣка вообще всегда замѣчалась наклонность къ суевѣріямъ; была она и въ эпоху Екатерины II, точно такъ же, какъ немало суевѣрій и въ настоящее время. Вотъ общій отзывъ Чечулина о суевѣріяхъ того времени: Они (русскіе) «боялись лѣшихъ, букъ, вѣрили всякимъ примѣтамъ, снамъ, гаданьямъ... иные носили съ собой разные корешки, каменья, обходили бумажки, попадавшіяся на полу или на землѣ, опасаясь, что можетъ быть, это нарочно кѣмъ-нибудь подброшенная бумажка съ наговоромъ, а тогда наступить на нее считалось опаснымъ; ходило множество самыхъ нелѣпыхъ, но всѣми почти принимаемыхъ за истину, разсказовъ о сестрахъ-лихорадкахъ, о чудесныхъ силахъ разныхъ травъ, о коровьей смерти, т.-е. чумѣ рогатаго скота, бѣгущей по полю въ видѣ бѣлой женщины и т. п.» [231]).

А вотъ нѣсколько примѣровъ суевѣрій изъ записокъ Болотова и бабушки. Сестра Болотова, чтобы не умирали у нея дѣти, прибѣгала къ такимъ средствамъ: «и образа-то по мѣркѣ съ рожденнаго писала, и четыре-то рождества на одной иконѣ изображала, и крестить-то заставляла первыхъ встрѣтившихся и прочее тому подобное» [232]). Суевѣрными были не только дворяне, крестьяне, но и духовенство. О. Илларіонъ, напр., не хочетъ себѣ строить дома, боясь, что его зложелатель о. Иванъ «наворожитъ» [233]); онъ же (о. Илларіонъ) убѣжденно разсказываетъ, какъ домашній скотъ не можетъ пройти черезъ ворота, въ вереяхъ которыхъ зарыта человѣческая кость [234]).

Изъ разсказовъ бабушки мы узнаемъ, что Щербатова († 1792) была очень суевѣрна: нитка, лежащая на полу, кругъ на пескѣ отъ лейки или ведра,—все это имѣло свое значеніе; она «подъ первое число каждаго мѣсяца ходила подслушивать у дверей дѣвичьей, и по тому, какое услышитъ слово, заключала, благополученъ ли будетъ мѣсяцъ или нѣтъ»... Она вѣрила колдовству, глазу, оборотнямъ, русалкамъ, лѣшимъ; думала, что можно испортить человѣка, и имѣла множество разныхъ примѣтъ, которыхъ теперь не упомню» [235]).

До сего времени мы обращали вниманіе на болѣе или менѣе крупныя бытовыя особенности начала Екатерининскаго царствованія, кото-

---

[230]) П. С. З., т. XVI, стр. 22.
[231]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 250.
[232]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 201.
[233]) Ib., II, 795. [234]) Ib., II, 795. [235]) Разсказы Бабушки, III, 363—364.

рыхъ коснулась сатира «В В.». Теперь же мы позволимъ себѣ остановиться вкратцѣ, конечно, на нѣкоторыхъ мелкихъ сторонахъ быта того времени, чтобы показать, что умѣньемъ подмѣчать слабыя стороны тогдашней дѣйствительности издатели и сотрудники «В. В.» во всякомъ случаѣ отличались, что вполнѣ опредѣленно отрицаетъ Солнцевъ. Частыя упоминанія «В. В.» о женщинахъ мелочныхъ, сварливыхъ, бранчливыхъ, во все вмѣшивающихся, любительницъ все пересуживать, иногда привѣтливыхъ со своими гостями и несносныхъ со своими домашними, любившихъ нерѣдко выпить,—объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти недостатки болѣе или менѣе свойственны вообще женщинамъ, да къ тому же въ то время они, пожалуй, съ особой рельефностью проявлялись. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Сухотина [236]), теща Михаила Матвѣевича Болотова [237]), самого автора записокъ [238]), обѣ любили выпить. А вотъ еще нѣсколько оригиналовъ: Г-жа Крюкова, имѣвшая непреоборимую склонность «къ пересмѣханію и переговариванію всѣхъ, кто былъ не по ея вкусу, и особливо не такъ безъ ума, безъ памяти обожалъ московскія моды, какъ она» [239]), Аграфена Ивановна, любившая разбивать свадьбы [240]), Марья Юрьевна Петрова, имѣвшая большую охоту «вязать разныя сплетни между домами» [241]).

«В. В.» осмѣивала, между прочимъ, страсть къ тяжбѣ, къ стихотворству, къ составленію всякихъ несбыточныхъ проектовъ, страсть скопидомства. Для всѣхъ этихъ насмѣшекъ «В. В.» могла найти въ современной ей дѣйствительности нужныя данныя. Возьмемъ, напр., страсть къ тяжбѣ. Чечулинъ признаетъ не только наличность ея въ тогдашней жизни, но даже пытается объяснить ее: «Отчасти вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ поземельныхъ границъ и столкновеній по хозяйству многіе были большими охотниками тягаться, очень интересовались тяжебными дѣлами, находили, что знать приказныя дѣла да законы всего необходимѣе, и даже на грамоту иные смотрѣли лишь какъ на средство самому не попасть въ дѣлѣ въ просакъ, а другого провести» [242]).

А вотъ нѣсколько оригиналовъ, любителей тяжбы: О. Илларіонъ и о. Иванъ, священники въ имѣніи Болотова, почти цѣлый свой вѣкъ судились [243]); дядя Болотова, Матвѣй Петровичъ Болотовъ, любилъ вести ябедныя дѣла и поговорить о нихъ [244]); вотъ Язвинцевъ, «ябедникъ и сквернавецъ», негодяй, которому не трудно крестьянъ «подбить и наустить всему злому» [245]); вотъ старушка, тоже любительница приказныхъ (ябедническихъ) дѣлъ [246]).

Не трудно замѣтить въ половинѣ XVIII в. въ обществѣ страсть къ стихотворству. Вотъ поручикъ Васильевъ, «любитель литературы Екатери-

---

[236]) *Болотовъ*. Op. cit., II, 376—377. [237]) Ib., III, 43. [238]) Ib., III, 115.
[239]) Ib., II, 556. [240]) Ib., 491. [241]) Ib., IV, 213.
[242]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 248—249.
[243]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 149. [244]) Ib., II, 225 и 229. [245]) Ib., IV, 1003.
[246]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 249.

пинскихъ временъ», пописывающій плохенькіе стишки [247]); вотъ помѣщикъ Ладыженскій, большой балагуръ и любитель развеселить компанію, нерѣдко говорящій «виршами, не разбирая, кстати-ль бы то было или некстати» [248]), а вотъ и самъ Болотовъ, человѣкъ безусловно образованный съ сильно выраженною индивидуальною личностью, не могшій, однако, противостоять этому увлеченію и писавшій стихи—описаніе природы, даже загадки [249]).

Для любителей проектовъ были свои оригиналы. Вотъ, напр., графъ П. Ив. Шуваловъ «человѣкъ замысловъ великихъ и предпріимчивый» [250]); онъ былъ любитель проектовъ; его домъ былъ полонъ писцами, переписывающими «отъ графа прожекты» [251]), изъ которыхъ нѣкоторые были «къ пріумноженію казны государственной, которой на бумагѣ милліоны поставлено было цифромъ» [252]). Графу принадлежало нѣсколько проектовъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ: «По вступленіи графа въ артиллерію проявились многіе прожекты, дѣльные и недѣльные, а паче для того, что графъ былъ охотникъ и сего требовалъ отъ всѣхъ офицеровъ, кто можетъ что показать. Я помышлялъ также, какъ и прочіе, оказать что-нибудь новое» [253]). Въ результатѣ всѣхъ этихъ проектированныхъ усовершенствованій «батарейки»,«близняти» оказались негодными, и только «единороги» оказались пріемлемыми [254]).

Въ тогдашней русской жизни, какъ и теперь, можно было встрѣтить любителей копить. Отмѣчаетъ эту черту тогдашняго времени Чечулинъ: «Малая привычка къ обществу и общественной жизни содѣйствовала развитію типа людей или очень угрюмыхъ, нелюдимыхъ или очень горячихъ, вспыльчивыхъ; простота обстановки вырабатывала много людей скупыхъ, особенно часто встрѣчавшихся тогда въ средѣ дворянъ мелкихъ» [255]). Одного изъ такихъ скопидомовъ отмѣчаетъ Болотовъ; это его дядя, жившій въ Дворяниновѣ, Матвѣй Петровичъ Болотовъ; онъ отличался «чрезмѣрною склонностью къ сребролюбію и скупости» [256]), которая заставляла его ябедничать ссориться съ сосѣдями, завидовать.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что тогдашняя дѣйствительность давала «В. В.» матеріалъ для того, чтобы протестовать противъ еще не переведшагося обычая держать шутовъ. Болотовъ имѣлъ въ своемъ домѣ человѣка, на котораго смотрѣли иногда, какъ на шута; это Вильгельмсонъ, учитель нѣмецкаго языка въ домѣ Болотова; послѣдній характеризуетъ его «изряднымъ полушутикомъ»» [257]); надъ нимъ смѣялись, издѣвались, чинили всякія проказы.

Были въ тогдашней дѣйствительности и противники образованія

---

[247]) *Пекарскій*, Любитель литературы Екат. временъ. О. З. 1856. IV, 493—514.

[248]) *Болотовъ*. Op. cit., II, 353.

[249]) Ib., IV, 851; 1091—1099; 1104—1105; 1209—1212.

[250]) *Даниловъ*, Op. cit., 80.

[251]) Ib., 105. [252]) Ib., 105. [253]) Ib., 81. [254]) Ib., 81—82.

[255]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 254.

[256]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 225. [257]) Ib., III, 653.

Такъ Чечулинъ выводитъ «одну старушку, которая оспариваетъ пользу и необходимость ученія далѣе грамоты и говоритъ, что узнать приказныя дѣла—всего полезнѣе и нужнѣе» [258]).

Намъ думается, что нечего фактами доказывать наличность тяжелаго положенія крестьянъ въ то время: это—общеизвѣстное положеніе. Мы отмѣтимъ только и тяжелое положеніе солдатъ, которое отмѣчаетъ Болотовъ [259]).

---

[258]) *Чечулинъ*. Op. cit., IV, 249.

[259]) *Болотовъ*. Op. cit., I, 357—358.

ГЛАВА VI.

Переходимъ теперь къ рѣшенію вопроса о сотрудничествѣ въ «В. В.» Екатерины II и о направленіи, тонѣ, цѣляхъ изданія журнала.

Участіе Екатерины II въ изданіи «В. В.» несомнѣнно: въ Государственномъ архивѣ нашлись ея автографы, предназначенные для «В. В.», но въ свое время не напечатанные тамъ. Это участіе Екатерины II было негласнымъ. Ученые обычно предполагаютъ, что современные «В. В.» журналы и ихъ руководители знали, кто является истиннымъ руководителемъ «В. В.»; принимая это во вниманіе, изслѣдователи обычно удивляются тому свободному и независимому тону нѣкоторыхъ журналовъ, который они приняли по отношенію къ «В. В.» въ полемикѣ съ нею. Конечно нельзя теперь вполнѣ опредѣленно сказать, было или не было извѣстно для современниковъ Екатерины ея участіе въ «В. В.». Но если мы обратимся къ самой «В. В.», то мы несомнѣнно замѣтимъ извѣстную близость «В. В.» къ императрицѣ.

«В. В.» поздравляетъ Екатерину II съ Новымъ годомъ, отмѣчаетъ успѣхи русскаго оружія (151, 115), восхваляетъ Екатерину за ея заботы о благѣ подданныхъ (108), отмѣчаетъ ея постоянныя заботы, чтобы ея подданные были добродѣтельны (165, 146), называетъ ея царствованіе «счастливымъ» (147), прославляетъ ее за то, что при ней наступилъ «златой въ сѣверѣ вѣкъ» (29) [260]), сравниваетъ ее съ Петромъ Великимъ и отдаетъ предпочтеніе Екатеринѣ («Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу» 51) [261]), призываетъ своихъ читателей къ дѣятельной помощи императрицѣ въ ея государственныхъ заботахъ, печатаетъ даже статью, «какимъ образомъ заслужить милость государя» (152).

Эти постоянные панегирики Екатеринѣ II со стороны «В. В.» невольно заставляютъ предполагать нѣкоторую близость Екатерины II къ «В. В.».

Однако въ научной литературѣ о «В. В.» на первыхъ порахъ ея изученія (Буличъ, Аѳанасьевъ, Добролюбовъ, Мордовцевъ) сначала не подозрѣвали участія Екатерины II въ изданіи «В. В.». Только Пекарскій доказалъ участіе Екатерины въ изданіи «В. В.», и съ этого времени

---

[260]) «В. В.», 84. [261]) «В. В.», 139.

въ наукѣ существуетъ на этотъ предметъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе, которое теперь перешло уже и въ учебники.

Но если сравнительно уже давно отмѣчается въ наукѣ непосредственное участіе Екатерины II въ изданіи «В. В.», то до сихъ поръ однако съ точностью еще не установлено, какія именно статьи «В. В.» принадлежатъ императрицѣ, несмотря на то, что этотъ вопросъ уже давно интересуетъ изслѣдователей. Шумигорскій еще въ 1887 г. высказалъ предположеніе, которое Пыпинъ считаетъ «весьма вѣроятнымъ» [262]), что «всѣ редакціонныя статьи въ «В. В.», если не писаны императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ» [263]). Самъ Пыпинъ, редактируя академическое изданіе «сочиненій Екатерины II», счелъ возможнымъ помѣстить въ 5 т. соч. Екатерины II около 30 статей «В. В.». Правда, помѣщая эти статьи въ полное собраніе сочиненій Екатерины II, онъ оговаривается, что изъ «В. В.» перепечатаны такія статьи, «въ которыхъ можно предполагать участіе Екатерины, а также нѣсколько статей, которыя хотя, вѣроятно, ей не принадлежатъ, но стоятъ въ тѣсной связи съ тѣми, которыя можно ей приписать: таковы, напр., письма разныхъ лицъ къ издателямъ «В. В.» [264]). Послѣдняя оговорка Пыпина крайне туманная, такъ какъ она нисколько не разъясняетъ, а скорѣе, пожалуй, затемняетъ дѣло: вѣдь письма въ редакцію—самая употребительная форма статей «В. В.»; къ тому же нѣтъ никакой почти возможности опредѣлить, прислано ли дѣйствительно откуда-нибудь письмо въ редакцію, или же оно заготовлено въ самой редакціи. На основаніи этой оговорки можно думать, что, по мнѣнію Пыпина, слѣдующія статьи: 5, 9, 17, 26, 35, 43, 53, 60, 108, 116 не написаны и не внушены Екатериной II. А между тѣмъ статья 108 несомнѣнно принадлежитъ Екатеринѣ, и Пыпинъ безъ сомнѣнія зналъ это.

Необходимо также замѣтить, что Пыпинъ не мотивируетъ, почему онъ вноситъ эти, а не какія-либо другія статьи «В. В.» въ собраніе сочиненій Екатерины II. Его ссылка на Шумигорскаго не оправдываетъ его. Шумигорскій нѣсколько шире рѣшалъ этотъ вопросъ. Вотъ мнѣніе послѣдняго: «Всѣ редакціонныя статьи, по нашему мнѣнію, если не писаны императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ; вотъ почему, не говоря ужъ о другихъ основаніяхъ, мы и приписываемъ ихъ ей » [265]).

И собственно говоря, если стать на точку зрѣнія Шумигорскаго, то нужно признать, если не написанными, то несомнѣнно «внушенными» ею, какъ главнымъ редакторомъ, помимо указанныхъ Пыпинымъ статей еще и слѣдующія (или полностью, или только отвѣты редакціи): 4, 7, 11, 15, 16, 20, 24, 28, 29, 30, 34, 38, 39, 44, 46, 48, 49, 50, 51, 55, 56, 58, 63, 64, 67, 68, 71, 73, 74, 77, 79, 80, 84, 92, 95, 97, 98, 112, 113, 133, 136, 138, 141,

---

[262]) Академическое изданіе сочиненій Екатерины II, т. V, 337.

[263]) Ib., т. V, 337. [264]) Ib., т. V, 331.

[265]) *Шумигорскій*. Op. cit., 24.

143, 144, 153, 160, 164, 167, 172. Правда, многія изъ этихъ статей даютъ слишкомъ мало для обрисовки журнальной физіономіи «В. В.». Но все же, намъ кажется, нельзя обходить совершеннымъ молчаніемъ, какъ это дѣлаетъ Пыпинъ, и указанныхъ нами статей, которыхъ, правда, Шумигорскій не отмѣчаетъ, но которыя онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду. Среди нихъ имѣются очень характерныя для «В. В.» статьи (44, 49, 68, 73, 84, 138, 164, 167), и совершенно непонятно, почему Пыпинъ, считающійся по данному вопросу съ мнѣніемъ Шумигорскаго, не привелъ хотя бы этихъ, только что указанныхъ нами статей.

По нашему мнѣнію, крайне, конечно, трудно вполнѣ опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, какія именно статьи «В. В.» были написаны Екатериной II, а какія только внушены ею. Мы думаемъ, что можно согласиться съ предположеніемъ Шумигорскаго относительно принадлежащихъ Екатеринѣ II статей и внести небольшую поправку во взглядъ Пыпина по данному вопросу. Пыпинъ отличаетъ отвѣты редакціи отъ самыхъ писемъ, на которыя давались отвѣты, при чемъ предполагаетъ, повидимому, что отвѣты давались или самой Екатериной II или же кѣмъ-нибудь другимъ, но въ указанномъ ею направленіи, письма же присылались со стороны. Но мы уже видѣли, что приходится нѣсколько заподозривать дѣйствительную присылку писемъ въ редакцію; принимая же во вниманіе несомнѣнную тѣсную связь отвѣтовъ на письма съ этими послѣдними, можно думать, что и письма эти были заготовлены въ редакціи, а въ такомъ случаѣ они были или написаны Екатериной II, или «внушены» ею. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Екатерина могла принимать то или иное активное участіе не только при написаніи тѣхъ писемъ, которыя Шумигорскій отнесъ на счетъ Екатерины (они приведены нами выше), но и тѣ, какія отмѣчаетъ Пыпинъ. А послѣдній вноситъ въ собраніе сочиненій Екатерины II слѣдующія статьи «В. В.»: Поздравленіе съ Новымъ годомъ, Ко читателю, Госпожѣ Публикѣ краткое привѣтствіе, статьи 1, 2, 3, 5—съ отвѣтомъ редакціи, 9—съ отвѣтомъ, 17—съ отвѣтомъ, 26 (1, 2)—съ отвѣтомъ, 35—съ отвѣтомъ, 36, 41, 43—съ отвѣтомъ, 47, 52, 53, 60—съ отвѣтомъ, 66, 81, 108, 111, 116—съ отвѣтомъ, 123, 140, 147, 159, 161, 163, 176.

Повторяемъ, слишкомъ трудно пока опредѣлить, какія изъ всѣхъ, приписываемыхъ нами Екатеринѣ II, написаны ею. Если нѣкоторыя статьи и даютъ нѣкоторую возможность приписать ихъ Екатеринѣ II по намекамъ на событія ея жизни (Ко Читателю, 1, 73, 36), по принципіально важному характеру нѣкоторыхъ редакціонныхъ статей (весь вступительный номеръ, 35), то относительно многихъ другихъ статей трудно высказаться вполнѣ опредѣленно. Поэтому, не беря на себя смѣлость рѣшенія этого вопроса, мы тѣмъ не менѣе сдѣлаемъ попытку еще нѣсколько расширить кругъ тѣхъ статей, которыя можно приписать Екатеринѣ II.

Автобіографическія данныя изъ жизни Екатерины можно, по нашему мнѣнію, видѣть въ статьяхъ: 85, 101 и 75. Въ первой статьѣ имѣются прозрачные намеки на государственныя и частныя заботы императрицы о благосостояніи своихъ подданныхъ, о ея помощникахъ, зараженныхъ нѣко-

торыми пороками и т. д.; характерно признаніе автора статьи, что онъ «изъ разореннаго дома возстановилъ домъ изобильный и такъ сказать одинъ изъ лучшихъ» [266]). 101-ю статью позволяетъ отнести на счетъ авторства Екатерины то обстоятельство, что едва ли кто другой взялся бы за щекотливое предпріятіе описывать дѣянія славнаго восточнаго царя. На этомъ же основаніи можетъ быть можно и въ авторѣ 102 статьи, которая изображаетъ реформы, повидимому, Петра Великаго видѣть Екатерину II. Наконецъ ст. 75 указываетъ на вліятельное положеніе переводчика статьи и отмѣчаетъ, между прочимъ, что приближенные вліятельныхъ людей находятся въ болѣе удобномъ положеніи сравнительно со своими владыками для дѣланія добра,—вѣдь имъ часто лучше извѣстны «малѣйшія обстоятельства дѣла» [267]).

Благодаря тому, что въ статьѣ Правдомыслова (вторая половина 97 статьи) можно встрѣтить нѣкоторые характерные для Екатерины II отвѣты (1, 2, 8, 10, 11), можетъ быть, и эта статья, если не вся, то вторая ея половина, принадлежитъ императрицѣ. Съ нѣкоторой вѣроятностью Екатерину II можно считать авторомъ статьи 114. Въ этой статьѣ есть такой рѣзкій отзывъ объ извѣстныхъ авторахъ пословицы «послѣ насъ хоть потопъ», что невольно начинаешь подозрѣвать въ авторѣ статьи высокую особу.

По фамильярному отношенію къ царскому званію автора 62 статьи тоже можно догадываться о высокомъ положеніи автора названной статьи.

Можетъ быть Екатеринѣ II принадлежатъ статьи 96 и 149, въ которыхъ авторъ высмѣиваетъ страсть къ проектамъ всякаго рода, особенно несбыточнымъ. Съ типами любителей и любительницъ проектовъ намъ приходится встрѣчаться и въ другихъ сочиненіяхъ Екатерины II, написанныхъ приблизительно около этого же времени (Некопѣйковъ въ ком. «Именины Госпожи Ворчалкиной).

Въ переводчикѣ 137 статьи, по нашему мнѣнію, можно видѣть Екатерину II, уже по одному тому, что въ этой статьѣ слишкомъ свободно говорится о министрахъ, которымъ мѣшаетъ сочинять важную депешу августовская муха, «коя сядетъ непремѣнно на носъ, на бровь, или на лобъ министру» (характерно, что эти слова представляютъ изъ себя вставку русскаго переводчика; въ «Spectator'ѣ» этого нѣтъ). Но и помимо этого необходимо помнить, что эта статья, описывающая визиты вельможамъ со стороны просителей, обрабатываетъ одинъ и тотъ же мотивъ, что и «Передняя знатнаго боярина», комедія въ одномъ дѣйствіи, написанная Екатериною II и представленная на сценѣ придворнаго театра 18 сент. 1772 г. Можно думать, что въ основу этой комедіи положена 137 статья «В. В.»: въ то время, какъ статья «В. В.» подчеркиваетъ ненужность визитовъ, комедія описываетъ самый характеръ просьбъ, съ которыми являются просители къ боярину.

Екатеринѣ II, вѣроятно, принадлежитъ и статья 69. По крайней мѣрѣ,

---

[266]) «В. В.», 220. [267]) «В. В.»,191.

«сѣрая сука», «муругій кобель», про которыя упоминается въ этой статьѣ, встрѣчаются и въ отрывкахъ Екатерины II, найденныхъ Пекарскимъ («Матеріалы», стр. 4). Можетъ быть, Екатеринѣ II принадлежатъ и статьи 78 и 130. Извѣстно, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» Екатерина часто высказывала свои мысли отъ лица «дѣдушки». Съ «дѣдушкой» мы встрѣчаемся въ 130 статьѣ. Но можно думать, что Екатерина во время изданія «В. В.» высказывала свои мысли не только отъ лица дѣдушки; можетъ быть она иногда вела бесѣды и отъ лица дядюшки,—а въ такомъ случаѣ ей можетъ принадлежать и 78 статья; а что отъ лица дядюшки она могла высказывать свои мнѣнія, это доказывается тѣмъ, что отнесенная нами по другому основанію статья 85 тоже высказываетъ свои мысли отъ лица дядюшки.

Смотря на Екатерину II, какъ на издателя «В. В.» и одного изъ главныхъ сотрудниковъ этого журнала, и принимая во вниманіе редакціонныя статьи «В. В.», постараемся опредѣлить направленіе «В. В.». На первый взглядъ можно, пожалуй, прійти къ тому заключенію, что у «В. В.» не было ни опредѣленной журнальной физіономіи, ни вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ на предметы своей сатиры, ни вполнѣ опредѣленнаго отношенія къ нимъ, благодаря чему она допустила не мало противорѣчій, особенно когда ей пришлось вести довольно жаркую полемику съ другими журналами. Правда, самый фактъ противорѣчій въ «В. В.», какъ журналѣ половины XVIII в., не удивителенъ: критика отмѣчаетъ противорѣчія вообще въ журналахъ того времени. Добролюбовъ, напр., говоритъ: всѣ журналы третьей четверти XVIII в. «отличались болѣе или менѣе полнымъ отсутствіемъ убѣжденій и болѣе или менѣе яркою пестротою противорѣчивыхъ понятій и взглядовъ» [268]). Противорѣчія отмѣчаетъ и Чечулинъ; по его мнѣнію, эти противорѣчія являлись въ то время обычнымъ дѣломъ; «поэтому, говоритъ онъ, часто въ одномъ и томъ же журналѣ, даже у одного и того же автора, чуть не рядомъ въ двухъ статьяхъ встрѣчаемъ совершенно противоположные взгляды» [269]).

Не была исключеніемъ и «В. В.»: и она допустила немало противорѣчій, но наглядныхъ примѣровъ этихъ противорѣчій въ нашей научной литературѣ почти не приводилось. Добролюбовъ только признаетъ ихъ; а Мордовцевъ обще говоритъ объ этихъ противорѣчіяхъ; вотъ его отзывъ: «Что она писала неискренно, даже можетъ быть, противъ своихъ убѣжденій, доказывается тѣмъ, что, по окончаніи полемики, она снова вооружилась противъ взяточничества и нападала на чиновниковъ едва ли не удачнѣе прочихъ журналовъ, исключая, разумѣется, Трутня» [270]).

Противорѣчія отмѣчали нѣкоторые изъ тогдашнихъ журналовъ. «Смѣсь», напр., по поводу полемики «В. В.» съ «Трутнемъ», вполнѣ правильно заявила: «въ нихъ (въ послѣдующихъ журналахъ, во внучкахъ) я не вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она («Бабушка»—«В.В.») за-

---

[268]) *Добролюбовъ*, «Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова», 10.
[269]) *Чечулинъ*. Op. cit., VI, 277.
[270]) *Мордовцевъ*. Op. cit., II, 323 (Ср. II, 330).

путалась. Бабушка въ добрый часъ намѣревается исправлять пороки, а въ блажной—даетъ имъ послабленіе» [271]). Но такъ какъ до настоящаго времени не было попытокъ болѣе или менѣе полнаго перечня противорѣчій «В. В.», то мы позволимъ себѣ болѣе или менѣе подробно остановиться хоть на главныхъ противорѣчіяхъ «В. В.».

«В. В.» неоднократно осмѣиваетъ Трѣдьяковскаго и Лукина (5, 15, 21, 37, 138) и защищаетъ ихъ (15, 40, 154); она отказывается помѣщать письма относительно семьи (47), хотя до этого времени печатала ихъ (23 ст. напр.), и въ то же время рисуетъ ненормальность тогдашней семейной жизни (113, 121, 124, 131, 143), говоритъ о дѣвушкахъ, приносящихъ своему жениху въ приданое не менѣе полдюжины рогъ, о мужьяхъ «Рогоносцевыхъ» (124), о дамахъ, проводящихъ время больше въ гостяхъ, чѣмъ дома (52); «В. В.» къ браку относится то серьезно (136), то легко (160); она осмѣиваетъ духовенство (2) и защищаетъ его (146), она отказывается помѣщать на своихъ страницахъ все, что можетъ вызвать брань и ссору съ другими журналами (35, 48), говоритъ, что ссоръ «всегда прилежно избѣгать» (48),—и въ тоже время сама даетъ предметъ спора (119), хотя несомнѣнно предчувствуетъ, что споръ будетъ «горячъ» и «съ бранью» (120); она предлагаетъ спорить безъ брани (35, 43)—и сама нерѣдко бранится (66); она стоитъ «за хорошія шутки» (36), но нерѣдко и сама допускаетъ дурныя—всюду, гдѣ шутки ради шутки, гдѣ слишкомъ прозрачно осмѣиваетъ опредѣленныя лица. Она говоритъ о необходимости свободы мысли и слова (120), свободы печати (43)—и столько смѣется надъ всякими хулителями, разными предпринимателями и неудачными писателями... «В. В.» яркими красками обрисовываетъ злоупотребленія судей, подъячихъ, даетъ прекрасную иллюстрацію ихъ злоупотребленій (мы это уже видѣли),—и въ то же время совѣтуетъ рисовать доблестныхъ сыновъ отечества, какъ «славный способъ исправленія слабостей человѣческихъ» (81) [272])... Она—злой сатирикъ подъячихъ, объясняетъ взяточничество ихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что подъячихъ *искушаютъ* брать и даетъ такой совѣтъ: «не обижайте никого, кто же васъ обижаетъ, съ тѣмъ полюбовно миритесь безъ подъячихъ» (60). Мало того, Патрикій Правдомысловъ видитъ причину неправосудія не въ неправедныхъ судьяхъ, а въ насъ самихъ: «перестанемъ быть злыми,—не будемъ имѣти причины жаловаться на неправосудіе» (108) [273]). Затѣмъ она заявляетъ, что подъячихъ «не можно и не должно перевести» (60) [274]), а нѣсколько позже предупреждаетъ ихъ, что если они не исправятся, то они будутъ уничтожены (116), и печатаетъ нравоучительныя Заповѣди для нихъ (140). Она, нерѣдко сатирикъ, признала лучшимъ способомъ исправленія нравовъ изображеніе добродѣтельнаго человѣка (81) и, разумѣется, не дала яркихъ примѣровъ такого человѣка. Наконецъ, ея первоначальныя намѣренія бороться съ пороками, взглядъ на пороки, какъ только на слабости чело-

---

[271]) Цитируется по Пятковскому. Ч. II, 39.

[272]) «В. В.», 213—214. [273]) «В. В.», 280. [274]) «В. В.», 160.

вѣческія и, наконецъ, рекомендованный ею способъ относиться къ «слабостямъ» со снисхожденіемъ, — все это представляетъ изъ себя такія противорѣчія, въ которыхъ «ВВ» въ концѣ-концовъ *совсѣмъ запуталась*.

Помимо этого «В. В.» противорѣчила себѣ самой, когда говорила, что приняла за правило «не цѣлить на особъ, но единственно на пороки» [276]). Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть это обстоятельство, потому что данное правило признается характернымъ для «В. В.», и на основаніи его строятъ превратныя заключенія относительно «В. В.». «В. В.» подчеркиваетъ это правило, и неоднократно осмѣиваетъ Лукина, Тредьяковскаго. Правда, она осмѣивала ихъ сочиненія, а не ихъ самихъ; но какъ можно осмѣять сочиненіе, не осмѣивая писателя? «В. В.» заявляетъ, что она «не цѣлитъ на особъ, но единственно на пороки»... Но когда она заявляетъ это? Послѣ того, какъ Топтоногова жалуется (49), что ее осмѣяла «В. В.» а послѣдняя утѣшаетъ ее, говоря, что она не имѣла ея въ виду; и жалоба Топтоноговой не единоличная. «В. В.» неоднократно получала заявленія (103, 104, 111), что многіе узнаютъ себя въ нѣкоторыхъ описаніяхъ «В. В.». Не разъ «В. В.» сравнивала также себя (64, 111) съ зеркаломъ, въ которомъ узнаютъ себя порочные люди, и выражала надежду, что благодаря этому зеркалу многіе могутъ узнать себя или другихъ.

Помимо этого, развѣ Екатерина II, редакторъ «В. В.», отъ которой, конечно, въ значительной степени зависѣла та или иная физіономія «В. В.», развѣ она въ «Быляхъ и Небылицахъ» довольно прозрачно не осмѣяла нѣкоторыхъ лицъ? Вспомнимъ хотя бы ея статьи объ «обществѣ незнающихъ» (пародія на засѣданія Академіи Наукъ), описаніе нерѣшительнаго (пародія на гр. Шувалова), пародію на «Начертаніе о Россійскихъ сочиненіяхъ и Россійскомъ языкѣ», описаніе тяжбы Дашковой съ Нарышкинымъ подъ видомъ тяжбы между Пострѣловымъ и Дурындиной. И это не всѣ еще примѣры личной сатиры, данной Екатериной II. Это ли не сатира на лица? Или взгляды Екатерины на этотъ предметъ ко времени изданія «Былей и Небылицъ» успѣли измѣниться? Но если они и измѣнились, то во всякомъ случаѣ не въ данномъ направленіи... Нѣтъ, нужно признать, что «В. В.» признавала личную сатиру и пользовалась иногда ею.

Какія же цѣли ставилъ себѣ журналъ и при помощи какихъ средствъ онъ разсчитывалъ достигнуть ихъ?

Интересно, конечно, отмѣтить прежде всего, какъ смотрѣла на всѣ эти вопросы сама «В. В.».

Начиная издавать журналъ, редакція «В. В.» поставила себѣ цѣлью выработать у читателей «добрый вкусъ и здравое разсужденіе» (Позд. съ Нов. г.). Послѣ почти полуторагодичной журнальной дѣятельности редакція нѣсколько подробнѣе высказалась о цѣли изданія журнала. «Я хотѣлъ показать первое, читаемъ мы въ послѣдней статьѣ, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе, открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, за-

---

[276]) «В. В.», 134.

бавляя ихъ; и третіе, говорить русскимъ о русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ» (176) [277]).

Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемся съ завѣреніями «В. В.», что она поставила цѣлью бороться съ пороками (49, 61). Въ общемъ—исправленіе нравовъ, такъ, съ точки зрѣнія и «В. В.», можно опредѣлить ея цѣль. Но, поставивъ себѣ цѣлью исправленіе нравовъ, «В. В.» довольно скептически сама относилась къ возможности путемъ журнальной работы исправить нравы общества. «Что мы никого не передѣлаемъ на свой трантъ... о томъ сомнѣнія у насъ нѣтъ; однако видно изъ вашего письма и гнѣва, отвѣчаетъ редакція на одно письмо, что кое-что остается въ памяти и у тѣхъ, кои насъ не жалуютъ» [278]) (49). Если, по мнѣнію «В. В.», послѣ ея нападокъ на «маханье», перестанутъ «махать» не такъ открыто, то она и этимъ уже будетъ довольна (ibid). Еще опредѣленнѣе признавала почти безсиліе своихъ сатирико-нравоучительныхъ статей нѣсколько позднѣе, почти въ самомъ концѣ перваго года своей дѣятельности: высмѣявъ высокія прически, «В. В.» предвидитъ, какъ модницы, познакомившіяся съ этой статьей, задумаются немного, а потомъ позовутъ горничную и прикажутъ ей, какъ можно выше—«повыше, пожалуй повыше» [279]) (145)—сдѣлать прическу (см. также ст. 43). Иногда «В. В.» какъ будто даже заподазриваетъ серьезность принятой ею задачи и чуть ли не признается, что изданіе «В. В.» имѣетъ цѣлью доставить удовольствіе своимъ выходомъ издателю. «Сіе сочиненіе, говоритъ она, есть, можетъ быть, шалость; но она меня веселитъ. Я же почитаю сіе невинной забавой; а статься можетъ, что тому или другому дамъ полезное наставленіе, заставивъ его узнать себя или другихъ, что уже многаго стоитъ во свѣтѣ семъ» (36) [280]).

Даже то обстоятельство, что «В. В.» могли не читать, не смущало редактора: пусть не читаютъ, а онъ все-таки будетъ продолжать писать, пока есть охота (3) [281]).

Но заявляя о своемъ желаніи бороться съ пороками, «В. В.» признавала необходимымъ для этого изображать въ журнальныхъ статьяхъ порочныхъ людей, которые въ этихъ статьяхъ видѣли бы себя, какъ въ зеркалѣ. Въ началѣ выхода журнала «В. В.» заявляла, что читатели «увидятъ себя не только снаружи въ зеркалѣ, но еще и внутреннія свои достоинства, начертанныя перомъ» (111). Точно также и въ другомъ мѣстѣ (64) «В. В.» называетъ себя «зеркаломъ», «въ которое можно роду человѣческому себя разсмотрѣть» [282]). Это изображеніе должно было быть при помощи «справедливой, вѣжливой и веселой критики» (73) [283]), «пріятныхъ, веселыхъ и полезныхъ сообщеній» (138) [284]); «давать людямъ наставленія, забавляя ихъ» (176) [285])—такъ въ концѣ концовъ была формулирована «В. В.» цѣль изданія «В. В.» и средства достиженія этой цѣли. Но что выше цѣнила сама «В. В.»: нравоученіе или же игривую, забавную сатиру,—на этотъ вопросъ «В. В.» не дала опредѣленнаго отвѣта и, повидимому, сама ко-

---

[277]) «В. В.», 551—552. [278]) «В. В.», 134. [279]) «ВВ.», 392. [280]) «В. В.», 98—99.
[281]) «В .В.», 6. [282]) «В. В.», 170. [283]) «В. В.», 195. [284]) «В. В.», 373. [285]) «В. В.», 551.

лебалась при рѣшеніи этого вопроса. «Я бы совершенно лучше желала приложити стараніе дать наставленіе, нежели забавлять» (123) [286], читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ. Не то въ другомъ: «Гдѣ забавы нѣтъ, читаемъ мы въ послѣдней статьѣ «В. В.», тутъ обыкновенно скука не далека: а гдѣ скука есть, тутъ для пріема наставленій расположеніе не весьма способное» (176) [287].

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ также для общей характеристики «В. В.» ея отношеніе къ читающей публикѣ. Къ мнѣнію этой публики «В. В.» относилась довольно равнодушно и вполнѣ опредѣленно заявляла, что она не желаетъ считаться со взглядами публики на «В. В.». Для редакціи «В. В.» «неважно» (111) [288], какъ о ней думаютъ, она всѣмъ «прощаетъ» (3) [289] за ихъ взгляды на «В. В.». «Браните, или хвалите, все писать буду; не уймусь и не перемѣнюсь. Хотя бъ никто не купилъ моего сочиненія, я бы все-таки писалъ, пока охота есть» [290] (ibid.). И, наконецъ, прекращая изданіе, редакторъ писалъ: «Прощайте, господа; я съ великимъ терпѣніемъ часто слушалъ всѣ ваши осужденія, и смѣялся отъ чистаго сердца всему тому, за что другій бы разсердился, и не пересталъ писать, пока мнѣ самому не вздумалося окончить Всякія Всячины» (176) [291]. Конечно, нельзя, вполнѣ довѣрять въ данномъ случаѣ искренности автора, но независимость «В. В.» отъ мнѣнія читающей публики и подчеркиваніе «В. В.» своего игнорированія мнѣнія этой читающей публики, обращаетъ на себя вниманіе.

Мы познакомились съ цѣлями, которыя ставила себѣ «В. В.» и со средствами, при помощи которыхъ, по ея мнѣнію, она могла достигнуть своихъ цѣлей. Но мы указывали, что «В. В.» нерѣдко впадала въ противорѣчія съ собственными заявленіями. Эти противорѣчія могутъ даже подать поводъ отрицать наличность опредѣленнаго направленія у «В. В.», однако думать такъ ошибочно: направленіе у «В. В.» было, но его она держалась не всегда, ея взгляды иногда колебались, иногда измѣнялись, и эти обстоятельства въ значительной степени зависятъ отъ личнаго руководительства журналомъ императрицей Екатериной II. Остановимся поэтому на разсмотрѣніи ея личности, насколько это можетъ насъ интересовать, а также выяснить вліяніе ея личности на характеръ ея журнальной дѣятельности во «В. В.».

Императрица Екатерина II, какъ извѣстно, отличалась живымъ темпераментомъ, склонностью къ увлеченію; ея настроеніе было нерѣдко неровнымъ, колеблющимся. Она обладала спокойнымъ, почти непоколебимымъ оптимизмомъ, который, можно сказать, былъ ея міросозерцаніемъ. Ея «главнымъ правиломъ египетской мудрости» была веселость. «Она не любила размышлять о печальныхъ событіяхъ, предаваться горю, останавливаться на какомъ-нибудь мрачномъ предметѣ» [292]. Она сама признавала важное значеніе для нея веселости; по ея признанію, веселость — «вотъ

[286]) «В. В., 328. [287]) «В. В.», 552.
[288]) «В. В.», 294. [289]) «В. В.», 6. [290]) «В . В.», 6. [291]) «В. В.», 552.
[292]) *Брикнеръ*. Op. cit., 710.

въ чемъ моя сила» [293]). Эту веселость, жизнерадостность Екатерина сохранила до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Что касается ея ума, то это былъ, безъ сомнѣнія, сильный, разносторонній, но не систематическій умъ. «Образованіе и занятія Екатерины представляли собой энциклопедію; она оставалась чуждою всякому доктринерству; она не любила никакой систематики... страсть къ систематикѣ, говорила она, рождаетъ упрямство, нетерпимость, охоту преслѣдовать другихъ и пр.. Познанія и стремленія Екатерины отличались не столько глубиною и основательностью, сколько широтою и разнообразіемъ; воспріимчивостью и трудолюбіемъ она превосходила многихъ великихъ дѣятелей въ исторіи всѣхъ вѣковъ» [294]). Помимо этого, умъ ея былъ по преимуществу практическимъ, который оживлялся большимъ запасомъ благодушной и здоровой веселости, любви къ шуткѣ. Какъ натура подвижная, живая, съ практическимъ складомъ ума, Екатерина была постоянно занята, ея натура требовала работы, и характеръ этой работы былъ самый разнообразный. Мы уже видѣли, какъ отзывается Брикнеръ о трудоспособности Екатерины II; эта трудоспособность была, поистинѣ, изумительна. Помимо своихъ государственныхъ занятій, гдѣ она входила нерѣдко во многія мелочи, она любила въ свободное отъ этихъ занятій время побесѣдовать, почитать, пописать; любила повеселиться, порой даже подурачиться. Всѣмъ этимъ она занималась съ увлеченіемъ, охотой, но въ то же время она могла всѣмъ этимъ заниматься только урывками. Ея разговоры, бесѣды отличались «многосторонностью предметовъ» [295]) и обнаруживали «умъ, познанія и способности Екатерины» [296]). Извѣстенъ восторженный отзывъ Гримма объ его бесѣдахъ съ императрицей, которую онъ въ такія минуты называлъ смѣсью «генія съ граціей», а Брикнеръ по поводу этихъ бесѣдъ замѣчаетъ: «Литературнымъ талантомъ, искусствомъ шутить остроумно, разсуждать энциклопедически о всевозможныхъ предметахъ Екатерина превосходила своего друга-собесѣдника» (Гримма) [297]).

Читать Екатерина II тоже любила, и чтеніе ея было самое разнообразное; она читала сказки, романы, драмы, научныя сочиненія по разнымъ вопросамъ энциклопедіи, сочиненія по лингвистикѣ, исторіи и т. д.

Что касается ея писательскихъ занятій, то она «больше всего любила писать» [298]). Она не могла видѣть равнодушно бѣлаго листа бумаги и очиненнаго пера, и у нея начинали «чесаться руки» [299]). Эта любовь писать, какъ отмѣчаетъ Валишевскій, была такъ велика, что писаніе для нея было чуть ли не физической потребностью и удовольствіемъ. Писать было ея страстью, и она писала удивительно много. Приходится недоумѣвать, какъ физически могла эта женщина, занимавшая русскій престолъ, написать такое множество сочиненій, а она написала «Наказъ», редактировала «В. В.» и сотрудничала въ ней, написала «Были и Небылица», писала драматическія

---

[293]) *Валишевскій*. Op. cit., 215.
[294]) *Брикнеръ*. Op. cit., 739.
[295]) Ib., 720. [296]) Ib., 720. [297]) Ib., 724.
[298]) *Валишевскій*. Op. cit., 211. [299]) Ib., 453.

сочиненія, писала учебники для внуковъ, сказки, повѣсти, сочиняла правила по вопросамъ педагогики, занималась сравнительнымъ языкознаніемъ, написала записки о русской исторіи, вела огромную переписку, иногда сама писала указы, полемизировала съ иностранными писателями («Антидотъ»), писала переводы и т. д..

Правда, литературнымъ своимъ занятіямъ она отводила первые два часа своей утренней работы, этому порядку она почти никогда не измѣняла, но все же невольно приходится удивляться всей массѣ написаннаго Екатериной II.

Интересно, конечно, знать, что побудило Екатерину II издавать журналъ?

Въ научной литературѣ этотъ вопросъ рѣшается такимъ образомъ. Къ началу 1769 г. Екатерина II уже ясно видѣла, что ея мысли о необходимости широкихъ реформъ въ государствѣ не поняты обществомъ. Это обстоятельство заставило Екатерину II призадуматься надъ вопросомъ, какимъ же образомъ она можетъ воздѣйствовать на русское общество. Многія отрицательныя стороны русской жизни естественно должны были породить у Екатерины II мысль осмѣять тѣ пороки и отрицательныя стороны жизни русскаго общества, которыя отчасти обусловливали собой непониманіе обществомъ ея законодательныхъ предположеній. Эта мысль тѣмъ болѣе легко могла появиться у Екатерины ,что она знала, какъ боятся французы насмѣшки, какое «страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ» [300]) на современное ему общество, видѣла, какъ много на Руси матеріала для ѣдкой сатиры. Къ тому же она хотѣла, можетъ быть, заполнить пустоту послѣ временнаго прекращенія работъ Комиссіи составленія новаго Уложенія журнальной дѣятельностью, «которая должна была говорить русскимъ о русскихъ и знакомить государыню съ состояніемъ умовъ того времени. Цѣли просвѣтительныя соединялись такимъ образомъ съ цѣлями политическими — путемъ обмѣна мнѣній, путемъ соглашенія, опредѣлять истинныя потребности народа и отыскивать разумные, цѣлесообразные способы къ ихъ удовлетворенію» [301]). Существованіе и большое распространеніе на Западѣ сатирическихъ и нравоучительныхъ журналовъ, ихъ періодически правильный выходъ, ихъ успѣхъ и возможность путемъ ихъ благотворнаго воздѣйствія на общество должны были подать Екатеринѣ II мысль о необходимости издавать журналъ подобнаго же направленія. Отсюда — «В. В.».

По нашему мнѣнію, этотъ общераспространенный взглядъ нельзя принять во всей его полнотѣ; онъ, намъ думается, нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ.

Этотъ взглядъ подчеркиваетъ безусловную связь «В. В.» съ «Наказомъ»... Но до сихъ поръ еще не было попытки указать эту связь. А только наличность общихъ точекъ соприкосновенія съ идейной стороны «Наказа» и «В. В.» могли бы убѣдить насъ въ непосредственной связи «ВВ» съ «Наказомъ».

---

[300]) *Добролюбовъ*, Русская Сатира Екатерининскаго времени,. Соч. т. I, 123.

[301]) *Шумигорскій*, Op. cit., 14.

Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ возможности установить тѣсную связь между «Наказомъ» съ его общими принципами и отвлеченными обобщеніями, на основаніи которыхъ созванная Комиссія должна была составить новое уложеніе, и «В. В.», съ ея жизненнымъ содержаніемъ, съ ея слишкомъ практическимъ характеромъ. Конечно, нѣкоторыя точки соприкосновенія имѣются, и было бы странно ихъ не найти: и «Наказъ» и «В.В.» принадлежатъ Екатеринѣ, написаны, сравнительно, въ близкой временной послѣдовательности. Общее гуманное отношеніе, проводимое «Наказомъ», нѣкоторыя его частныя положенія: особенная важность воспитанія и образованія, необходимость добра, равенства гражданъ, кротости въ воспитаніи, смягченія крѣпостного права, взгляды на надменность, гордость, лѣнь, ложь — все это можно встрѣтить и на страницахъ «В. В.». Но вѣдь указанныя нами точки соприкосновенія слишкомъ незначительны сравнительно съ остальнымъ, различнымъ содержаніемъ «Наказа» и «В. В.». Къ тому же, если бы между тѣмъ обстоятельствомъ, что «Наказъ» не былъ понятъ обществомъ и появленіемъ «В. В.» стояла причинная зависимость, то можно было бы думать, что «В. В.» станетъ популяризировать идеи «Наказа». Однако, нечего, конечно, доказывать, что «В. В.»—не популяризаціи «Наказа». При рѣшеніи вопроса о томъ, есть ли причинная связь между «Наказомъ», роспускомъ созванной комиссіи и появленіемъ «В. В.», необходимо имѣть въ виду еще и слѣдующее обстоятельство. Комиссія по составленію новаго уложенія ужъ не такъ-то рѣзко принципіально разошлась со взглядами Екатерины II даже на такіе щекотливые вопросы, какъ уничтоженіе крѣпостного права, пытки, которые указываетъ Пыпинъ. Разногласія не настолько были велики, чтобы уже къ 1769 г. Екатерина II признала неудачу своихъ законодательныхъ предположеній. Еще въ половинѣ 1768 года императрица продолжаетъ работы для «Наказа» (21 глава была написана 28 февраля 1768 г., 22 глава — 8 апрѣля того же года), внимательно слѣдить за работами Комиссіи. [302]) Правда, наступившая въ концѣ 1768 г. война Россіи съ Турціей заставила императрицу временно распустить Комиссію, но члены Комиссіи не всѣ разъѣхались; подкомиссіи остались въ Петербургѣ и продолжали работу до конца 1774 г., когда окончательно послѣдовало закрытіе Комиссіи. Поэтому, у Екатерины II ко времени начала выхода журнала «В. В.» еще не было сознанія, что ея законодательныя предположенія потерпѣли неудачу, что необходимо отыскать новыя средства для оказанія нужнаго воздѣйствія на русское общество.

Мы считаемъ нужнымъ указать еще одну слабую сторону общепринятаго взгляда на причинную связь «В. В.» и «Наказа». Взглядъ этотъ подчеркиваетъ, что непониманіе русскимъ обществомъ «Наказа» заставило Екатерину II издавать «В. В.», какъ примѣненіе необходимаго способа исправить нравы общества. И къ какимъ же средствамъ прибѣгаетъ Екатерина II для такого воспитательнаго воздѣйствія на общество, съ точки зрѣнія этого

[302]) *Бильбасовъ.* Памяти имп. Екатерины II. Русская Старина, 1896, 11, 241—280.

взгляда? Она начинаетъ въ своемъ журналѣ усиленно проповѣдывать— снисходительное и человѣколюбивое отношеніе къ слабостямъ людей... Мы не согласны съ мнѣніемъ о таковомъ направленіи «В. В.», говоримъ же объ этомъ въ данномъ случаѣ только для того, чтобы указать нѣкоторое внутреннее противорѣчіе въ общепринятомъ взглядѣ на причинную связь «Наказа» со «В. В».

Что же побудило Екатерину II издавать журналъ? По нашему мнѣнію, вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать нельзя. Для этого необходимо хорошо знать психологію Екатерины II и детально познакомиться съ ея литературной дѣятельностью. А считать эти вопросы вполнѣ рѣшенными къ настоящему времени нельзя.

Можно думать, что Екатерина II, начиная издавать «В. В.», не ставила вполнѣ серьезно задачи исправить русское общество путемъ журналистики: она обладала слишкомъ большимъ житейскимъ смысломъ, практическимъ реализмомъ. Несомнѣнно, она не могла не сознавать, что «В. В.» не будетъ пользоваться широкимъ распространеніемъ, что она будетъ расходиться только въ С.-Петербургѣ, что въ провинцію она рѣдко попадетъ. Но нѣкоторая возможность вліять на нравы общества столицы ей, повидимому, представлялась. Можетъ быть, Екатеринѣ II льстила также мысль начать въ Россіи издавать журналъ, который хотя бы по своему направленію и не являлся всецѣло оригинальнымъ, однако, по своему сравнительно замѣтному сатирическому направленію, по легкости языка, непринужденности тона, наконецъ, болтовнѣ, могъ замѣтно выдѣляться отъ своихъ предшественниковъ. Къ тому же это дѣло было для Екатерины II новымъ, оно отвѣчало ея писательской страсти, и она съ увлеченіемъ отдалась этой работѣ. Можетъ быть изданіемъ журнала Екатерина II хотѣла испытать свои силы на новомъ для себя поприщѣ — литературно-публицистическомъ. «Что касается до моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на бездѣлки. Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ, но мнѣ кажется, что все написанное мною довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности» [303]), — такъ отзывалась однажды Екатерина II о своихъ литературныхъ произведеніяхъ въ одномъ изъ писемъ къ Циммерману. Можетъ быть, изданіе «В. В.» представляетъ одинъ изъ такихъ опытовъ и при томъ самыхъ первыхъ, который, можетъ быть, въ нѣкоторой степени опредѣлилъ ея дальнѣйшую литературную дѣятельность. Екатерина II болѣе года внимательно слѣдила за журналомъ, принимала близкое участіе въ его жизни, сама писала статьи, несомнѣнно знакомилась и съ другими журналами... Можетъ быть, это близкое участіе въ судьбѣ «В.В.» дало ей возможность отчасти запастись тѣмъ матеріаломъ, которымъ она потомъ пользуется въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ? Не находя возможнымъ здѣсь обосновывать это, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить несо-

---

303) *Пекарскій,* Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Спб., 1863 стр.

мнѣнную близость типовъ «В. В.» съ типами послѣдующихъ драматическихъ произведеній Екатерины II.

Не поставивъ себѣ вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей изданія журнала, смотря на это изданіе, можетъ быть, какъ на нѣкоторое развлеченіе и отдыхъ отъ своихъ государственныхъ работъ; имѣя подъ руками «Spectator», а можетъ быть и еще какіе-нибудь источники, не обладая полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ во время изданія «В.В.» и очутившись въ неудобномъ положеніи императрицы-публициста, принужденнаго вести полемику съ другими журналами по довольно жгучимъ вопросамъ тогдашней дѣйствительности и выслушивать крайне нелестныя замѣчанія на свой счетъ, Екатерина II, естественно, часто впадала въ противорѣчія съ собой, что отражалось и на измѣнчивости направленія «В. В.».

Въ связи съ личностью Екатерины II, по нашему мнѣнію, и нужно рѣшать вопросъ о направленіи «В.В.»,о ея взглядахъ на цѣли,задачи сатиры, тонѣ журнала. Конечно, нельзя отрицать въ данномъ случаѣ и вліяніе «Спектатора». Несомнѣнно, оно было, но нельзя совершенно обходить молчаніемъ и отраженіе на журналѣ личности этой замѣчательной женщины, какой была Екатерина II, редакторъ «В. В.». Эта личность, во всякомъ случаѣ, даетъ замѣтно себя чувствовать на страницахъ «В.В.». Возьмемъ, напр., отношеніе «В.В.» къ крѣпостному праву. По нашему мнѣнію, позиція «В.В.» по этому вопросу въ значительной, если не исключительной степени, зависитъ отъ взглядовъ Екатерины II на этотъ вопросъ.

Еще до вступленія своего на престолъ, Екатерина II усвоила себѣ опредѣленный взглядъ на крѣпостное право, которое казалось ей противнымъ «христіанской вѣрѣ и справедливости», и безъ сомнѣнія, «съ точки зрѣнія отвлеченныхъ религіозно-нравственныхъ и естественно-правовыхъ началъ», Екатерина не могла относиться иначе къ крѣпостному праву. По своемъ вступленіи на престолъ съ помощью дворянства и войска, Екатерина начинаетъ содѣйствовать постановкѣ крестьянскаго вопроса, усиливать интересъ къ нему и въ жизни, и въ литературѣ, начинаетъ ограничивать крѣпостное право, даетъ премію въ 1000 червонцевъ за рѣшеніе поставленнаго вопроса по крѣпостному праву, въ своемъ «Наказѣ» она старается ограничить крѣпостное право, признаетъ въ крѣпостномъ личность («персона»). Но, признавая зло крѣпостного права, Екатерина II «высоко цѣнила ту теорію монархическаго строя, которая проповѣдовала, что дворянство должно естественно принять роль посредствующей власти между верховной властью и народомъ... Государыня полагала, что нарушеніе прерогативъ привилегированныхъ слоевъ общества... приводитъ къ водворенію въ странѣ демократическаго или деспотическаго государтсва; смотря на дворянство, какъ на опору монархіи, она уже съ такой сословной точки зрѣнія едва ли рѣшилась бы покончить съ его правомъ владѣть крѣпостными, тѣмъ болѣе, что сама была немало обязана ему своимъ воцареніемъ... Не признавая возможнымъ «чрезъ общее узаконеніе вдругъ сдѣлать великое число освобожденныхъ», императрица стала, главнымъ образомъ заботиться не о постепенномъ осуществленіи такой реформы, а только объ

ограниченіи крѣпостного права» [304]). Отсюда ея мѣропріятія въ области законодательства, отсюда, по нашему мнѣнію, ея литературная дѣятельность по отношенію къ крѣпостному праву: изображеніе жестокости помѣщиковъ, тяжелаго положенія крестьянъ (статьи «В.В.», комедіи: «О время!», «Именины Госпожи Ворчалкиной»); помѣщики, по мнѣнію Екатерины II, должны хорошо относиться къ своимъ крѣпостнымъ, они должны облегчить тяжелое положеніе своихъ крѣпостныхъ, помнить, что вѣдь и крѣпостные—отъ адамовой породы.

Направленіе журнала было во всякомъ случаѣ прогрессивное: «В. В.» не мирилась съ нѣкоторыми ненормальностями тогдашней общественной жизни, боролась съ ними, осмѣивала ихъ, иногда читала нравоученіе. Такое направленіе журнала обусловливалось, несомнѣнно, тѣмъ обстоятельствомъ, что журналъ вела Екатерина II.

Что касается поставленной журналомъ цѣли — исправленіе нравовъ,— то въ этомъ можно видѣть вліяніе «Spectator'а»: но скептическое отношеніе «В. В.» къ возможности достигнуть этого исправленія нравовъ, по нашему мнѣнію, нужно отнести на счетъ Екатерины II.

Что касается соединенія въ «В. В.» двухъ элементовъ—морали и сатиры, то это можно, въ значительной степени, отнести на счетъ Екатерины, независимо отъ «Spectator'а»; по ея положенію, отличительнымъ свойствамъ характера, позднѣйшей литературной (драматической и публицистической) дѣятельности — такое соединеніе морали и сатиры въ «В. В.» было вполнѣ возможно. Этимъ не отрицается, впрочемъ, и нѣкоторая возможная доля вліянія и «Spectator'а».

Тонъ журнала — не только «улыбательный», какъ объ этомъ принято говорить и думать. Въ «В. В.» было соединеніе морали съ шуткой, нокъ порокамъ «В. В.» относилась вполнѣ опредѣленно: когда «В. В.» высказывала свои исконныя мысли, а не кривила душой, она обличала пороки и недостатки общества, при чемъ въ качествѣ средства признавала и личную сатиру.

Нечего, конечно, доказывать, что и гуманное отношеніе къ людямъ, которое проводилось въ «В. В.», могло зависѣть отъ Екатерины, а не обусловливалось исключительнымъ вліяніемъ подобнаго же отношенія къ порокамъ «Spectator'а».

Въ общемъ, по нашему мнѣнію, при объясненіи взглядовъ «В. В.» на направленіе, цѣль и тонъ сатиры приходится нѣсколько уменьшать вліяніе «Spectator'а» и подчеркивать для объясненія всего это зависимость «В. В.» отъ ея редактора — Екатерины II.

Итоги изслѣдованія.

1. «Всякую Всячину» необходимо признать сатирико-нравоучительнымъ журналомъ, а не сатирическимъ только. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо

[304]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Екатерина II и крестьянскій вопросъ. Изд. «Великая реформа 19 февр. 1861», т. I, 166—167.

отрицательно отнестись ко взглядамъ на «В. В.», какъ на первый сатирическій журналъ.

2. Направленіе «В. В.» нужно признать прогрессивнымъ, тонъ — не только «улыбательнымъ», но порою обличительнымъ, порою нравоучительнымъ.

3. Въ своихъ статьяхъ, особенно сатирическихъ, «В. В.» дала рядъ близкихъ дѣйствительности картинъ тогдашняго быта, почему ея заимствованія изъ использованныхъ ею источниковъ необходимо признать довольно удачнымъ, а ея сатиру и нравоученіе — имѣющими положительное значеніе.

4. Зависимость «В. В.» отъ «Spectator'a» должна быть нѣсколько уменьшена, что нужно объяснить личнымъ руководительствомъ «В. В.» Екатерины II.

5. Выяснить вполнѣ дѣятельность Екатерины II во «В. В.» пока нѣтъ возможности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.